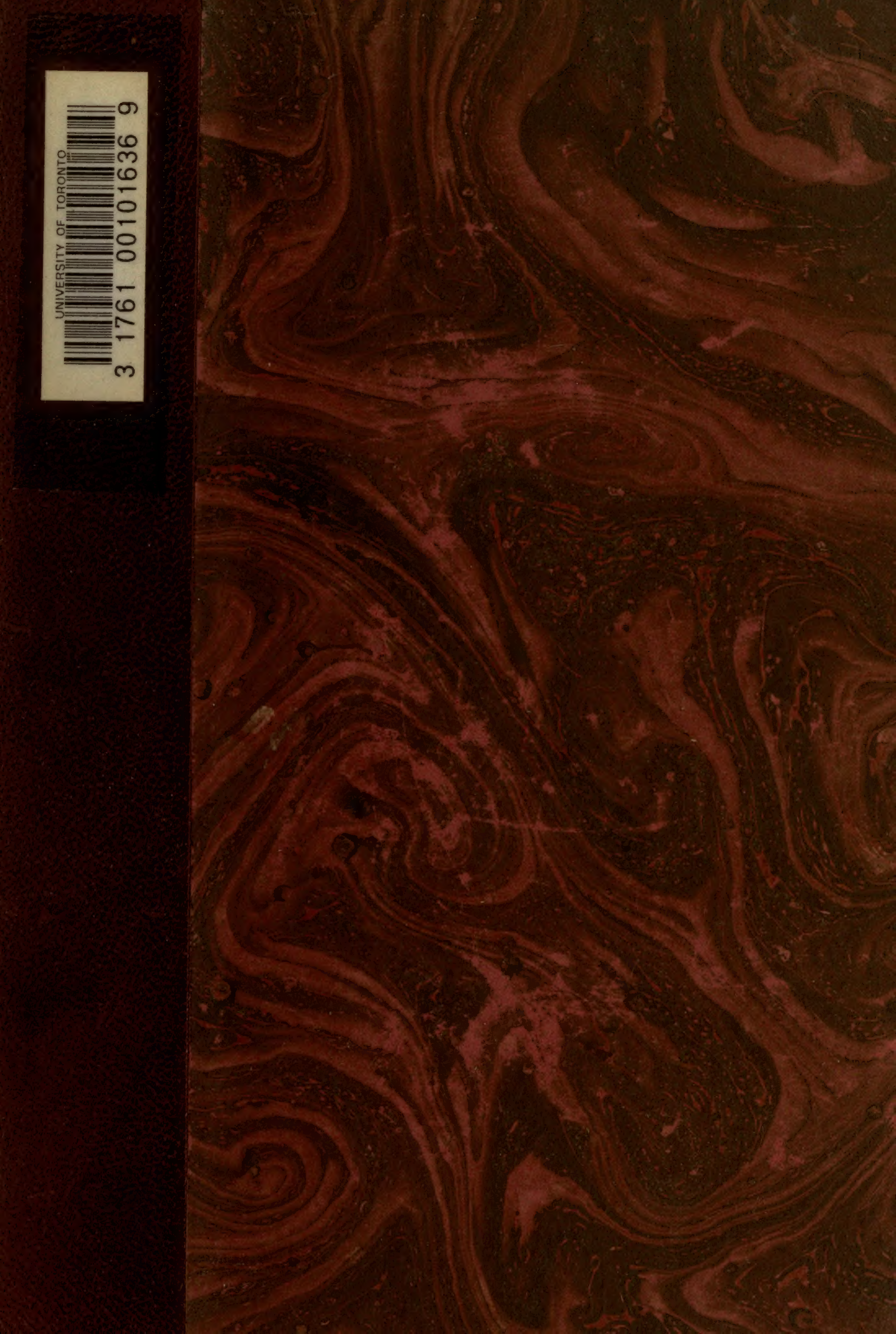

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00101636 9

A. Kuprin
I. B.

А. КУПРИНЪ.

Собраніе Сочиненій.

Со вступительной статьей Евгенія Аничкова.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

Складъ изданій:

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЛАГОЛЪ»

А. КУПРИНЪ.

МОЛОХЪ.

«МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО».
1921.

Купринъ.

Есть писатели, извѣстность которыхъ совершенно не то, что слава. Слава всегда приходитъ сразу, а они, напротивъ, не несутъ новыхъ лозунговъ, не провозглашаютъ ни эстетическихъ, ни моральныхъ парадоксовъ; ихъ имя не связывается съ какимъ нибудь обошедшимъ изъ устъ въ уста хлесткимъ словомъ или образомъ. Нѣтъ, извѣстность ихъ растетъ постепенно. Все чаще и чаще имя ихъ сочетается въ памяти читателей съ чѣмъ-то довольно смутнымъ, но пріятнымъ, что проникло въ душу, захватило или просто понравилось. И читаютъ. Читаютъ, не задаваясь ни художественными, ни моральными исканіями. Школу опредѣлить трудно; манеру не выразишь одной, двумя фразами. Потомъ когда-нибудь выяснится . . . Это значитъ, что читали для самихъ произведеній, а не поповоду вызванныхъ ими споровъ. Такой успѣхъ часто прочнѣе славы. Съ Купринымъ было именно такъ.

Родился Александръ Ивановичъ Купринъ въ 1870 г.

I.

Семилѣтнее пребываніе Куприна во 2-ой московской военной гимназіи (потомъ кадетскомъ корпусѣ) можно представить себѣ по повѣсти „На переломѣ“ изъ кадетской жизни 80-ыхъ годовъ. Въ семействѣ Зененко

изъ разсказа „Молохъ“ можно, повидимому, найти черты, схожія съ его собственной семьей. Отецъ Куприна былъ скромный провинціальный врачъ, а мать происходила изъ малоизвѣстнаго и тоже весьма скромнаго княжескаго рода.

Охота писать проснулась рано. Еще юнкеромъ Московскаго Александровскаго Военнаго училища, онъ помѣстилъ въ одномъ юмористическомъ журналѣ очеркъ „Послѣдній дебютъ“. Это, конечно, былъ первый опытъ. и тѣмъ большая была радость для юного автора. Не утерпѣлъ и подѣлился ею со своимъ воспитателемъ, за что попалъ подъ арестъ. Однако и мысли о томъ, чтобы оставить военную службу не было. Выйдя въ офицеры въ пѣхотный полкъ, стоявшій въ Житомірѣ, Купринъ мечтаетъ объ академіи и при первой возможности выдерживаетъ экзаменъ при округѣ. Но тутъ и кончилась карьера. Держать экзамены въ самоё Академію Генеральнаго штаба въ Петербургъ, Купринъ посланъ не былъ. Пришло формальное запрещеніе командующаго Кіевскимъ Военнымъ округомъ. Какая-то шумная и бурная исторія стряслась надъ молодымъ офицеромъ. Онъ попалъ въ запасъ и оказался штатскимъ.

Вотъ первое проявленіе его неугомонной, почти до дикости бурной, но нѣжной и не терпящей ничего грубаго и пошлаго натуры.

Начались скитанія, исканія занятій и, конечно, — вѣдь онъ уже испыталъ ядовитую радость видѣть свое произведеніе въ печати, — писательство. Жилъ больше въ Кіевѣ и сотрудничалъ въ тамошнихъ газетахъ, сочинялъ фельетоны для „Жизни и искусства“ и „Кіевскаго Слова“. Участвовалъ въ спортивныхъ обществахъ и велъ жизнь того запутавшагося, гульного забубеннаго люда, что слоняется по ресторанамъ второго разбора, по кафейнямъ и меблированнымъ комнатамъ, а то и гораздо хуже. Жизнь открылась пестрая,

неприглядная, подчасъ грязная и пьяная. Остроумныя выходки, шутки и кутежи стали разъ на всегда потребностью. И тѣло, и душа были отравлены черезъ нѣсколько лѣтъ такого прожиганія жизни, безпутнаго и безтолковаго. Можетъ быть сгустивши краски, въ разсказѣ „Рѣка жизни“ изобразилъ самого себя Купринъ въ эти бурные годы молодости.

Судя по очерку „Мой паспортъ“ и по знанію безчисленнаго множества медвѣжьихъ угловъ преимущественно южной Россіи, не мало пропадалъ и пробивался Купринъ и по самымъ маленькимъ городкамъ и мѣстечкамъ. При этомъ не обошлось безъ исканія сценической карьеры. Очеркъ „Когда я былъ актеромъ“ уже явно автобіографическій. Онъ дышетъ искренностью. И съ этими совершенно несомнѣнными неуспѣхами на сценѣ, конечно, связано то, что никогда Купринъ не сталъ драматургомъ. Ничего кромѣ незначительной пьесы: „Клоунъ“ не написалъ. Даже никогда не ходилъ въ театръ, а самая мысль о томъ, что тотъ или другой знакомый пишетъ для театра, всегда бывала ему непріятна. Хотя и состоялъ часто въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ актерами, но никогда иначе, какъ пренебрежительнымъ выраженіемъ: босыя лица, не называлъ ихъ.

Какъ бы то ни было, но не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ въ Кіевѣ было напечатано два небольшихъ сборника „Кіевскіе типы“ (1896 г.) и „Миніатюры“ (1897 г.).

И тогда сдѣлалъ Купринъ первое серьезное и сразу же удачное литературное усиліе. Старательно, долго, на этотъ разъ какъ бы на бѣло, онъ написалъ большой разсказъ „Молохъ“ и послалъ его въ Русское Богатство. Разсказъ былъ принятъ. Художественнымъ отдѣломъ Русскаго Богатства руководилъ тогда В. Г. Короленко, всегда очень душевно относившійся къ молодымъ писателямъ, и въ этомъ именно журналѣ многіе

изъ нихъ, начиная съ Горькаго, пріобрѣли писательскую извѣстность. Вся тогдашняя молодежь, если не увлекалась новыми вѣяніями, была подъ вліяніемъ Чехова. Такъ было и съ Купринымъ. Манера Короленко ничего не говорила. Онъ казался отсталымъ, слащавымъ, можетъ быть, даже не совсѣмъ искреннимъ. Но что же дѣлать? Хоть критикъ Русскаго Богатства и душа журнала Н. К. Михайловскій не признавалъ Чехова, а руководилъ художественнымъ отдѣломъ В. К. Короленко, пройти въ люди это былъ самый подходящій способъ. „Молохъ" и носитъ на себѣ черты, въ которыхъ чувствуется усиліе угодить именно этой редакціи. Такъ-же точно было и съ „Челкашемъ" Горькаго.

„Молохъ" не только первое, если не художественное, то литературное усиліе Куприна и первый его большой успѣхъ, это еще начало новой жизни. Закончился Кіевскій періодъ. Въ 1902 году Купринъ уже въ Петроградѣ, безъ споровъ признанный талантливымъ, много обѣщающій писатель, и все внѣшнее говорило за то, что онъ безъ усилій станетъ тѣмъ, что называется маститымъ, со временемъ, можетъ быть, и академикомъ.

II.

Петроградъ встрѣтилъ Куприна привѣтливо и ласково. Открылся сразу. И гнѣздо свилось.

Купринъ женился на дочери знаменитаго віолен-челиста Давыдова. Его вдова, Александра Аркадіевна, основательница Міра Божьяго (впослѣдствіи Современный Міръ) незадолго передъ этимъ умерла; уже нѣсколько лѣтъ какъ не было въ живыхъ и ихъ старшей дочери Лидіи, вышедшей замужъ за извѣстнаго экономиста М. П. Туганъ-Барановскаго. Сынъ Давыдовыхъ былъ боленъ и съ литературой ничего общаго не имѣлъ. Издательницей и собственницей прочно стоявшаго въ

то время на ногахъ Міра Божьяго оказалась вторая дочь Давыдовыхъ Марія Карловна. Она и стала женою Куприна. Красивая, умная, живая, не по лѣтамъ дѣловитая, она была одновременно и украшеніемъ и настоящимъ вдохновителемъ редакціи.

Какое это было хорошее время. Молодое и полное жизни. Что-то всколыхнулось. Началось, заблистало; играли всѣми переливами надежды и художественныя мечты, и политическія увлеченія. Двѣ новыхъ литературныхъ школы только что возникло: символисты съ Бальмонтомъ и Брюсовымъ во главѣ, и школа Чехова, — такъ тогда было принято говорить, — Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ, Купринъ, Иванъ Бунинъ. Обѣ яркія, смѣлыя, ищущія. А тамъ въ Москвѣ уже создавался „Художественный Театръ". Споры народниковъ и марксистовъ приходили къ концу, и теперь въ политикѣ и общественности оба направленія жили, каждое по своему, напряженно и трепетно, развиваясь и пріобрѣтая вліяніе, и въ средѣ интеллегенціи, и въ массахъ. Все было ново: и мысли, и увлеченія, и модныя теоріи, и точно дразнясь, змѣиными извивами переплетало все это вмѣстѣ, сверкая и подчасъ кривляясь, своеобразное русское ницшеанство, одинаковое у Бальмонта и у Горькаго. Молодое было время, потому что молоды были въ тѣ годы всѣ тѣ, кому выпало на долю играть роль за послѣдующіе четверть вѣка.

Подходилъ грозный 1905 годъ: Цусима и 9-ое января.

Когда редакція Міра Божія на Разъѣзжей въ просторной столовой принимала у себя сотрудниковъ и друзей, бывало оживленно. Громче другихъ спорили публицисты. Міръ Божій, редакторомъ котораго былъ Ангелъ Богдановичъ, держался ближе къ марксистамъ, и сыпались горячія рѣчи на злобы дня о возникавшей еще новой группѣ „Освобожденіе", вообще обо всемъ томъ, что

дѣлалось въ охваченной волненіемъ Россіи, на разныя политическія темы. Прежде всего какъ, когда же наконецъ дана будетъ конституція? Delenda Carthago! Конецъ самодержавію. На этомъ всѣ были согласны, и вѣрилось, что сбудется, если не миромъ, то революціоннымъ путемъ. Но не было при этомъ узости. Гораздо интереснѣе бывали разговоры т. ск. не офиціальные, частные, не на эти, ставшія обязательными — такъ тогда считалось — для серьезнаго общественнаго органа темы. Тутъ душою становилась сама хозяйка дома, играли живые глаза съ темными густыми рѣсницами, веселое и молодое остроуміе. А другой редакторъ журнала Ѳ. Д. Батюшковъ, тоже болѣе склонный къ литературѣ чѣмъ къ политикѣ, своей рѣдкой благовоспитанностью, мягкостью и постоянной добротой придавалъ еще большую, особенную обаятельность пятницамъ Міра Божія.

Не только талантъ, но и горячее, нѣжное сердце и тонкія чувства Куприна лучше другихъ оцѣнилъ именно Ѳ. Д. Батюшковъ и очень скоро дружески полюбилъ его.

А Куприну въ этой новой для него средѣ было не совсѣмъ по душѣ. О томъ, чтобы онъ удовлетворился своимъ положеніемъ хозяина дома, нечего было и говорить. Ничего подобнаго не допустила бы его тонкая деликатность. Политическіе разговоры публицистовъ, смотрѣвшихъ на него, недавняго провинціала, не университетскаго и вообще не „интеллигента", немного покровительственно, какъ на самородокъ, Куприну съ своей стороны казались наивными, а разсужденія ихъ скучно-трафаретными. Онъ однако старался пріосаниться, сбросить съ себя нѣкоторую приниженность, слѣдствіе своихъ кіевскихъ похожденій и неудачъ, и — трогательная подробность — въ платьѣ и манерѣ себя держать захотѣлось подражать Батюшкову, который, конечно, вовсе не заботился о своей внѣшности, но и уйдя весь въ ли-

тературный міръ, оставался и не могъ перестать быть свѣтскимъ человѣкомъ, что проявлялось въ каждомъ словѣ и каждомъ движеніи. Оттого въ первые годы еще не сказались необузданность и грубыя причуды. Только, что было дѣлать въ этой кампаніи, какъ бы она не ласкала его? Куприну поручили отдѣлъ, и публицисты считали это для него за честь. Но вѣдь, что это значило? Читать множество бездарныхъ разсказовъ, даже хуже, — корректировать прозу Потапенко!

Идиллія Куприна, обезпеченнаго, занявшаго прочное мѣсто въ литературной сутолокѣ, мужа красивой и интересной литературной молодой дамы, не смогла успокоить. Опять кабачки, ночныя приключенія, неугомонное исканіе знакомствъ со всякимъ бродячимъ людомъ неопредѣленныхъ профессій, съ клоунами изъ цирка, кутилами, — актерами — и не прошло нѣсколько лѣтъ совсѣмъ отдѣльную отъ Міра Божія, свою безшабашную жизнь повелъ онъ въ нанятой спеціально для этой цѣли, отдѣльной холостой квартиркѣ, на одной лѣстницѣ съ редакціей.

Полное противорѣчіе съ другой четой, въ тѣ же годы занявшей положеніе въ литературномъ мірѣ Петрограда. Близкая пріятельница Маріи Карловны по Высшимъ Женскимъ курсамъ, тоже красивая и умная, со средствами и живымъ интересомъ къ напряженной умственной жизни, вышла замужъ за проф. М. И. Ростовцева. Ихъ нарядная квартира на Большой Морской тоже сдѣлалась центромъ. Но это гнѣздо свилось прочно разъ на всегда, пока не разрушила его революція, и шагъ за шагомъ, отвоевывая себѣ положеніе, успѣхъ, извѣстность, все шире развивалъ свою ученолитературную дѣятельность упорный въ трудѣ и увѣренный въ своихъ силахъ М. И. Ростовцевъ, пока не оказался на высяхъ академической карьеры. И ждать было нельзя этого отъ Куприна.

III.

Издавна такъ повелось, что начинающему беллетристу ищутъ опредѣленія, хочется приложить къ нему какую-то формулу, которая выразила бы главную особенность его таланта. Такъ возникають репутаціи. Самое простое представить разсказчика или романиста бытописателемъ какой нибудь опредѣленной среды. Онъ де знаетъ ее, и этимъ вноситъ въ литературу новое и интересное. Въ самомъ дѣлѣ: Станюковичъ — Морскіе разсказы, Маминъ - Сибирякъ — Уралъ, Короленко, Сѣрошевскій, Танъ — Сибирь и ссылка, Горькій — романтизмъ босячества, Потапенко — духовенство, Бунинъ, а за нимъ Зайцевъ и Алексѣй Толстой — послѣднее разложеніе помѣщичьяго сословія, Семенъ Юшкевичъ — еврейство. Купринъ былъ нѣсколько лѣтъ офицеромъ. Отсюда ясно, о чемъ онъ долженъ писать. Такъ рѣшила новая литературная среда, обласкавшая его и давшая ему самое нобходимое для каждаго художника на его тернистомъ жизненномъ пути — признаніе. Разсказы Куприна, собранные въ первомъ вышедшемъ въ столицѣ сборникѣ и изданные шумѣвшимъ тогда издательствомъ „Знаніе", пестрятъ очерками изъ офицерскаго армейскаго быта.

Влекло къ другому, и совершенно другія темы удавались лучше, выливались въ гораздо болѣе яркіе образы. Но поддался, и слѣдствіемъ этого велѣнія литературныхъ круговъ, уже на высотѣ извѣстности, но послѣ множества передрягъ и неугомонныхъ похожденій, былъ написанъ „Поединокъ".

„Поединокъ" былъ, можетъ быть, высшимъ достиженіемъ. Вопервыхъ не разсказъ, а большая повѣсть, во вторыхъ тотъ старый предразсудокъ, отъ котораго никакъ не хотѣла отстать литературная традиція — идея. Антимилитаризмъ былъ въ модѣ. И не только у насъ. Имѣлъ успѣхъ въ Германіи довольно пустой романъ:

„Die kleine Garnison". „Поединокъ" отвѣтилъ какимъ-то ожиданіямъ, и тогда, къ ужасу его самого, Купринъ сталъ прежде всего авторомъ „Поединка". Ужаснулся однако, можетъ быть не сразу, потому что поддался таки средѣ. Тутъ сказалась ярче всего эта прирожденная робость, слѣдствіе внутренней деликатности, которая такъ странно вяжется въ характерѣ Куприна со смѣлостью, своенравіемъ и все больше и больше завлекавшими въ свою сѣть капризами. Но главная черта Куприна, его лучшее достоинство, это врожденный вкусъ, нестерпимая боль отъ всего пошлаго, что такъ остроумно вылилось въ шуточномъ разсказѣ „Послѣднее Слово". Сознаніе того, что не только въ ея успѣхѣ, но и въ самой повѣсти есть доля аляповатости и трафаретности, даже мелкой тенденціозности, быстро охладило автора къ своему нѣсколько подневольному созданію.

Главная особенность писательства Куприна, его нелитературность. Литераторомъ онъ никогда не сдѣлался. Менѣе всего въ томъ дурномъ смыслѣ, какъ понималъ это слово Тургеневъ. Не только литературной кухней, но и типографской краской отъ него никогда не пахло. Невольно даже спрашиваешь себя, перешло ли бы писательское любительство юности въ призваніе, если-бы духъ мятежный не всталъ поперекъ дороги, которая вела въ генеральный штабъ и дальше къ карьерѣ?

Любилъ все веселое, яркое, особенное, сильное, спортъ, собакъ, лошадей и атлетовъ, клоуновъ, борцовъ, жокеевъ, не удержался, чтобы не полетать хоть бы на шарѣ. Любилъ маленькіе кабачки, потому что въ нихъ чаще всего встрѣчаются не люди скучной, пошлой и деревянной обыденщины, а по крайней мѣрѣ такіе, которые изъ нея выкинуты, и отсюда-то эти ночныя приключенія, уклоны, продѣлки и шутки, странныя знакомства, тяготѣніе къ тому, что считается подонками не только общества, но и человѣчества: продажныя женщины,

карманные воры, шулера и жажда, не утоляемая жажда найти интересное, яркое, сильное въ людяхъ, — если не самого капитана Рыбникова, такъ по крайней мѣрѣ хоть какой нибудь „патологическій случай", хоть Сашку изъ „Гамбринуса", Назанскаго изъ „Поединка". А когда нашлось или покажется, что нашлось, тогда разсказать и остроумно и живо. Прежде всего хотѣлось разсказать любимому человѣку, а послѣ и вообще людямъ, пріятелямъ, собутыльникамъ. И слушать любилъ; кто хорошо разсказывалъ, нравился, и даже нѣжно. Такова была дружба съ однимъ очень прославившимся, по второстепеннымъ ресторанамъ, въ „Вѣнѣ", старавшейся пріобрѣсти артистическій характеръ или, ступенью ниже, у „Давыдки" на Литейномъ, описанномъ въ „Капитанѣ Рыбниковѣ", неопредѣленной профессіи и немножко писателемъ Манычемъ. Столько же любилъ вообще интересныхъ людей. Такъ, первый, залюбовался молодымъ Арцыбашевымъ, котораго и провелъ въ Міръ Божій, а до конца уже трогательно, какъ къ человѣку привязался къ Ив. Бунину. Подсмѣивался и любилъ.

Отъ живого разсказа, отъ шутки, повѣстничества, веселости всегда шелъ Купринъ къ творчеству.

Оттого, — и вотъ тутъ помѣшала и душевная робость, и безшабашность жизни, — никогда не ставилъ себѣ Купринъ задачи создать искусство, свое, присущее своему пониманію и воображенію.

Переплетались, спорились, возникали, никли „новыя вѣянія" разныхъ направленій: символизмъ, стилизація, новыя формы драмы, интимность въ театрѣ и соборность широкихъ размаховъ поэзіи. Вновѣ сначала были и Горькій, и Леонидъ Андреевъ, и иногда казалось, что между этими новыми реалистами и тѣмъ, что по преимуществу звали новымъ искусствомъ нѣтъ непролазной пропасти. Міръ Божій напечаталъ нѣсколько сти-

хотвореній Өедора Сологуба, допустилъ хвалебную статью о Верлэнѣ. Мейерхольдъ въ театрѣ В. Ө. Комиссаржевской ставилъ „Жизнь Человѣка". По отношенію къ Куприну тѣ другіе т. е. декаденты и символисты, собиравшіеся на „башнѣ" т. е. въ квартирѣ поэта и ученаго Вячеслава Иванова, на Таврической, если стали нетерпимы къ Горькому и Леониду Андрееву, готовы были присоединить свое признаніе. Въ немъ не видѣли анти-эстетизма, безвкусицы. Во всякомъ случаѣ единственный изъ группы „Знаніе", кому посвятилъ органъ Валерія Брюсова Вѣсы сочувственную статью, былъ Купринъ. Но самъ Купринъ оставался неумолимъ. Самому ему казалось, что грань между нимъ и людьми „новыхъ вѣяній" непреодолима. Что случилось, когда однажды онъ познакомился съ Андреемъ Бѣлымъ, онъ самъ разсказалъ. Чувствовалъ истинно яркое, но растерялся умственно и нервно смѣялся, самъ не понимая, какой это смѣхъ: ироніи или веселаго сочувствія. А тогдашніе стихи Андрея Бѣлаго, которые онъ читалъ, напѣвая, что позднѣе и подхватили многіе, площаднѣе всѣхъ другихъ Игорь Сѣверянинъ, сами по себѣ были ироничны, и самая напѣвность ихъ подъ Чижика была иронична, когда звучали слова: „онъ былъ жуликъ, я былъ воръ, обходили мы соборъ" и т. д. въ томъ-же складѣ.

Купринъ робко сталъ жаться къ классикамъ, и что ни-на-есть классикамъ, точно искалъ защиты и поддержки.

Въ холостой квартирѣ на той же лѣстницѣ, что и Міръ Божій, гдѣ жена его устроила ему пріютъ для всѣхъ его прихотей, на ночномъ столикѣ рядомъ съ разными напитками, безъ которыхъ уже не могъ обходиться отравленный организмъ, всегда лежалъ томъ, другой Пушкина. Купринъ чувствовалъ со свойственнымъ ему чутьемъ истиннаго мастера слова, что рус-

ская рѣчь, даже литературная, все болѣе страдаетъ отъ наплыва въ писательскую среду южанъ и особенно одесситовъ, и вотъ онъ ополчается за „прекрасный русскій языкъ.“ Самого себя, чистоту своей рѣчи поддерживаетъ Пушкинымъ и отчасти Гоголемъ; у нихъ учится выразительности. Плѣняетъ раціонализмъ Пушкина, и онъ кажется „простотой.“ Вѣдь какъ будто бы, правда, чего проще писать такъ, какъ насъ всѣхъ учатъ писать съ дѣтства, какъ написаны и стихи, и проза, знакомые съ юности. Простота вѣдь прежде всего тамъ же, гдѣ и привычка, затверженное. Только другая, болѣе сложная простота достигается, какъ это было и у самого Пушкина, нѣкимъ преодолѣніемъ новшествъ, нѣкимъ стремленіемъ къ „прекрасной ясности“, что уже послѣднимъ чеканомъ наслоится поверхъ осложнившихъ рѣчь исканій.

Купринъ не былъ эрудитомъ, не могъ имъ стать. Что могло быть у него общаго со всей той эстетической и художественной работой мысли новыхъ поэтовъ и писателей, руководимыхъ и поддерживаемыхъ въ трепетѣ ихъ работы, ученымъ поэтомъ, Вячеславомъ Ивановомъ, тамъ „на башнѣ“ по средамъ!?

Однажды Купринъ появился у Ѳедора Сологуба на Васильевскомъ Островѣ, гдѣ въ домѣ трехкласснаго училища тоже собирались поэты „новыхъ вѣяній“. Онъ тутъ высказалъ свое завѣтное: чего мудрствуете, читайте Пушкина. Странно вышло. До трогательности странно, такъ какъ тутъ было не мало не только чаще Куприна перечитывавшихъ Пушкина, но поистинѣ вернувшихся къ нему, изучавшихъ его, усердно и упорно и именно путемъ этого „возврата къ Пушкину“ добивавшихся „прекрасной ясности“, провозглашенной тогда Кузминымъ въ полной согласности съ Валеріемъ Брюсовымъ.

Но тутъ и сила Куприна, въ смыслѣ вліянія въ широкихъ кругахъ читающей публики. Этими широкими кругами онъ овладѣлъ и духовно жилъ съ ними, какъ бы уже достигши этого разъ на всегда, не теряя выдержанности вкуса, понятности, которой кружнымъ, долгимъ, иногда сбивающимся путемъ добивались поэты и разсказчики „новыхъ вѣяній“. А если за то никогда не превозмогъ Купринъ доли трафаретности, то въ томъ другомъ станѣ вѣдь уже народилась особая своя трафаретность „дешеваго декадентства“, предтечи „футуризма“.

IV.

Группа „Знаніе“ уже давно, и раньше чѣмъ можно было ожидать, распалась. Каждый изъ входившихъ въ ея составъ, не говоря уже о Горькомъ и Леонидѣ Андреевѣ, пошелъ своей собственной дорогой. Новымъ центромъ этой плеяды сталъ „Московскій художественный театръ“. Вѣдь въ эти годы онъ былъ прежде всего „чеховскимъ театромъ“; его руководители никакихъ иныхъ „новыхъ вѣяній“ не признавали. Да и не только Художественный театръ, но и вообще драма, все болѣе и болѣе властно влекли къ себѣ сверстниковъ этого ненавистника театра.

Купринъ остался одинъ.

И все болѣе развивалось, растраивалось гнѣздо. Долго не могло продолжаться супружество. Все теснѣе окружала его въ эти годы компанія мелкихъ журналистовъ, репортеровъ и даже horribile dictu! актеровъ, либо извѣстныхъ своими кутежами, либо вовсе сбившихся съ кругу. И стала эта кучка называться „купринской компаніей“, потому что извѣстность его уже далеко расширилась за предѣлы литературныхъ круговъ. Въ тѣ годы за нѣсколько лѣтъ до войны вошло въ моду еще гадкое и пошлое выраженіе: богэма. Если когда-то писатель непремѣнно обязанъ былъ быть или представ-

ляться интеллигентомъ, чуть ли не революціонеромъ, то теперь говорилось: богэма. И все сгущались, все неугомоннѣе становились похожденія уже не ночныя, а дальше продолжались до полудня, чтобы возобновиться со слѣдующаго вечера. Такъ было и въ Петроградѣ, и въ Крыму, и гдѣ-нибудь въ провинціи, куда закидывало неутомимаго искателя веселыхъ и занимательныхъ развлеченій. Въ этой сутолокѣ, среди проказъ по кабачкамъ и притонамъ, въ самомъ творчествѣ Куприна всего опредѣленнѣе вырисовывались герои и перепетіи „Ямы". „Яма" была органически и логически необходима. Купринъ долженъ былъ стать авторомъ „Ямы". И передъ этимъ произведеніемъ суждено было поблекнуть всему, что написано до него о продажныхъ женщинахъ не только Гаршинымъ, — что тутъ и говорить, — но даже самимъ Достоевскимъ.

Но вовсе не одна „Яма", а тутъ же рядомъ въ тѣже годы и „Гранатовый браслетъ".

„Яма" и „Гранатовый браслетъ", двѣ точки качанія маятника, широко раскачивающагося маятника, показателя широты діапазона поистинѣ нѣжной души. Женщина въ самомъ страшномъ послѣднемъ паденіи, слѣдствіе самой кровожадной и отвратительной, мерзостной похоти людской и женщина на самыхъ высяхъ любовнаго обожанія. То и другое одинаково съ такой добротой прочувствовалъ Купринъ. Обѣихъ женщинъ выносило это горячее воображеніе и продумало писательское пониманіе такъ вѣрно, такъ искренно, такъ умно, какъ никогда раньше.

Мало этого опять таки органически и по необходимой логикѣ надо было, чтобы выросъ изъ сердца еще одинъ образъ женщины.

Любовь и похоть должны были слиться въ одну и единую жгучую и настоящую страсть, такую, чтобы опоэтизированіе ихъ обѣихъ достигло какой-то высшей

ступени, вѣчной лучезарности, красоты непревзойденной. Вѣдь всѣ уклоны, всѣ паденія, все что испыталъ или видѣлъ Купринъ, воспринималъ умъ, который не могъ и не хотѣлъ очерствѣть. Все внѣшнее, пошлое онъ обходилъ или каялся въ немъ самому себѣ. Въ тайникахъ сознанія оставалось все яснымъ, свѣтлымъ, любящимъ. Теперь Купринъ обрюзгъ, забота о внѣшности исчезла, капризно, задорно сталъ щеголять неряшествомъ. Бросилъ надѣвать жилетъ, даже зимой, не признавалъ накрахмаленныхъ воротниковъ, носилъ мятую шляпу. Можетъ быть рисовался всѣмъ этимъ. Но все это было вызовомъ только одной пошлости, въ какой бы формѣ она не являлась. И вотъ именно въ эту пору своей бурной жизни пересоздалъ Купринъ по своему библейскій вѣчный образъ Суламиѳи. Замыслъ былъ смѣлый и новый; для Куприна необычный. Онъ потребовалъ упорной и трудной работы

За чтеніемъ „Ямы" подчасъ страшно за автора, особенно, если подумать о его обычномъ времяпрепровожденіи; читая „Гранатовый браслетъ", дивишься изысканности въ описаніяхъ и чувству такта, когда выводится среда, казалось бы, такая чужая всему его складу, и писательскому, и самаго человѣка. „Суламиѳь" точно даетъ объясненіе. Яркость, роскошь, блескъ настоящей страсти, красивой и пламенной, страсти сильнаго тѣла и могучаго духа, подъ знойнымъ небомъ, среди восточной сказочной царственности, выносило въ себѣ уже созрѣвшее для спѣлаго плода, писательское воображеніе. Теперь вся проблема любви и страсти была художественно представлена, опредѣлена и опоэтизирована: и влюбленность, и похоть, обѣ разцвѣтшія и слившіяся въ одно чудо вѣчной, чарующей „Пѣсни пѣсней".

А мастерство? Вотъ тутъ возникаетъ любопытный чисто художественный вопросъ. Какъ разрѣшилъ его Купринъ?

Не нужны были книги при созданіи всѣхъ прочихъ, до „Суламиѳи“ написанныхъ разсказовъ, очерковъ и повѣстей. Все давала только жизнь; вся пестрота ихъ была пестротою встрѣчъ, наблюденій, собственныхъ переживаній и чувствъ. Книги только вредили. Книги или то, что имъ самимъ или вообще вычитано изъ книгъ. Отсюда вѣдь длинныя разсужденія вродѣ бреда Назанскаго изъ „Поединка“. Въ „Суламиѳи“ безъ книгъ нельзя было бы написать ни строки, а найти, что нужно для изображенія Соломона: сказанія, камни самоцвѣтные, какъ описывали ихъ средневѣковые „лапидаріи“, обстановку царства Соломонова, ту особую географическую археологію и этнографію, которой пестритъ „Суламиѳь“, царицу Савскую и мистеріи въ храмѣ Изиды — вѣдь все это уже эрудиція, книгочійство, наука; во всемъ этомъ подстать изощриться бы и Валерію Брюсову. Да, пришлось испить изъ колодца, который презрилъ. Но любовно слѣдя за писательствомъ своего друга, радуясь каждый разъ, какъ иногда даже въ его собственномъ имѣніи, принадлежавшемъ нѣкогда поэту Батюшкову, въ глуши Устюжскаго уѣзда, Купринъ садился за серьезную работу, — помогалъ вѣрный другъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, своими знаніями профессора исторіи западно-европейскихъ литературъ. И съ удивительной воспріимчивостью, со вкусомъ и чувствомъ мѣры возсоздалъ, на этотъ разъ изъ книгъ, Купринъ своего царя Соломона, болѣе средневѣковаго, чѣмъ библейскаго, но ожившаго такъ же ярко, какъ и другіе герои, взятые изъ жизни.

Если дружба съ Батюшковымъ облегчила задачу въ смыслѣ освѣдомленности, оставалась еще самая сложная и важная — стиль.

Пушкинская раціоналистическая простота не могла вязаться съ сложной, восточной знойностью замысла. Надо было найти стиль. Напрашивалось, какъ неотвра-

тимое требованіе, нѣкое исканіе, а, разумѣется, совершенно не по купрински было бы тутъ просто напросто выйти изъ затрудненія, у кого-то, какъ-то и что-то позаимствовавши. Годы ученичества давнымъ давно миновали. Нѣтъ, предстояло по своему выйти изъ положенія. И вотъ, увы, найденный выходъ оказался только выходомъ изъ трудности, а не преодолѣніемъ ея. Это не упрекъ автору, а простая попытка объяснить то нѣсколько странное впечатлѣніе, какое остается отъ слога „Суламиѳи". Читаешь, и кажется точно кто-то, очень опытный, превосходно владѣющій языкомъ, писатель, перевелъ эту повѣсть съ иностраннаго языка. Въ чемъ дѣло? Слогъ остался вовсе не найденнымъ. Точно художество, которое авторъ обидѣлъ и унизилъ, теперъ мститъ и дразнится. Однако не отомстило. Выходъ былъ всетаки найденъ. Вѣдь слогъ дѣло только самаго подлинника. Все равно при переводѣ блекнутъ краски. А развѣ наслажденіе художествомъ, самое богатое, не дается путемъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ. Этимъ какъ бы узаконяется особый своеобразный слогъ, безличный и немного блѣдный, слогъ хорошихъ переводовъ. Только черезъ него знаемъ мы Шекспира и самое Библію. Черезъ него и долженъ проникнуть читатель въ эту яркую, красочную, полубиблейскую, полу-средневѣковую сказку о любви царя Соломона къ Суламиѳи.

V.

Война застала Куприна, когда возрастъ уже вывелъ его изъ списка офицеровъ запаса. Онъ числился въ отставкѣ, т. е. въ ополченіи, былъ призванъ въ дружину, стоявшую въ Финляндіи, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по болѣзни освобожденъ.

Уже нѣсколько лѣтъ передъ этимъ свилось второе гнѣздо. Купринъ женился на дѣвушкѣ, принявшей его

такимъ, какимъ онъ былъ, со всѣми причудами, капризами, странностями и главное, со всѣми тѣми свойствами, какія органически слились съ писательствомъ, а стать женою писателя всегда въ той или иной мѣрѣ — подвигъ. Поселились въ Гатчинѣ, гдѣ была пріобрѣтена дача, приспособленная и для зимы. Тутъ въ Гатчинѣ, держась въ сторонѣ отъ все бурнѣе и страшнѣе развивавшихся событій, пережилъ Купринъ революцію. Писалъ уже мало. Новое настало. Нельзя требовать отъ писателя, чтобы безостановочно, не теряя связи съ нарождающимися иными теченіями и событіями, впопыхахъ онъ уносился все дальше отъ того, чѣмъ жилъ, увлекался и мучился. Купринъ, это — своеобразная, сама по себѣ, значительная полоса русской умственной жизни, и она останется на рубежѣ двухъ эпохъ, принадлежа одинаково обѣимъ и въ тоже время ни той, ни другой. Да, вѣдь во всѣ десятилѣтія своей писательской дѣятельности Купринъ былъ какъ бы статикомъ, а вовсе не динамикомъ. Жизнь, которую онъ такъ любилъ, онъ бралъ такою, какъ она сложилась, не толкалъ ее, не воздѣйствовалъ. И не могло быть иначе именно потому, что отъ жизни шелъ къ искусству, а вовсе не наоборотъ, вмѣшиваясь въ трепетъ жизни силою художества.

Когда армія генерала Юденича вошла въ Гатчину, Купринъ былъ съ семьей дома. При отступленіи, онъ покинулъ Россію и оказался въ Парижѣ. Здѣсь нашелъ онъ своего стараго друга и сверстника на литературномъ поприщѣ, И. А. Бунина. В. Л. Бурцевъ, со свойственной ему отзывчивостью и любовью къ русскому художественному слову, постарался создать Куприну уютъ, который и на чужбинѣ, въ положеніи эмигранта, далъ бы возможность работать, избѣгнувъ лишеній.

Купринъ и раньше бывалъ заграницей и въ рядѣ очерковъ описалъ свои встрѣчи и впечатлѣнія. По

духу они, конечно, тѣ же, что и въ Россіи, но они все-таки новое и по своему своеобразно яркое, и вѣдь никогда не могъ Купринъ устоять передъ вѣчно манящей его пестротой, все равно характерной или нѣтъ, лишь бы шумѣло, блестѣло, завлекало и бурлила въ этой неразберихѣ неугомонность жизни. Очень русскій, мало знающій иностранные языки, вовсе не человѣкъ музеевъ, историческихъ воспоминаній, артистическихъ рѣдкостей и тонкостей, черезъ жизнь — маленькіе кабачки, скачки, спортивныя площадки, черезъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ гоношитъ и волнуется жизнь, только бы не буржуазно размѣренная и расчетливая, — Купринъ ближе узнаетъ эту Европу, по которой раньше лишь бѣгло скользнулъ его творческій взглядъ. А вѣдь Европа, которую мы всѣ привыкли противополагать Россіи, точно это не отдѣльныя страны, разнящіяся между собою столько же, сколько каждая изъ нихъ разнится отъ Россіи, а какая-то одна, единообразная страна, эта загадочная Европа по особенному близка каждому много жившему на югѣ, особенно въ Одессѣ. Заносили запахъ ея торговыя суда, становившіяся на якорѣ въ Одесскомъ порту. Теперь для Куприна эта Европа и въ самой столицѣ ея, въ Парижѣ, — новая арена. Пройдетъ ли онъ по ней исключительно наблюдателемъ или вмѣшается, станетъ участникомъ въ сутулкѣ международнаго художества? . . .

Евгеній Аничковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОЛОХЪ.

I.

Заводскій гудокъ протяжно ревѣлъ, возвѣщая начало рабочаго дня. Густой, хриплый, непрерывный звукъ, казалось, выходилъ изъ-подъ земли и низко разстилался по ея поверхности. Мутный разсвѣть дождливаго августовскаго дня придавалъ ему суровый оттѣнокъ тоски и угрозы.

Гудокъ засталъ инженера Боброва за чаемъ. Въ послѣдніе дни Андрей Ильичъ особенно сильно страдалъ безсонницей. Вечеромъ, ложась въ постель съ тяжелой головой и поминутно вздрагивая точно отъ внезапныхъ толчковъ, онъ все-таки забывался довольно скоро безпокойнымъ нервнымъ сномъ, но просыпался задолго до свѣта совсѣмъ разбитый, обезсиленный и раздраженный.

Причиной этому, безъ сомнѣнія, было нравственное и физическое переутомленіе, а также давняя привычка къ подкожнымъ впрыскиваніямъ морфія, — привычка, съ которой Бобровъ на-дняхъ началъ упорную борьбу.

Теперь онъ сидѣлъ у окна и маленькими глотками прихлебывалъ чай, казавшійся ему травянистымъ и безвкуснымъ. По стекламъ зигзагами сбѣгали капли. Лужи

на дворѣ морщило и рябило отъ дождя. Изъ окна было видно небольшое квадратное озеро, окруженное, точно рамкой, косматыми ветлами, съ ихъ низкими, голыми стволами и сѣрой зеленью. Когда поднимался вѣтеръ, то на поверхности озера вздувались и бѣжали, будто торопясь, мелкія, короткія волны, а листья ветелъ вдругъ подергивались серебристой сѣдиной. Блеклая трава безсильно приникала подъ дождемъ къ самой землѣ. Дома ближайшей деревушки, деревья лѣса, протянувшагося зубчатой темной лентой на горизонтѣ, поле въ черныхъ и желтыхъ заплатахъ, — все вырисовывалось сѣро и неясно, точно въ туманѣ.

Было семь часовъ, когда, надѣвъ на себя клеенчатый плащъ съ капюшономъ, Бобровъ вышелъ изъ дому. Какъ многіе нервные люди, онъ чувствовалъ себя очень нехорошо по утрамъ: тѣло было слабо, въ глазахъ ощущалась тупая боль, точно кто-то давилъ на нихъ сильно снаружи, во рту — непріятный вкусъ. Но всего больнѣе дѣйствовалъ на него тотъ внутренній, душевный разладъ, который онъ примѣчалъ въ себѣ съ недавняго времени. Товарищи Боброва, инженеры, глядѣвшіе на жизнь съ самой несложной, веселой и практической точки зрѣнія, навѣрно, осмѣяли бы то, что̀ причиняло ему столько тайныхъ страданій, и ужъ во всякомъ случаѣ не поняли бы его. Съ каждымъ днемъ въ немъ все больше и больше нарастало отвращеніе, почти ужасъ къ службѣ на заводѣ.

По складу его ума, по его привычкамъ и вкусамъ ему лучше всего было посвятить себя кабинетнымъ занятіямъ, профессорской дѣятельности или сельскому хозяйству. Инженерное дѣло не удовлетворяло его, и, если бы не настоятельное желаніе матери, онъ оставилъ бы институтъ еще на третьемъ курсѣ.

Его нѣжная, почти женственная натура жестоко страдала отъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительности,

съ ея будничными, но суровыми нуждами. Онъ самъ себя сравнивалъ въ этомъ отношенiи съ человѣкомъ, съ котораго заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замѣченныя другими, причиняли ему глубокiя и долгiя огорченiя.

Наружность у Боброва была скромная, неяркая... Онъ былъ невысокъ ростомъ и довольно худъ, но въ немъ чувствовалась нервная порывистая сила. Большой бѣлый прекрасный лобъ прежде всего обращалъ на себя вниманiе на его лицѣ. Расширенные и при томъ неодинаковой величины зрачки были такъ велики, что глаза, вмѣсто сѣрыхъ, казались черными. Густыя, неровныя брови сходились у переносья и придавали этимъ глазамъ строгое, пристальное и точно аскетическое выраженiе. Губы у Андрея Ильича были нервныя, тонкiя, но не злыя, и немного несимметричныя: правый уголъ рта приходился немного выше лѣваго; усы и борода маленькiе, жидкiе, бѣлесоватые, совсѣмъ мальчишескiе. Прелесть его, въ сущности, некрасиваго лица заключалась только въ улыбкѣ. Когда Бобровъ смѣялся, глаза его становились нѣжными и веселыми, и все лицо дѣлалось привлекательнымъ.

Пройдя полверсты, Бобровъ взобрался на пригорокъ. Прямо подъ его ногами открылась огромная панорама завода, раскинувшагося на пятьдесятъ квадратныхъ верстъ. Это былъ настоящiй городъ изъ краснаго кирпича, съ лѣсомъ высоко торчащихъ въ воздухѣ закопченныхъ трубъ, — городъ, весь пропитанный запахомъ сѣры и желѣзнаго угара, оглушаемый вѣчнымъ, несмолкаемымъ грохотомъ. Четыре доменныя печи господствовали надъ заводомъ своими чудовищными трубами. Рядомъ съ ними возвышалось восемь кауперовъ, предназначенныхъ для циркуляцiи нагрѣтаго воздуха, — восемь огромныхъ желѣзныхъ башенъ, увѣнчанныхъ круглыми куполами. Вокругъ доменныхъ печей разбро-

сались другія зданія: ремонтныя мастерскія, литейный дворъ, промывная, паровозная, рельсопрокатная, мартеновскія и пудлинговыя печи и т. д.

Заводъ спускался внизъ тремя громадными природными площадями. Во всѣхъ направленіяхъ сновали маленькіе паровозы. Показываясь на самой нижней ступени, они съ пронзительнымъ свистомъ летѣли наверхъ, исчезали на нѣсколько секундъ въ туннеляхъ, откуда вырывались, окутанные бѣлымъ паромъ, гремѣли по мостамъ и наконецъ, точно по воздуху, неслись по каменнымъ эстокадамъ, чтобы сбросить руду и коксъ въ самую трубу доменной печи.

Дальше, за этой природной террасой, глаза разбѣгались на томъ хаосѣ, который представляла собою мѣстность, предназначенная для возведенія пятой и шестой доменныхъ печей. Казалось, какой-то страшный подземный переворотъ выбросилъ наружу эти безчисленныя груды щебня, кирпича разныхъ величинъ и цвѣтовъ, песчаныхъ пирамидъ, горъ плитняка, штабелей желѣза и лѣса. Все это было нагромождено какъ будто бы безъ толку, случайно. Сотни подводъ и тысячи людей суетились здѣсь, точно муравьи на разоренномъ муравейникѣ. Бѣлая тонкая и ѣдкая известковая пыль стояла, какъ туманъ, въ воздухѣ.

Еще дальше, на самомъ краю горизонта, около длиннаго товарнаго поѣзда толпились рабочіе, разгружавшіе его. По наклоннымъ доскамъ, спущеннымъ изъ вагоновъ, непрерывнымъ потокомъ катились на землю кирпичи; со звономъ и дребезгомъ падало желѣзо; летѣли въ воздухѣ, изгибаясь и пружинясь на лету, тонкія доски. Однѣ подводы направлялись къ поѣзду порожнякомъ, другія вереницей возвращались оттуда, нагруженныя до верху. Тысячи звуковъ смѣшивались здѣсь въ длинный скачущій гулъ: тонкіе, чистые и твердые звуки каменщичьихъ зубилъ, звонкіе удары клепальщи-

ковъ, чеканящихъ заклепы на котлахъ, тяжелый грохотъ паровыхъ молотовъ, могучіе вздохи и свистъ паровыхъ трубъ и изрѣдка глухіе подземные взрывы, заставлявшіе дрожать землю.

Это была страшная и захватывающая картина. Человѣческій трудъ кипѣлъ здѣсь, какъ огромный, сложный и точный механизмъ. Тысячи людей, инженеровъ, каменщиковъ, механиковъ, плотниковъ, слесарей, землекоповъ, столяровъ и кузнецовъ собрались сюда съ разныхъ концовъ земли, чтобы, повинуясь желѣзному закону борьбы за существованіе, отдать свои силы, здоровье, умъ и энергію за одинъ только шагъ впередъ промышленнаго прогресса.

Нынѣшній день Бобровъ особенно нехорошо себя чувствовалъ. Иногда, хотя и очень рѣдко — раза три или четыре въ годъ у него являлось весьма странное, меланхолическое и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражительное настроеніе духа. Случалось это обыкновенно въ пасмурныя осеннія утра, или по вечерамъ, во время зимней ростепели. Все въ его глазахъ пріобрѣтало скучный и безцвѣтный видъ, человѣческія лица казались мутными, некрасивыми или болѣзненными, слова звучали откуда-то издали, не вызывая ничего, кромѣ скуки. Особенно раздрожали его сегодня, когда онъ обходилъ рельсопрокатный цехъ, блѣдныя, выпачканныя углемъ и высушенныя огнемъ лица рабочихъ. Глядя на ихъ упорный трудъ въ то время, когда ихъ тѣла обжигалъ жаръ раскаленныхъ желѣзныхъ массъ, а изъ широкихъ дверей дулъ пронзительный осенній вѣтеръ, онъ самъ какъ будто бы испытывалъ часть ихъ физическихъ страданій. Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный видъ, и за свое тонкое бѣлье, и за три тысячи своего годового жалованья. . .

II.

Онъ стоялъ около сварочной печи, слѣдя за работой. Каждую минуту громадный пылающій зѣвъ печи широко раскрывался, чтобы поглощать одинъ за другимъ двадцатипудовые «пакеты» раскаленной добѣла стали, только-что вышедшіе изъ пламенныхъ печей. Черезъ четверть часа они, протянувшись съ страшнымъ грохотомъ черезъ десятки станковъ, уже складывались на другомъ концѣ мастерской длинными, гладкими, блестящими рельсами.

Кто-то тронулъ Боброва сзади за плечо. Онъ досадливо обернулся и увидѣлъ одного изъ сослуживцевъ — Свѣжевскаго.

Этотъ Свѣжевскій съ его всегда немного согнутой фигурой, — не то крадущейся, не то кланяющейся, — съ его вѣчнымъ хихиканьемъ и потираньемъ холодныхъ, мокрыхъ рукъ, очень не нравился Боброву. Въ немъ было что-то заискивающее, обиженное и злобное. Онъ вѣчно зналъ раньше всѣхъ заводскія сплетни и выкладывалъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ передъ тѣмъ, кому онѣ были наиболѣе непріятны; въ разговорѣ же нервно суетился и ежеминутно притрогивался къ бокамъ, плечамъ, рукамъ и пуговицамъ собесѣдника.

— Что̀ это васъ, батенька, такъ давно не видно? — спросилъ Свѣжевскій; онъ хихикалъ и мялъ въ своихъ рукахъ руку Андрея Ильича. — Все сидите и книжки почитываете? Почитываете все?

— Здравствуйте, — отозвался нехотя Бобровъ, отымая руку. — Просто мнѣ нездоровилось это время.

— У Зиненко за вами всѣ соскучились, — продолжалъ многозначительно Свѣжевскій. — Отчего вы у нихъ не бываете? А тамъ третьяго-дня былъ директоръ и о васъ справлялся. Разговоръ зашелъ какъ-то

о доменныхъ работахъ, и онъ о васъ отзывался съ большой похвалой.

— Весьма польщенъ, — насмѣшливо поклонился Бобровъ.

— Нѣтъ, серьезно... Говорилъ, что правленіе васъ очень цѣнитъ, какъ инженера, обладающаго большими знаніями, и что вы, если бы захотѣли, могли бы пойти очень далеко. По его мнѣнію, намъ вовсе не слѣдовало бы отдавать французамъ вырабатывать проектъ завода, если дома есть такіе свѣдущіе люди, какъ Андрей Ильичъ. Только...

«Сейчасъ что-нибудь непріятное скажетъ», — подумалъ Бобровъ.

— Только, говоритъ, нехорошо, что вы такъ удаляетесь отъ общества и производите впечатлѣніе замкнутаго человѣка. Никакъ не поймешь, кто вы такой на самомъ дѣлѣ, и не знаешь, какъ съ вами держаться. Ахъ, да! — вдругъ хлопнулъ себя по лбу Свѣжевскій: — я вотъ болтаю, а самое важное позабылъ вамъ сказать... Директоръ просилъ всѣхъ быть непремѣнно завтра къ двѣнадцати-часовому поѣзду на вокзалѣ.

— Опять будемъ встрѣчать кого-нибудь?

— Совершенно вѣрно. Угадайте, кого?

Лицо Свѣжевскаго приняло лукавое и торжествующее выраженіе. Онъ потиралъ руки и, повидимому, испытывалъ большое удовольствіе, готовясь сообщить интересную новость.

— Право, не знаю, кого... Да я и не мастеръ вовсе угадывать, — сказалъ Бобровъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, отгадайте, пожалуйста... Ну, хоть такъ, наугадъ, кого-нибудь назовите...

Бобровъ замолчалъ и сталъ съ преувеличеннымъ вниманіемъ слѣдить за дѣйствіями парового крана. Свѣжевскій замѣтилъ это и засуетился еще больше прежняго.

— Ни за что не скажете... Ну, да я уже не буду васъ больше томить. Ждутъ самого Квашнина.

Фамилію онъ произнесъ съ такимъ откровеннымъ подобострастіемъ, что Боброву даже сдѣлалось противно.

— Что̀ же вы тутъ находите особеннс важнаго? — спросилъ небрежно Андрей Ильичъ.

— Какъ «что̀ же особеннаго»? Помилуйте. Вѣдь онъ въ правленіи, что̀ захочетъ, то и дѣлаетъ: его, какъ оракула, слушаютъ. Вотъ и теперь: правленіе уполномочило его ускорить работы, то-есть, иными словами, онъ самъ себя уполномочилъ къ этому. Вы увидите, какіе громы и молніи у насъ пойдутъ, когда онъ пріѣдетъ. Въ прошломъ году онъ постройку осматривалъ — это, кажется, до васъ еще было?.. Такъ директоръ и четверо инженеровъ полетѣли со своихъ мѣстъ къ чорту. У васъ задувка *) скоро окончится?

— Да, уже почти готова.

— Ну, это хорошо. При немъ значитъ, и открытіе отпразднуемъ и начало каменныхъ работъ. Вы Квашнина самого встрѣтили когда-нибудь?

— Ни разу. Фамилію, конечно, слышалъ...

— А я такъ имѣлъ удовольствіе. Это жъ, я вамъ доложу, такой типъ, какихъ больше не увидите. Его весь Петербургъ знаетъ. Во-первыхъ, такъ толстъ, что у него руки на животѣ не сходятся. Не вѣрите? Честное слово. У него и особая карета такая есть, гдѣ вся правая сторона отворяется на шарнирахъ. При этомъ огромнаго роста, рыжій, и голосъ, какъ труба іерихонская. Но что̀ за умница! Ахъ, Боже мой!.. Во

---

*) Задувкой доменной печи называется разогрѣваніе ея передъ началомъ работы до температуры плавленія руды, приблизительно до 1600° С. Самое дѣйствіе печи называется «кампаніей». Задувка продолжается иногда нѣсколько мѣсяцевъ.

всѣхъ акціонерныхъ обществахъ состоитъ членомъ правленія... получаетъ двѣсти тысячъ всего только за семь засѣданій въ годъ! За то уже, когда на общихъ собраніяхъ надо спасать ситуацію — лучше его не найти. Самый сомнительный годовой отчетъ онъ такъ доложитъ, что акціонерамъ черное бѣлымъ покажется, и они потомъ уже не знаютъ, какъ имъ выразить правленію свою благодарность. Главное: онъ никогда и съ дѣломъ-то вовсе не знакомъ, о которомъ говоритъ, и беретъ прямо апломбомъ. Вы завтра послушаете его, такъ, навѣрно, подумаете, что онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что около доменныхъ печей возился, а онъ въ нихъ столько же понимаетъ, сколько я въ санскритскомъ языкѣ.

— На-ра-ра-рамъ! — фальшиво и умышленно небрежно запѣлъ Бобровъ, отворачиваясь.

— Да вотъ... на что лучше... Знаете, какъ онъ принимаетъ въ Петербургѣ? Сидитъ голый въ ваннѣ по самое горло, только голова его рыжая надъ водою сіяетъ, — и слушаетъ. А какой-нибудь тайный совѣтникъ стоитъ, почтительно передъ нимъ согнувшись, и докладываетъ... Обжора онъ ужасный. .. и, дѣйствительно, умѣетъ поѣсть; во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ извѣстны битки à la Квашнинъ. А ужъ насчетъ бабья и не говорите. Три года тому назадъ съ нимъ прекомичный случай вышелъ...

И, видя, что Бобровъ собирается уйти, Свѣжевскій схватилъ его за пуговицу и умоляюще зашепталъ:

— Позвольте... это такъ смѣшно... позвольте, я сейчасъ... въ двухъ словахъ. Видите ли, какъ дѣло было. Пріѣзжаетъ осенью, года три тому назадъ, въ Петербургъ одинъ бѣдный молодой человѣкъ — чиновникъ, что ли, какой-то... я даже его фамилію знаю, только не могу теперь вспомнить. Хлопочетъ этотъ молодой человѣкъ о спорномъ наслѣдствѣ и каждое

утро, возвращаясь изъ присутственныхъ мѣстъ, заходитъ въ Лѣтній садъ, посидѣть четверть часа на скамеечкѣ... Ну-съ, хорошо. Сидитъ онъ три дня, четыре, пять и замѣчаетъ, что ежедневно съ нимъ гуляетъ по саду какой-то рыжій господинъ необычайной толщины... Они знакомятся. Рыжій, который оказывается Квашнинымъ, разузнаетъ отъ молодого человѣка всѣ его обстоятельства, принимаетъ въ немъ участіе, жалѣетъ... Однако фамиліи ему своей не говоритъ. Ну-съ, хорошо. Наконецъ, однажды рыжій предлагаетъ молодому человѣку: «А что̀, согласились ли бы вы жениться на одной особѣ, но съ уговоромъ — сейчасъ же послѣ свадьбы съ ней разъѣхаться и больше не видаться?» А молодой человѣкъ какъ разъ въ это время чуть съ голоду не умиралъ. «Согласенъ, говоритъ, только смотря по тому, какое вознагражденіе, и деньги впередъ». Замѣтьте, тоже молодой человѣкъ знаетъ, съ какого конца спаржу ѣдятъ. Ну-съ, хорошо... Сговорились они. Черезъ недѣлю рыжій одѣваетъ молодого человѣка во фракъ и, чуть свѣтъ, везетъ куда-то за городъ, въ церковь. Народу никого; невѣста уже дожидается, вся закутанная въ вуаль, однако видно, что хорошенькая и совсѣмъ молодая. Начинается вѣнчаніе. Только молодой человѣкъ замѣчаетъ, что его невѣста стоитъ какая-то печальная. Онъ ее и спрашиваетъ шопотомъ: «Вы, кажется, противъ своей охоты сюда пріѣхали?» А она говоритъ: «Да и вы, кажется, тоже?» Такъ они и объяснились между собой. Оказывается, что дѣвушку принудила выйти замужъ ея же мать. Прямо-то отдать дочь Квашнину маменькѣ все-таки мѣшала совѣсть... Ну-съ, хорошо... Стоятъ они, стоятъ... молодой человѣкъ-то и говоритъ: «А давайте-ка удеремъ такую штуку: оба мы съ вами молоды, впереди еще для насъ можетъ быть много хорошаго, давайте-ка оставимъ Квашнина на бобахъ». Дѣвица рѣшительная и съ бы-

стрымъ соображенiемъ. «Хорошо, говоритъ, давайте». Окончилось вѣнчанье, выходятъ всѣ изъ церкви, Квашнинъ такъ и сiяетъ. А молодой человѣкъ даже и деньги съ него впередъ получилъ, да и немалыя деньги, потому что Квашнинъ въ этихъ случаяхъ ни за какими капиталами не постоитъ. Подходитъ онъ къ молодымъ и поздравляетъ съ самымъ ироническимъ видомъ. Тѣ слушаютъ его, благодарятъ, посаженымъ папенькой называютъ, и вдругъ оба — прыгъ въ коляску. «Чтò такое? Куда?» — «Какъ куда? На вокзалъ, свадебную поѣздку совершать. Кучеръ, пошелъ!..» — Такъ Василiй Терентьевичъ и остался на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ... А то вотъ однажды... Чтò это? Вы уже уходите, Андрей Ильичъ? — прервалъ свою болтовню Свѣжевскiй, видя, что Бобровъ съ рѣшительнымъ видомъ поправляетъ на головѣ шляпу и застегиваетъ пуговицы пальто.

— Извините, мнѣ некогда, — сухо отвѣтилъ Бобровъ. — А чтò касается вашего анекдота, то я его еще раньше гдѣ-то слышалъ или читалъ... Мое почтенiе.

И, повернувшись спиной къ Свѣжевскому, озадаченному его рѣзкостью, онъ быстро вышелъ изъ мастерской.

III.

Вернувшись съ завода и наскоро пообѣдавъ, Бобровъ вышелъ на крыльцо. Кучеръ Митрофанъ, еще раньше получившiй приказанiе осѣдлать «Фарватера», гнѣдую донскую лошадь, съ усилiемъ затягивалъ под-

пругу англійскаго сѣдла. Фарватеръ надувалъ животъ и нѣсколько разъ быстро изгибалъ шею, ловя зубами рукавъ митрофановой рубашки. Тогда Митрофанъ кричалъ на него сердитымъ и ненатуральнымъ басомъ: «Но-о! Балуй, идолъ!» и прибавлялъ, кряхтя отъ напряженія: «Ишь ты, животная».

Фарватеръ — жеребецъ средняго роста, съ массивною грудью, длиннымъ туловищемъ и поджарымъ, немного вислымъ задомъ, — легко и стройно держался на крѣпкихъ мохнатыхъ ногахъ, съ надежными копытами и тонкой бабкой. Знатокъ остался бы недоволенъ его горбоносой мордой и длинной шеей съ острымъ, выдающимся кадыкомъ. Но Бобровъ находилъ, что эти особенности, характерныя для всякой донской лошади, составляютъ красоту Фарватера такъ же, какъ кривыя ноги у таксы и длинныя уши у сетера. Зато во всемъ заводѣ не было лошади, которая могла бы обскакать Фарватера.

Хотя Митрофанъ и считалъ необходимымъ, какъ и всякій хорошій русскій кучеръ, обращаться съ лошадью сурово, отнюдь не позволяя ни себѣ ни ей никакихъ проявленій нѣжности, и поэтому называлъ ее и «каторжной», и «падалью», и «убивцею», и даже «Хамлетомъ», тѣмъ не менѣе онъ въ глубинѣ души страстно любилъ Фарватера. Эта любовь выражалась въ томъ, что донской жеребчикъ былъ и вычищенъ лучше и овса получалъ больше, чѣмъ другія казенныя лошади Боброва: «Ласточка» и «Черноморецъ».

— Поилъ ты его, Митрофанъ? — спросилъ Бобровъ.

Митрофанъ отвѣтилъ не сразу. У него была и еще одна повадка хорошаго кучера — медлительность и степенность въ разговорѣ.

— Попоилъ, Андрей Ильичъ, какъ же не попоимши-то. Но, ты, озирайся, лѣшій! Я тебѣ поверчу морду-то! —

крикнулъ онъ сердито на лошадь. — Страсть, баринъ, какъ ему охота нынче подъ сѣдломъ итти. Не терпится.

Едва только Бобровъ подошелъ къ Фарватеру и, взявъ въ лѣвую руку поводья, обмоталъ вокругъ пальцевъ гривку, какъ началась исторія, повторявшаяся чуть ли не ежедневно. Фарватеръ, уже давно косившійся большимъ, сердитымъ глазомъ на подходившаго. Боброва, началъ плясать на мѣстѣ, выгибая шею и разбрасывая задними ногами комья грязи. Бобровъ прыгалъ около него на одной ногѣ, стараясь вдѣть ногу въ стремя.

— Пусти, пусти поводья, Митрофанъ! — крикнулъ онъ, поймавъ наконецъ стремя, и въ тотъ же моментъ, перебросивъ ногу черезъ крупъ, очутился въ сѣдлѣ.

Почувствовавъ шенкеля всадника, Фарватеръ тотчасъ же смирился и, перемѣнивъ нѣсколько разъ ногу, фыркая и мотая головой, взялъ отъ воротъ широкимъ, упругимъ галопомъ...

Быстрая ѣзда, холодный вѣтеръ, свистѣвшій въ уши, свѣжій запахъ осенняго, слегка мокраго поля очень скоро успокоили и оживили вялые нервы Боброва. Кромѣ того каждый разъ, отправляясь къ Зиненкамъ, онъ испытывалъ пріятный и тревожный подъемъ духа.

Семья Зиненокъ состояла изъ отца, матери и пятерыхъ дочерей. Отецъ служилъ на заводѣ и завѣдывалъ складомъ. Этотъ лѣнивый и добродушный съ виду гигантъ былъ въ сущности очень пронырливымъ и каверзнымъ господиномъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, подъ видомъ высказыванія всякому въ глаза «истинной правды», грубо, но пріятно льстятъ начальству, откровенно ябедничаютъ на сослуживцевъ, а съ подчиненными обращаются самымъ безобразно-деспотическимъ образомъ. Онъ спорилъ изъ-за всякаго пустяка, не слушая возраженій и хрипло кричалъ; любилъ поѣсть и питалъ слабость къ хоровому малорус-

скому пѣнію, при чемъ неизмѣнно фальшивилъ. Онъ, незамѣтно для самого себя, находился подъ башмакомъ у своей жены, — женщины маленькаго роста, болѣзненной и жеманной, съ крошечными сѣрыми глазками, до смѣшного близко поставленными къ переносью.

Дочерей звали: Мака, Бета, Шурочка, Нина и Кася.

Каждой изъ нихъ въ семьѣ было отведено свое амплуа. Мака, дѣвица съ рыбьимъ профилемъ, пользовалась репутаціей ангельскаго характера. «Ужъ эта Мака — сама простота», — говорили про нее родители, когда она, во время прогулокъ и вечеровъ, стушевывалась на заднiй планъ, въ интересахъ младшихъ сестеръ (Макѣ уже перевалило за тридцать).

Бета считалась умницей, носила пенсне и, какъ говорили, хотѣла даже когда-то поступить на курсы. Она держала голову склоненной на бокъ и внизъ, какъ старая пристяжная, и ходила ныряющей походкой, то подымаясь, то опускаясь при каждомъ шагѣ. Къ новымъ гостямъ она приставала со спорами о томъ, что женщины лучше и честнѣе мужчинъ, или съ наивной игривостью просила: «Вы такой проницательный. . ну вотъ, опредѣлите мой характеръ». Когда разговоръ переходилъ на одну изъ классическихъ домашнихъ темъ: «Кто выше: Лермонтовъ или Пушкинъ?» или: «Способствуетъ ли природа смягченію нравовъ?» — Бету выдвигали впередъ, какъ боевого слона.

Третья дочь, Шурочка, избрала спеціальностью игру въ дурачки со всѣми холостыми инженерами поочереди. Какъ только узнавала она, что ея старый партнеръ собирается жениться, она, подавляя огорченіе и досаду, избирала себѣ новаго. Конечно, игра велась съ милыми шутками и маленькимъ плѣнительнымъ плутовствомъ, при чемъ партнера называли «противнымъ» и били по рукамъ картами.

Нина считалась въ семьѣ общей любимицей, избалованнымъ, но прелестнымъ ребенкомъ. Она была выродкомъ среди своихъ сестеръ, съ ихъ массивными фигурами и грубоватыми, вульгарными лицами. Можетъ-быть, одна только m-me Зиненко могла бы удовлетворительно объяснить откуда у Ниночки взялась эта нѣжная, хрупкая фигурка, эти почти аристократическія руки, хорошенькое, смугловатое личико, все въ родинкахъ, маленькія розовыя уши и пышные, тонкіе, слегка вьющіеся волосы. На нее родители возлагали большія надежды, и ей поэтому разрѣшалось все: и объѣдаться конфетами, и мило картавить, и даже одѣваться лучше сестеръ.

Самой младшей, Касѣ, исполнилось недавно четырнадцать лѣтъ, но этотъ феноменальный ребенокъ переросъ на цѣлую голову свою мать, далеко превзойдя старшихъ сестеръ могучей рельефностью формъ. Ея фигура давно уже вызывала пристальные взоры заводской молодежи, совершенно лишенной, по отдаленности отъ города, женскаго общества, и Кася принимала эти взоры съ наивнымъ безстыдствомъ рано созрѣвшей дѣвочки.

Это раздѣленіе семейныхъ прелестей было хорошо извѣстно на заводѣ, и одинъ шутникъ сказалъ какъ-то, что, если ужъ жениться на Зиненкахъ, то непремѣнно на всѣхъ пятерыхъ сразу. Инженеры и студенты-практиканты глядѣли на домъ Зиненко какъ на гостиницу, толклись тамъ съ утра до ночи, много ѣли, еще больше пили, но съ удивительной ловкостью избѣгали брачныхъ сѣтей.

Въ этой семьѣ Боброва недолюбливали. Мѣщанскіе вкусы m-me Зиненко, стремившейся все подвести подъ линію пошлаго и благополучно-скучнаго провинціальнаго приличія, оскорблялись поведеніемъ Андрея Ильича. Его желчныя остроты, когда онъ бывалъ въ духѣ, встрѣчались съ широко раскрытыми глазами, и, наобо-

ротъ, когда онъ молчалъ цѣлыми вечерами, вслѣдствіе усталости и раздраженія, его подозрѣвали въ скрытности, въ гордости, въ молчаливомъ иронизированіи, даже — о! это было всего ужаснѣе! — даже подозрѣвали, что онъ «пишетъ въ журналы повѣсти и собираетъ для нихъ типы».

Бобровъ чувствовалъ эту глухую вражду, выражавшуюся въ небрежности за столомъ, въ удивительномъ пожиманіи плечей матери семейства, но все-таки продолжалъ бывать у Зиненокъ. Любилъ ли онъ Нину? На это онъ самъ не могъ бы отвѣтить. Когда онъ трое или четверо сутокъ не бывалъ въ ихъ домѣ, воспоминаніе о ней заставляло его сердце биться со сладкой и тревожной грустью. Онъ представлялъ себѣ ея стройную, граціозную фигурку, улыбку ея темныхъ окруженныхъ тѣнью глазъ и запахъ ея тѣла, напоминавшій ему почему-то запахъ молодыхъ клейкихъ почекъ тополя.

Но стоило ему побывать у Зиненокъ три вечера подъ рядъ, какъ его начинало томить ихъ общество, ихъ фразы, — всегда однѣ и тѣ же въ одинаковыхъ случаяхъ, — шаблоныя и неестественныя выраженія ихъ лицъ. Между пятью «барышнями» и «ухаживавшими» за ними «кавалерами» (слова Зиненковскаго обихода) разъ навсегда установились пошло игривыя отношенія. И тѣ и другіе дѣлали видъ, будто они составляютъ два враждующихъ лагеря. То и дѣло одинъ изъ кавалеровъ, шутя, похищалъ у барышни какую-нибудь вещь и увѣрялъ, что не отдастъ ея; барышни дулись, шептались между собой, называли шутника «противнымъ» и все время хохотали деревяннымъ, громкимъ, непріятнымъ хохотомъ. И это повторялось ежедневно, сегодня совершенно въ тѣхъ же словахъ и съ тѣми же жестами, какъ вчера. Бобровъ возвращался отъ Зиненокъ съ

головной болью и съ нервами, утомленными ихъ провинціальнымъ ломаньемъ.

Такимъ образомъ въ душѣ Боброва чередовалась тоска по Нинѣ, по нервному пожатію ея всегда горячихъ рукъ, съ отвращеніемъ къ скукѣ и манерности ея семьи. Бывали минуты, когда онъ уже совершенно готовился сдѣлать ей предложеніе. Тогда его не остановило бы даже сознаніе, что она, съ ея кокетствомъ дурного тона и душевной пустотой, устроитъ изъ семейной жизни адъ, что онъ и она думаютъ и говорятъ на разныхъ языкахъ. Но онъ не рѣшался и молчалъ.

Теперь, подъѣзжая къ Шепетовкѣ, онъ уже заранѣе зналъ, что̀ и какъ тамъ будутъ говорить въ томъ или другомъ случаѣ, даже представлялъ себѣ выраженіе лицъ. Онъ зналъ, что когда съ ихъ террасы увидятъ его верхомъ на лошади, то сначала между барышнями, всегда находящимися въ ожиданіи «пріятныхъ кавалеровъ», подымется длинный споръ о томъ, кто это ѣдетъ. Когда же онъ приблизится, то угадавшая начнетъ подпрыгивать, бить въ ладоши, прищелкивать языкомъ и задорно выкрикиваетъ: «А что̀? А что̀? Я угадала, я угадала!» Вслѣдъ за тѣмъ она побѣжитъ къ Аннѣ Аѳанасьевнѣ. «Мама, Бобровъ ѣдетъ, я первая угадала!» А мама, лѣниво перетирая чайныя чашки, обратится къ Нинѣ — непремѣнно къ Нинѣ — такимъ тономъ, какъ будто бы она передаетъ что-то смѣшное и неожиданное: «Ниночка, знаешь, Бобровъ ѣдетъ». И уже послѣ этого всѣ онѣ вмѣстѣ чрезвычайно и очень громко изумятся, увидя входящаго Андрея Ильича.

IV.

Фарватеръ шелъ, звучно фыркая и попрашивая поводьевъ. Вдали показался домъ Шепетовской экономіи.

Изъ густой зелени сиреней и акацій едва виднѣлись его бѣлыя стѣны и красная крыша. Подъ горой небольшой прудъ выпукло подымался изъ окружавшихъ его зеленыхъ береговъ.

На крыльцѣ стояла женская фигура. Бобровъ издали узналъ въ ней Нину по ярко-желтой кофточкѣ, такъ красиво оттѣнявшей смуглый цвѣтъ ея лица, и тотчасъ же, подтянувъ Фарватеру поводья, выпрямился и высвободилъ носки ногъ, далеко залѣзшіе въ стремена.

— Вы опять на своемъ сокровищѣ пріѣхали? Ну, вотъ, просто видѣть не могу этого урода! — крикнула съ крыльца Нина веселымъ и капризнымъ голосомъ избалованнаго ребенка. У нея уже давно вошло въ привычку дразнить Боброва его лошадью, къ которой онъ былъ такъ привязанъ. Вообще, въ домѣ Зиненокъ вѣчно кого-нибудь и чѣмъ-нибудь дразнили.

Бросивъ поводья подбѣжавшему заводскому конюху, Бобровъ похлопалъ крутую, потемнѣвшую отъ пота шею лошади и вошелъ вслѣдъ за Ниной въ гостиную. Анна Аѳанасьевна, сидѣвшая за самоваромъ, сдѣлала видъ, будто необычайно поражена пріѣздомъ Боброва.

— А-а-а! Андрей Ильичъ! Наконецъ-то вы къ намъ пожаловали!.. — воскликнула она нараспѣвъ.

И, ткнувъ ему руку прямо въ губы, когда онъ здоровался съ ней, она своимъ громкимъ носовымъ голосомъ спросила:

— Чаю? Молока? Яблоковъ? Говорите, чего хотите.

— Merci, Анна Аѳанасьевна.

— Merci, oui, ou merci non?

Подобныя французскія фразы были неизмѣнны въ семьѣ Зиненко. Бобровъ отказался отъ всего.

— Ну, такъ идите на террасу, тамъ молодежь затѣяла какіе-то фанты, что ли, — милостиво разрѣшила m-me Зиненко.

Когда онъ вышелъ на балконъ, всѣ четыре барышни разомъ, совершенно тѣмъ же тономъ и такъ же въ носъ, какъ ихъ маменька, воскликнули:

— А-а-а! Андрей Ильичъ? Вотъ ужъ кого давно-то не было видно! Чего вамъ принести? Чаю? Яблоковъ? Молока? — Не хотите? Нѣтъ, правда? А можетъ-быть, хотите? Ну, въ такомъ случаѣ садитесь здѣсь и принимайте участіе.

Играли въ «барыня прислала сто рублей», въ «мнѣнія» и еще въ какую-то игру, которую шепелявая Кася называла «играть въ пошуду». Изъ гостей были: три студента-практиканта, которые все время выпячивали грудь и принимали пластическія позы, выставивъ впередъ ногу и заложивъ руку въ задній карманъ сюртука; былъ техникъ Миллеръ, отличавшійся красотою, глупостью и чудеснымъ баритономъ, и наконецъ какой-то молчаливый господинъ въ сѣромъ, не обращавшій на себя ничьего вниманія.

Игра не ладилась. Мужчины исполняли свои фанты со снисходительнымъ и скучающимъ видомъ; дѣвицы вовсе отъ нихъ отказывались, перешептывались и напряженно хохотали.

Смеркалось. Изъ-за крышъ ближней деревни медленно показывалась огромная красная луна.

— Дѣти, идите въ комнаты! — крикнула изъ столовой Анна Аѳанасьевна. — Попросите Миллера, чтобы онъ намъ спѣлъ что-нибудь.

Черезъ минуту голоса барышенъ уже слышались въ комнатахъ. — Намъ было очень весело, — щебетали онѣ вокругъ матери: — мы такъ смѣялись, такъ смѣялись. . .

На балконѣ остались только Нина и Бобровъ. Она сидѣла на перилахъ, обхвативши столбъ лѣвой рукой и прижавшись къ нему въ безсознательно-граціозной позѣ. Бобровъ помѣстился на низкой садовой скаме-

ечкѣ у самыхъ ея ногъ и снизу вверхъ, заглядывая ей въ лицо, видѣлъ нѣжныя очертанія ея шеи и подбородка.

— Ну, разскажите же что-нибудь интересное, Андрей Ильичъ, — нетерпѣливо приказала Нина.

— Право, я не знаю, что̀ бы вамъ разсказать, — возразилъ Бобровъ. — Ужасно трудно говорить по заказу. Я и то ужъ думаю: нѣтъ ли такого разговорнаго сборника, на разныя темы...

— Фу-у! Какой вы ску-учный, — протянула Нина. — Скажите, когда вы бываете въ духѣ?

— А вы мнѣ скажите, почему вы такъ боитесь молчанія? Чуть разговоръ немножко изсякъ, вамъ уже и не по себѣ... А развѣ дурно разговаривать молча?

— «Мы будемъ съ тобой молчали-ивы»... — пропѣла насмѣшливо Нина.

— Конечно, будемъ молчаливы. Посмотрите: небо ясное, луна рыжая, большущая, на балконѣ такъ тихо... Чего же еще?..

— «И эта глупая луна на этомъ глупомъ небосклонѣ», — продекламировала Нина. — A propos, вы слышали, что Зиночка Маркова выходитъ замужъ за Протопопова? Выходитъ-таки! Удивительный человѣкъ этотъ Протопоповъ. — Она пожала плечами. — Три раза ему Зина отказывала, и онъ все-таки не могъ успокоиться, сдѣлалъ въ четвертый разъ предложеніе. И пускай на себя пеняетъ. Она его, можетъ-быть, будетъ уважать, но любить — никогда!

Этихъ словъ было достаточно, чтобы расшевелить желчь въ душѣ Боброва. Его всегда выводилъ изъ себя узкій, мѣщанскій словарь Зиненокъ, съ выраженіями въ родѣ: «Она его любитъ, но не уважаетъ», «Она его уважаетъ, но не любитъ». Этими словами въ ихъ понятіяхъ исчерпывались самыя сложныя отношенія между мужчиной и женщиной, точно такъ же, какъ

для опредѣленія нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ особенностей любой личности у нихъ существовало только два выраженія: «брюнетъ» и «блондинъ».

И Бобровъ, изъ смутнаго желанія разбередить свою злобу, спросилъ:

— Что̀ же такое представляетъ собою этотъ Протопоповъ?..

— Протопоповъ? — задумалась на секунду Нина. — Онъ... какъ бы вамъ сказать... довольно высокаго роста... шатенъ!..

— И больше ничего?

— Чего же еще? Ахъ, да; служитъ въ акцизѣ...

— И только? Да неужели, Нина Григорьевна, у васъ для характеристики человѣка не найдется ничего, кромѣ того, что онъ шатенъ и служитъ въ акцизѣ! Подумайте: сколько въ жизни встрѣчается намъ интересныхъ, талантливыхъ и умныхъ людей. Неужели все это только «шатены» и «акцизные чиновники»? Посмотрите, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ наблюдаютъ жизнь крестьянскія дѣти и какъ они мѣтки въ своихъ сужденіяхъ. А вы, умная и чуткая дѣвушка, проходите мимо всего равнодушно, потому что у васъ есть въ запасѣ десятокъ шаблонныхъ, комнатныхъ фразъ. Я знаю: если кто-нибудь упомянетъ въ разговорѣ про луну, вы сейчасъ же вставите: «Какъ эта глупая луна» и т. д. Если я разскажу, положимъ, какой-нибудь выходящій изъ ряда обыкновенныхъ случай, я напередъ знаю, что вы замѣтите: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». И такъ во всемъ, во всемъ... Повѣрьте мнѣ, ради Бога, что все самобытное, своеобразное...

— Я васъ прошу не читать мнѣ нравоученій! — отозвалась рѣзко Нина.

Онъ замолчалъ, съ ощущеніемъ горечи во рту, и они оба сидѣли минутъ пять тихо и не шевелясь. Вдругъ

изъ гостиной послышались звучные аккорды, и немного тронутый, но полный глубокаго выраженія голосъ Миллера запѣлъ:

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты.

Озлобленное настроеніе Боброва быстро улеглось, и онъ жалѣлъ теперь что огорчилъ Нину. «Для чего вздумалъ я требовать отъ ея наивнаго, свѣжаго, дѣтскаго ума оригинальной смѣлости? — думалъ онъ. — Вѣдь она, какъ птичка: щебечетъ первое, что̀ ей приходитъ въ голову, и, почемъ знать, можетъ-быть, это щебетанье даже гораздо лучше, чѣмъ разговоры объ эмансипаціи, и о Ницше, и о декадентахъ?»

— Нина Григорьевна, не сердитесь на меня. Я увлекся и наговорилъ глупостей, — сказалъ онъ вполголоса.

Нина молчала, отвернувшись отъ него и глядя на восходившую луну. Онъ отыскалъ въ темнотѣ ея свѣсившуюся руку и, пожавъ ее, прошепталъ:

— Нина Григорьевна... Пожалуйста...

Нина вдругъ быстро повернулась къ нему и отвѣтивъ на его пожатіе быстрымъ, нервнымъ пожатіемъ, воскликнула тономъ прощенія и упрека:

— Злючка! Всегда вы меня обижаете... пользуетесь тѣмъ, что я на васъ не умѣю сердиться!..

И, оттолкнувъ его внезапно задрожавшую руку, почти вырвавшись отъ него, она перебѣжала балконъ и скрылась въ дверяхъ.

...И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю...

пѣлъ со страстнымъ и тоскливымъ выраженіемъ Миллеръ.

— Но кажется мнѣ, что люблю! — повторилъ взволнованнымъ шопотомъ Бобровъ, глубоко переводя духъ и прижимая руку къ забившемуся сердцу.

«Зачѣмъ же, — растроганно думалъ онъ: — утомляю я себя безплодными мечтами о какомъ-то невѣдомомъ, возвышенномъ счастьѣ, когда здѣсь, около меня — простое, но глубокое счастье? Чего же еще нужно отъ женщины, отъ жены, если въ ней столько нѣжности, кротости, изящества и вниманія? Мы, бѣдные, нервные, больные люди, не умѣемъ брать просто отъ жизни ея радостей, мы ихъ нарочно отравляемъ ядомъ нашей неутомимой потребности копаться въ каждомъ чувствѣ, въ каждомъ своемъ и чужомъ помышленіи... Тихая ночь, близость любимой дѣвушки, милыя незатѣйливыя рѣчи, минутная вспышка гнѣва и потомъ внезапная ласка — Господи! Развѣ не въ этомъ вся прелесть существованія?»

Онъ вошелъ въ гостиную повеселѣвшій, бодрый, почти торжествующій. Глаза его встрѣтились съ глазами Нины, и въ ея долгомъ взорѣ онъ прочелъ нѣжный отвѣтъ на свои мысли. «Она будетъ моей женой», — подумалъ Бобровъ, ощущая въ душѣ спокойную радость.

Разговоръ шелъ о Квашнинѣ. Анна Аѳанасьевна, наполняла своимъ увѣреннымъ голосомъ всю комнату, говорила, что она думаетъ завтра тоже повести «своихъ дѣвочекъ» на вокзалъ.

— Очень можетъ быть, что Василій Терентьевичъ захочетъ сдѣлать намъ визитъ. По крайней мѣрѣ о его пріѣздѣ мнѣ еще за мѣсяцъ писала племянница мужа моей двоюродной сестры — Лиза Бѣлоконская...

— Это, кажется, та Бѣлоконская, братъ которой женатъ на княжнѣ Муховецкой? — покорно вставилъ заученную реплику господинъ Зиненко.

— Ну да, та самая, — снисходительно кивнула въ его сторону головой Анна Аѳанасьевна. — Она еще приходится дальней родней по бабушкѣ Стремоуховымъ, которыхъ ты знаешь. И вотъ Лиза Бѣлоконская писала мнѣ, что встрѣтилась въ одномъ обществѣ съ Василіемъ Терентьевичемъ и рекомендовала ему побывать у насъ, если ему, вообще, вздумается ѣхать когда-нибудь на заводъ.

— Сумѣемъ ли мы принять, Нюся? — спросилъ озабоченно Зиненко.

— Какъ ты смѣшно говоришь! Мы сдѣлаемъ, что̀ можемъ. Вѣдь ужъ во всякомъ случаѣ мы не удивимъ ничѣмъ человѣка, который имѣетъ триста тысячъ годового дохода.

— Господи! Триста тысячъ! — простоналъ Зиненко. — Просто страшно подумать.

— Триста тысячъ! — вздохнула, точно эхо, Нина.

— Триста тысячъ! — воскликнули восторженно хоромъ дѣвицы.

— Да, и все это онъ проживаетъ до копеечки, — сказала Анна Аѳанасьевна. Затѣмъ, отвѣчая на невысказанную мысль дочерей, она прибавила: — Женатый человѣкъ. Только, говорятъ, очень неудачно женился. Его жена какая-то безцвѣтная личность и совсѣмъ не представительна. Что̀ ни говорите, а жена должна быть вывѣской въ дѣлахъ мужа.

— Триста тысячъ! — повторила еще разъ, точно въ бреду, Нина. — Чего только на эти деньги ни сдѣлаешь!..

Анна Аѳанасьевна провела рукой по ея пышнымъ волосамъ.

— Вотъ бы тебѣ такого мужа, дѣточка. А?

Эти триста тысячъ чужого годового дохода точно наэлектризовали все общество. Съ блестящими глазами и разогрѣвшимися лицами разсказывались и слушались

анекдоты о жизни милліонеровъ, разсказы о баснословныхъ меню обѣдовъ, о великолѣпныхъ лошадяхъ, о балахъ и исторически-безумныхъ тратахъ денегъ.

Сердце Боброва похолодѣло и до боли сжалось. Онъ тихонько отыскалъ свою шляпу и осторожно вышелъ на крыльцо. Его ухода, впрочемъ, и такъ никто бы не замѣтилъ.

И когда онъ крупною рысью ѣхалъ домой и представилъ себѣ томные, мечтательные глаза Нины, шептавшей почти въ забытьѣ: Триста тысячъ!» — ему вдругъ припомнился утренній анекдотъ Свѣжевскаго.

— Эта... тоже сумѣетъ себя продать! — прошепталъ онъ, судорожно стиснувъ зубы и съ бѣшенствомъ ударивъ Фарватера хлыстомъ по шеѣ.

V.

Подъѣзжая къ своей квартирѣ, Бобровъ замѣтилъ свѣтъ въ окнахъ. «Должно-быть, безъ меня пріѣхалъ докторъ и теперь валяется на диванѣ, въ ожиданіи моего пріѣзда», — подумалъ онъ, сдерживая взмыленную лошадь. Въ теперешнемъ настроеніи Боброва докторъ Гольдбергъ былъ единственнымъ человѣкомъ, присутствіе котораго онъ могъ перенести безъ болѣзненнаго раздраженія.

Онъ любилъ искренно этого безпечнаго, кроткаго еврея за его разносторонній умъ, юношескую живость характера и добродушную страсть къ спорамъ отвлеченнаго свойства. Какой бы вопросъ ни затрогивалъ Бобровъ, докторъ Гольдбергъ возражалъ ему съ одинаковымъ интересомъ къ дѣлу и съ неизмѣнной горячностью. И хотя между обоими, въ ихъ безконечныхъ

спорахъ до сихъ поръ возникали только противорѣчія, тѣмъ не менѣе они скучали другъ безъ друга и видѣлись чуть не ежедневно.

Докторъ, дѣйствительно, лежалъ на диванѣ, закинувъ ноги на его спинку, и читалъ какую-то брошюру, держа ее вплотную у своихъ близорукихъ глазъ. Быстро скользнувъ взглядомъ по корешку, Бобровъ узналъ «Учебный курсъ металлургіи» Мевіуса и улыбнулся. Онъ хорошо зналъ привычку доктора читать съ одинаковымъ увлеченіемъ, и непремѣнно изъ середины, все, что̀ только попадалось ему подъ руку.

— А я безъ васъ распорядился чайкомъ, — сказалъ докторъ, отбросивъ въ сторону книгу и глядя поверхъ очковъ на Боброва. — Ну, какъ попрыгиваете, государь мой Андрей Ильичъ? У-у, да какой же вы сердитый. Что̀? Опять веселая меланхолія?

— Ахъ, докторъ, скверно на свѣтѣ жить, — сказалъ устало Бобровъ.

— Отчего же такъ, голубчикъ?

— Да такъ... вообще... все скверно. Ну, какъ, докторъ, ваша больница?

— Наша больница ничего... живетъ. Сегодня очень интересный хирургическій случай былъ. Ей-Богу, и смѣшно и трогательно. Представьте себѣ, приходитъ на утренній осмотръ парень, изъ масальскихъ каменщиковъ. Эти масальскіе ребята, какого ни возьми, всѣ, какъ на подборъ, богатыри. «Что̀ тебѣ?» — спрашиваю. — «Да вотъ, господинъ дохтуръ, рѣзалъ я хлѣбъ для артели, такъ только вотъ што, этто башка у меня трешшытъ, такъ, палецъ маненечко попортилъ, руду никакъ не уймешь». Осмотрѣлъ я его руку: такъ себѣ, царапинка, пустяки, но нагноилась немного; я приказалъ фельдшеру положить пластырь. Только, вижу, парень мой не уходитъ. — «Ну, чего тебѣ еще надо? Заклеили

тебѣ руку, и ступай». — «Это вѣрно, говоритъ, заклеили, дай Богъ тебѣ здоровья, а только вотъ што, этто башка у меня трешшыть, такъ думаю, заодно и напротивъ башки чего-нибудь дашь». — «Что̀ же у тебя съ башкой? Треснулъ кто-нибудь, вѣрно?» — Парень такъ и обрадовался, загоготалъ. — «Есть, говоритъ, тотъ грѣхъ. Ономнясь, на Спаса (это, значить, выпили ведра полтора, ну, ребята и зачали баловать промежъ себя... Ну, и я тоже. А опосля... въ дракѣ-то нешто разберешься?.. ка-акъ онъ меня зубиломъ саданулъ по балдѣ... починилъ, стало-быть... Сначала-то оно ничего было, не больно, а вотъ теперь трешшытъ башка-то». Сталъ я осматривать «балду», и, что̀ же вы думаете? — прямо въ ужасъ пришелъ! Черепъ проломленъ насквозь, дыра съ пятакъ мѣдный будетъ величиною, и обломки кости въ мозгъ врѣзались... Теперь лежитъ въ больницѣ безъ сознанія. Изумительный, я вамъ скажу, народецъ: младенцы и герои въ одно и то же время. Ей-Богу, я не шутя думаю, что только русскій терпѣливый мужикъ и вынесетъ такую починку балды. Другой, не сходя съ мѣста, испустилъ бы духъ. И потомъ, какое наивное незлобіе: «Въ дракѣ нешто разберешь?..» Чортъ знаетъ, что̀ такое!

Бобровъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, щелкалъ хлыстомъ по голенищамъ высокихъ сапогъ и разсѣянно слушалъ доктора. Горечь, осѣвшая ему на душу еще у Зиненокъ, до сихъ поръ не могла успокоиться.

Докторъ помолчалъ немного и, видя, что его собесѣдникъ не расположенъ къ разговору, сказалъ съ участіемъ:

— Знаете что̀, Андрей Ильичъ? Попробуемте-ка на минуточку лечь спать, да хватимъ на ночь ложечку-другую брому. Онъ полезенъ въ вашемъ настроеніи, а вреда, все равно, никакого не будетъ...

Они оба легли въ одной комнатѣ: Бобровъ на кровати, докторъ на томъ же диванѣ. Но и тому и другому не спалось. Гольдбергъ долго слушалъ въ темнотѣ, какъ ворочался съ боку ва бокъ и вздыхалъ Бобровъ, и наконецъ заговорилъ первый:

— Ну, что̀ вы, голубчикъ? Ну, что̀ терзаетесь? Ужъ говорите лучше прямо, что̀ такое тамъ у васъ засѣло? Все легче будетъ. Чай, все-таки не чужой я вамъ человѣкъ, не изъ празднаго любопытства спрашиваю.

Эти простыя слова тронули Боброва. Хотя его и связывали съ докторомъ почти дружескія отношенія, однако ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ ни словомъ не подтвердилъ этого вслухъ: оба были люди чуткіе и боялись колючаго стыда взаимныхъ признаній. Докторъ первый открылъ свое сердце. Ночная темнота и жалость къ Андрею Ильичу помогли этому.

— Все мнѣ тяжело и гадко, Осипъ Осиповичъ, — отозвался тихо Бобровъ. — Первое, мнѣ гадко то, что я служу на заводѣ и получаю за это большія деньги, а мнѣ это заводское дѣло противно и противно! Я считаю себя честнымъ человѣкомъ и потому прямо себя спрашиваю: «Что̀ ты дѣлаешь? Кому ты приносишь пользу?» Я начинаю разбираться въ этихъ вопросахъ и вижу, что, благодаря моимъ трудамъ, сотня французскихъ лавочниковъ-рантье и десятокъ ловкихъ русскихъ пройдохъ со временемъ положатъ въ карманъ милліоны. А другой цѣли, другого смысла нѣтъ въ томъ трудѣ, на подготовку къ которому я убилъ лучшую половину жизни!..

— Ну, ужъ это даже смѣшно, Андрей Ильичъ, — возразилъ докторъ, повернувшись въ темнотѣ лицомъ къ Боброву. — Вы требуете, чтобы какіе-то буржуи прониклись интересами гуманности. Съ тѣхъ поръ, голубчикъ, какъ міръ стоитъ, все впередъ движется брюхомъ,

иначе не было и не будетъ. Но суть-то въ томъ, что вамъ наплевать на буржуевъ, потому что вы гораздо выше ихъ. Неужели съ васъ не довольно мужественнаго и гордаго сознанія, что вы толкаете впередъ, выражаясь языкомъ передовыхъ статей, «колесницу прогресса»? Чортъ возьми! Акціи пароходныхъ обществъ приносятъ колоссальные дивиденды, но развѣ это мѣшаетъ Фультону считаться благодѣтелемъ человѣчества?

— Ахъ, докторъ, докторъ! — Бобровъ досадливо поморщился. — Вы не были, кажется, сегодня у Зиненокъ, а вашими устами вдругъ заговорила ихъ житейская мудрость. Слава Богу, мнѣ не придется ходить далеко за возраженіями, потому что я сейчасъ разобью васъ вашей же возлюбленной теоріей.

— То-есть какой это теоріей?.. Позвольте... я что-то не помню никакой теоріи... право, голубчикъ, не помню... забылъ что-то...

— Забыли? А кто здѣсь же, на этомъ самомъ диванѣ, съ пѣной у рта кричалъ, что мы инженеры и изобрѣтатели, своими открытіями ускоряемъ пульсъ общественной жизни до горячечной скорости? Кто сравнивалъ эту жизнь съ состояніемъ животнаго, заключеннаго въ банку съ кислородомъ? О, я отлично помню, какой страшный перечень дѣтей двадцатаго вѣка, неврастениковъ, сумасшедшихъ, переутомленныхъ, самоубійцъ, кидали вы въ глаза этимъ самымъ благодѣтелямъ рода человѣческаго. Телеграфъ, телефонъ, стодвадцативерстные поѣзда, говорили вы, сократили разстояніе до minimum'a, — уничтожили его... Время вздорожало до того, что скоро начнутъ ночь превращать въ день, ибо уже чувствуется потребность въ такой удвоенной жизни. Сдѣлка, требовавшая раньше цѣлыхъ мѣсяцевъ, теперь оканчивается въ пять минутъ. Но ужъ и эта чертовская скорость не удовлетворяетъ нашему нетерпѣнію... Скоро мы будемъ видѣть другъ друга

по проволокѣ на разстояніи сотенъ и тысячъ верстъ!..
А между тѣмъ всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ наши предки, собираясь изъ деревни въ губернію, не спѣша, служили молебенъ и пускались въ путь съ запасомъ достаточнымъ для полярной экспедиціи... И мы несемся, сломя голову, впередъ и впередъ, оглушенные грохотомъ и трескомъ чудовищныхъ машинъ, одурѣвшіе отъ этой бѣшеной скачки, съ раздраженными нервами, извращенными вкусами и тысячами новыхъ болѣзней... Помните, докторъ? Все это ваши собственныя слова, поборникъ благодѣтельнаго прогресса!

Докторъ, уже нѣсколько разъ тщетно пытавшійся возразить, вопользовался минутной передышкой Боброва.

— Ну да, ну да, голубчикъ, все это я говорилъ, — заторопился онъ не совсѣмъ однако увѣренно. — Я и теперь это утверждаю. Но надо же, голубчикъ, такъ сказать, приспособляться. Какъ же жить-то иначе? Во всякой профессіи есть эти скользкіе пунктики. Вотъ, взять хоть насъ, напримѣръ, докторовъ... Вы думаете, у насъ все это такъ ясно и хорошо, какъ въ книжечкѣ? Да вѣдь мы дальше хирургіи нич-чего ровнешенько не знаемъ навѣрняка. Мы выдумываемъ новыя лѣкарства и системы, но совершенно забываемъ, что изъ тысячи организмовъ нѣтъ двухъ, хоть сколько-нибудь похожихъ составомъ крови, дѣятельностью сердца, условіями наслѣдственности и чортъ знаетъ чѣмъ еще! Мы удалились отъ единаго вѣрнаго терапевтическаго пути — отъ медицины звѣрей и знахарокъ, мы наводнили фармакопею разными кокаинами, атропинами, фенацетинами, но мы упустили изъ виду, что если простому человѣку дать чистой воды, да увѣрить его хорошенько, что это сильное лѣкарство, то простой человѣкъ выздоровѣетъ. А между тѣмъ въ девяноста случаяхъ изъ ста въ нашей практикѣ помогаетъ только эта увѣрен-

ность, внушаемая нашимъ профессіональнымъ жреческимъ апломбомъ. Повѣрите ли? Одинъ хорошій врачъ, и въ то же время умный и честный человѣкъ, признавался мнѣ, что охотники лѣчатъ собакъ гораздо раціональнѣе, чѣмъ мы людей. Тамъ одно средство — сѣрный цвѣтъ, — вреда особеннаго онъ не принесетъ, а иногда все-таки и помогаетъ... Не правда ли, голубчикъ, пріятная картинка? А однако и мы дѣлаемъ, что̀ можемъ... Нельзя, мой дорогой, иначе: жизнь требуетъ компромиссовъ... Иной разъ, хоть своимъ видомъ всезнающаго авгура, а все-таки облегчишь страданія ближняго. И на томъ спасибо.

— Да, компромиссы — компромиссами, — возразилъ мрачнымъ тономъ Бобровъ: — а однако вы у масальскаго каменщика кости изъ черепа-то сегодня извлекли...

— Ахъ, голубчикъ, что̀ значитъ одинъ исправленный черепъ? Подумайте-ка, сколько ртовъ вы кормите и сколькимъ рукамъ даете работу. Еще въ исторіи Иловайскаго сказано, что «царь Борисъ, желая снискать расположеніе народныхъ массъ, предпринималъ въ голодные годы постройку общественныхъ зданій». Что-то въ этомъ родѣ... Вотъ вы и посчитайте, какую колоссальную сумму пользы вы...

При послѣднихъ словахъ Боброва точно подбросило на кровати, и онъ быстро усѣлся на ней, свѣсивъ внизъ голыя ноги.

— Пользы!? — закричалъ онъ изступленно. — Вы мнѣ говорите о пользѣ? Въ такомъ случаѣ, ужъ если подводить итоги пользѣ и вреду, то, позвольте, я вамъ приведу маленькую страничку изъ статистики. — И онъ началъ мѣрнымъ и рѣзкимъ тономъ, какъ будто бы говорилъ съ каѳедры: — Давно извѣстно, что работа въ рудникахъ, шахтахъ, на металлическихъ заводахъ и на большихъ фабрикахъ сокращаетъ жизнь рабочаго

приблизительно на цѣлую четверть. Я не говорю уже о несчастныхъ случаяхъ или непосильномъ трудѣ. Вамъ, какъ врачу, гораздо лучше моего извѣстно, какой процентъ приходится на долю сифилиса, пьянства и чудовищныхъ условій прозябанія въ этихъ проклятыхъ баракахъ и землянкахъ... Постойте, докторъ, прежде чѣмъ возражать, вспомните, много ли вы видѣли на фабрикѣ рабочихъ старѣе 40—45 лѣтъ? Я положительно не встрѣчалъ. Иными словами, это значитъ, что рабочій отдаетъ предпринимателю три мѣсяца своей жизни въ годъ, недѣлю — въ мѣсяцъ, или, короче, шесть часовъ въ день... Теперь слушайте дальше... У насъ, при шести домнахъ, будетъ занято до 30.000 человѣкъ— царю Борису, вѣрно, и не снились такія цифры! Тридцать тысячъ человѣкъ, которые всѣ вмѣстѣ, такъ сказать, сжигаютъ въ сутки 180.000 часовъ своей собственной жизни, то-есть семь съ половиной тысячъ дней, то-есть наконецъ, сколько же это будетъ лѣтъ?

— Около двадцати лѣтъ, — подсказалъ послѣ небольшого молчанія докторъ.

— Около двадцати лѣтъ въ сутки! — закричалъ Бобровъ. — Двое сутокъ работы пожираютъ цѣлаго человѣка. Чортъ возьми! Вы помните изъ Библіи, что какіе-то тамъ ассиріяне или моавитяне приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы? Но вѣдь эти мѣдные господа, Молохъ и Дагонъ, покраснѣли бы отъ стыда и отъ обиды передъ тѣми цифрами, что̀ я сейчасъ привелъ...

Эта своеобразная математика только-что пришла въ голову Боброву (онъ, какъ и многіе очень впечатлительные люди, находилъ новыя мысли только среди разговора). Тѣмъ не менѣе и его самого и Гольдберга поразила оригинальность вычисленія.

— Чортъ возьми, вы меня ошеломили, — отозвался съ дивана докторъ. — Хотя цифры могутъ быть и не совсѣмъ точными...

— А извѣстна ли вамъ, — продолжалъ съ еще большей горячностью Бобровъ: — извѣстна ли вамъ другая статистическая таблица, по которой вы съ чертовской точностью можете вычислить, во сколько человѣческихъ жизней обойдется каждый шагъ впередъ вашей дьявольской колесницы, каждое изобрѣтеніе какой-нибудь поганой вѣялки, сѣялки или рельсопрокатки? Хороша, нечего сказать, ваша цивилизація, если ея плоды исчисляются цифрами, гдѣ въ видѣ единицы стоитъ желѣзная машина, а въ видѣ нулей — цѣлый рядъ человѣческихъ существованій!

— Но, послушайте, голубчикъ вы мой, — возразилъ докторъ, сбитый съ толку пылкостью Боброва: — тогда, по-вашему, лучше будетъ возвратиться къ первобытному труду, что ли? Зачѣмъ же вы все черныя стороны берете? Вѣдь вотъ у насъ, несмотря на вашу математику, и школа есть при заводѣ, и церковь, и больница хорошая, и общество дешеваго кредита для рабочихъ...

Бобровъ совсѣмъ вскочилъ съ постели и босой забѣгалъ по комнатѣ.

— И больница ваша и школа — все это пустяки! Цаца дѣтская для такихъ гуманистовъ, какъ вы, — уступка общественному мнѣнію... Если хотите, я вамъ скажу, какъ мы на самомъ дѣлѣ смотримъ... Вы знаете, что̀ такое финишъ?

— Финишъ? Это что-то лошадиное, кажется? Что-то такое на скачкахъ?

— Да, на скачкахъ. Финишемъ называются послѣднія сто саженъ передъ верстовымъ столбомъ. Лошадь должна ихъ проскакать съ наибольшей скоростью, — за столбомъ она можетъ хоть издохнуть. Финишъ — это полнѣйшее, максимальное напряженіе силъ, и, чтобы

выжать изъ лошади финишъ, ее истязаютъ хлыстомъ до крови... Такъ вотъ и мы. А когда финишъ выжатъ и кляча упала съ переломленной спиной и разбитыми ногами — къ чорту ее, она больше никуда не годится! Вотъ тогда и извольте утѣшать павшую на финишѣ клячу вашими школами да больницами... Вы видѣли ли когда-нибудь, докторъ, литейное и прокатное дѣло? Если видѣли, то вы должны знать, что оно требуетъ адской крѣпости нервовъ, стальныхъ мускуловъ и ловкости цирковаго артиста... Вы должны знать, что каждый мастеръ нѣсколько разъ въ день избѣгаетъ смертельной опасности только благодаря удивительному присутствію духа... И сколько за этотъ трудъ рабочій получаетъ, хотите вы знать?

— А все-таки, пока стоитъ заводъ, трудъ этого рабочаго обезпеченъ, — сказалъ упрямо Гольдбергъ.

— Докторъ, не говорите наивныхъ вещей! — воскликнулъ Бобровъ, садясь на подоконникъ. — Теперь рабочій болѣе чѣмъ когда-либо зависитъ отъ рыночнаго спроса, отъ биржевой игры, отъ разныхъ закулисныхъ интригъ. Каждое громадное предпріятіе, прежде чѣмъ оно пойдетъ въ ходъ, насчитываетъ трехъ или четырехъ покойниковъ-патроновъ. Вамъ извѣстно, какъ создалось наше общество? Его основала за наличныя деньги небольшая компанія капиталистовъ. Дѣло предполагалось устроить сначала въ небольшихъ размѣрахъ. Но цѣлая банда инженеровъ, директоровъ и подрядчиковъ ухнула капиталъ такъ скоро, что предприниматели не успѣли и оглянуться. Возводились громадныя постройки, которыя потомъ оказывались негодными... Капитальныя зданія шли, какъ у насъ говорятъ, «на мясо», то-есть рвались динамитомъ. И когда въ концѣ концовъ предпріятіе пошло по 10 коп. за рубль, только тогда стало понятно, что вся эта сволочь дѣйствовала по заранѣе обдуманной системѣ и получала за свой под-

лый образъ дѣйствій опредѣленное жалованье отъ другой, болѣе богатой и ловкой компаніи. Теперь дѣло идетъ въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ, но мнѣ хорошо извѣстно, что при крахѣ перваго покойника 800 рабочихъ не получили двухмѣсячнаго жалованья. Вотъ вамъ и обезпеченный трудъ! Да сто̀итъ только акціямъ упасть на биржѣ, какъ это сейчасъ же отражается на заработной платѣ. А вамъ, я думаю, извѣстно, какъ поднимаются и падаютъ на биржѣ акціи? Для этого нужно мнѣ пріѣхать въ Петербургъ — шепнуть маклеру, что вотъ, молъ, хочу я продать тысячъ на триста акцій, «только, молъ, ради Бога, это между нами, ужъ лучше я вамъ заплачу хорошій куртажъ, только молчите»... Потомъ другому и третьему шепнуть то же самое по секрету, и акціи мгновенно падаютъ на нѣсколько десятковъ рублей. И чѣмъ больше секретъ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе упадутъ акціи... Хороша обезпеченность!..

Сильнымъ движеніемъ руки Бобровъ разомъ распахнулъ окно. Въ комнату ворвался холодный воздухъ.

— Посмотрите, посмотрите сюда, докторъ! — крикнулъ Андрей Ильичъ, показывая пальцемъ по направленію завода.

Гольдбергъ приподнялся на локтѣ и устремилъ глаза въ ночную темноту, глядѣвшую изъ окна. На всемъ громадномъ пространствѣ, разстилавшемся вдали, рдѣли разбросанныя въ безчисленномъ множествѣ кучи раскаленнаго известняка, на поверхности которыхъ то и дѣло вспыхивали голубоватые и зеленые сѣрные огни... Это горѣли известковыя печи *). Надъ заво-

*) Известковыя печи устраиваются такимъ образомъ: складывается изъ известковаго камня холмъ, величиною съ человѣческій ростъ, и разжигается дровами или каменнымъ углемъ. Этотъ холмъ раскаляется около недѣли, до тѣхъ поръ, пока изъ камня не образуется негашеная известь.

домъ стояло огромное красное колеблющееся зарево. На его кровавомъ фонѣ стройно и четко рисовались темныя верхушки высокихъ трубъ, между тѣмъ какъ нижнія части ихъ расплывались въ сѣромъ туманѣ, шедшемъ отъ земли. Разверстыя пасти этихъ великановъ безостановочно изрыгали густые клубы дыма, которые смѣшивались въ одну сплошную, хаотическую, медленно ползущую на востокъ тучу, мѣстами бѣлую, какъ комья ваты, мѣстами грязно-сѣрую, мѣстами желтоватаго цвѣта желѣзной ржавчины. Надъ тонкими, длинными дымоотводами, придавая имъ видъ исполинскихъ факеловъ, трепетали и метались яркіе снопы горящаго газа. Отъ ихъ невѣрнаго отблеска нависшая надъ заводомъ дымная туча, то вспыхивая, то потухая, принимала странные и грозные оттѣнки. Время отъ времени, когда, по рѣзкому звону сигнальнаго молотка, опускался внизъ колпакъ доменной печи, изъ ея устья съ ревомъ, подобнымъ отдаленному грому, вырывалась къ самому небу цѣлая буря пламени и копоти. Тогда на нѣсколько мгновеній весь заводъ рѣзко и страшно выступалъ изъ мрака, а тѣсный рядъ черныхъ круглыхъ кауперовъ казался башнями легендарнаго желѣзнаго за̀мка. Огни коксовыхъ печей тянулись длинными правильными рядами. Иногда одинъ изъ нихъ вдругъ вспыхивалъ и разгорался, точно огромный красный глазъ. Электрическіе огни примѣшивали къ пурпуровому свѣту раскаленнаго желѣза свой голубоватый мертвый блескъ... Несмолкаемый лязгъ и грохотъ желѣза несся оттуда.

Отъ зарева заводскихъ огней лицо Боброва приняло въ темнотѣ зловѣщій мѣдный оттѣнокъ, въ глазахъ блестѣли яркіе красные блики, спутавшіеся волосы упали безпорядочно на лобъ. И голосъ его звучалъ пронзительно и злобно.

— Вотъ онъ, — Молохъ, требующій теплой человѣческой крови! — кричалъ Бобровъ, простирая въ

окно свою тонкую руку. — О, конечно, здѣсь прогрессъ, машинный трудъ, успѣхи культуры... Но подумайте же, ради Бога, — двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ человѣческой жизни въ сутки!.. Клянусь вамъ, — бываютъ минуты, когда я чувствую себя убійцей!..

«Господи! Да вѣдь онъ — сумасшедшій», — подумалъ докторъ, у котораго по спинѣ забѣгали мурашки, и онъ принялся успокаивать Боброва.

— Голубчикъ, Андрей Ильичъ, да оставьте же, мой милый, ну что̀ за охота изъ-за глупостей разстраиваться. Смотрите, окно раскрыто, а на дворѣ сырость... Ложитесь, да нате-ка вамъ бромку. «Маніакъ, совершенный маніакъ», — думалъ онъ, охваченный одновременно жалостью и страхомъ.

Бобровъ слабо сопротивлялся, обезсиленный только-что миновавшей вспышкой. Но когда онъ легъ въ постель, то внезапно разразился истерическими рыданіями. И долго докторъ сидѣлъ возлѣ него, гладя его по головѣ какъ ребенка и говоря ему первыя попавшіяся ласковыя, успокоительныя слова.

VI.

На другой день состоялась торжественная встрѣча Василія Терентьевича Квашнина на станціи Иванково. Ужъ къ одиннадцати часамъ все заводское управленіе съѣхалось туда. Кажется, никто не чувствовалъ себя спокойнымъ. Директоръ — Сергѣй Валерьяновичъ Шелковниковъ — пилъ стаканъ за стаканомъ сельтерскую воду, поминутно вытаскивалъ часы и, не успѣвъ взглянуть на циферблатъ, тотчасъ же машинально пря-

талъ ихъ въ карманъ. Только это разсѣянное движеніе и выдавало его безпокойство. Лицо же директора — красивое, холеное, самоувѣренное лицо свѣтскаго человѣка — оставалось неподвижнымъ. Лишь весьма немногіе знали, что Шелковниковъ только офиціально, такъ сказать, на бумагѣ, числился директоромъ постройки. Всѣми дѣлами, въ сущности, ворочалъ бельгійскій инженеръ Андреа̀, полу-полякъ, полу-шведъ по національности, роли котораго на заводѣ никакъ не могли понять непосвященные. Кабинеты обоихъ директоровъ были расположены рядомъ и соединены дверью. Шелковниковъ не смѣлъ положить резолюціи ни на одной важной бумагѣ, не справившись сначала съ условнымъ знакомъ, сдѣланнымъ карандашомъ гдѣ-нибудь на уголкѣ страницы рукою Андреа̀. Въ экстренныхъ же случаяхъ, исключавшихъ возможность совѣщанія, Шелковниковъ принималъ озабоченный видъ и говорилъ просителю небрежнымъ тономъ:

— Извините... положительно не могу удѣлить вамъ ни минуты... заваленъ по горло... Будьте добры изъяснить ваше дѣло господину Андреа̀, а онъ мнѣ потомъ изложитъ его отдѣльной запиской.

Заслуги Андреа̀ передъ правленіемъ были неисчислимы. Изъ его головы цѣликомъ вышелъ геніально-мошенническій проектъ разоренія первой компаніи предпринимателей, и его же твердая, но незримая рука довела интригу до конца. Его проекты, отличавшіеся изумительной простотой и стройностью, считались въ то же время послѣднимъ словомъ горнозаводской науки. Онъ владѣлъ всѣми европейскими языками и — рѣдкое явленіе среди инженеровъ — обладалъ, кромѣ своей спеціальности, самыми разнообразными знаніями.

Изо всѣхъ, собравшихся на станціи, только одинъ этотъ человѣкъ, съ чахоточной фигурой и лицомъ старой обезьяны, сохранялъ свою обычную невозмутимость.

Онъ пріѣхалъ позднѣе всѣхъ и теперь медленно ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ, засунувъ руки по локоть въ карманы широкихъ, обвисшихъ брюкъ и пожевывая свою вѣчную сигару. Его свѣтлые глаза, за которыми чувствовался большой умъ ученаго и сильная воля авантюриста, какъ и всегда, неподвижно и равнодушно глядѣли изъ-подъ опухшихъ, усталыхъ вѣкъ.

Пріѣзду семейства Зиненокъ никто не удивился. Ихъ почему-то всѣ давно привыкли считать неотъемлемой принадлежностью заводской жизни. Дѣвицы внесли съ собой въ мрачную залу станціи, гдѣ было и холодно и скучно, свое натянутое оживленіе и ненатуральный хохотъ. Ихъ окружили утомившіеся долгимъ ожиданіемъ инженеры помоложе. Дѣвицы, тотчасъ же принявъ обычное оборонительное положеніе, стали сыпать налѣво и направо милыми, но давно всѣмъ наскучившими наивностями. Среди своихъ суетившихся дочерей Анна Аѳанасьевна, маленькая, подвижная, суетливая, казалась безпокойной насѣдкой.

Бобровъ, усталый, почти больной послѣ вчерашней вспышки, сидѣлъ одиноко въ углу станціонной залы и очень много курилъ. Когда вошло и съ громкимъ щебетаніемъ разсѣлось у круглаго стола семейство Зиненокъ, Андрей Ильичъ испыталъ одновременно два весьма смутныхъ чувства. Съ одной строны, ему стало стыдно за безтактный, какъ онъ думалъ, пріѣздъ этого семейства, стало стыдно жгучимъ, удручающимъ стыдомъ за другого. Съ другой стороны, онъ обрадовался, увидѣвъ Нину, разрумяненную быстрой ѣздой, съ возбужденными, блестящими глазами, очень мило одѣтую и, какъ всегда это бываетъ, гораздо красивѣе, чѣмъ ее рисовало ему воображеніе. Въ его больной, издерганной душѣ вдругъ зажглось нестерпимое жела-

ніе нѣжной, благоухающей, дѣвической любви, жажда привычной и успокоительной женской ласки.

Онъ искалъ случая подойти къ Нинѣ, но она все время была занята болтовней съ двумя горными студентами, которые наперерывъ старались ее разсмѣшить. И она смѣялась, сверкая мелкими бѣлыми зубами, болѣе кокетливая и веселая, чѣмъ когда-либо. Однако два или три раза она встрѣтилась глазами съ Бобровымъ, и ему почудился въ ея слегка приподнятыхъ бровяхъ молчаливый, но не враждебный вопросъ.

На платформѣ раздался продолжительный звонокъ, возвѣщавшій отходъ поѣзда съ ближайшей станціи. Между инженерами произошло смятеніе. Андрей Ильичъ наблюдалъ изъ своего угла съ насмѣшкой на губахъ, какъ одна и та же трусливая мысль мгновенно овладѣла этими двадцатью слишкомъ человѣками, какъ ихъ лица вдругъ стали серьезными и озабоченными, руки невольнымъ быстрымъ движеніемъ прошлись по пуговицамъ сюртуковъ, по галстукамъ и фуражкамъ, глаза обратились въ сторону звонка. Скоро въ залѣ никого не осталось.

Андрей Ильичъ вышелъ на платформу. Барышни, покинутыя занимавшими ихъ мужчинами, безпомощно толпились около дверей, вокругъ Анны Аѳанасьевны. Нина обернулась на пристальный, упорный взглядъ Боброва и, точно угадывая его желаніе поговорить съ нею наединѣ, пошла ему навстрѣчу.

— Здравствуйте. Что̀ вы такой блѣдный сегодня? Вы больны? — спросила она, крѣпко и нѣжно пожимая его руку и заглядывая ему въ глаза серьезно и ласково. — Почему вы вчера такъ рано уѣхали и даже не хотѣли проститься? Разсердились на что-нибудь?

— И да и нѣтъ, — отвѣтилъ Бобровъ, улыбаясь. — Нѣтъ, — потому что я не имѣю никакого права сердиться.

— Положимъ, всякій человѣкъ имѣетъ право сердиться. Особенно, если знаетъ, что его мнѣніемъ дорожатъ. А почему же да?

— Потому что... Видите ли, Нина Григорьевна, — сказалъ Бобровъ, почувствовалъ внезапный приливъ смѣлости. — Вчера, когда мы съ вами сидѣли на балконѣ, — помните? — я, благодаря вамъ, пережилъ нѣсколько чудныхъ мгновеній. И я понялъ, что вы, если бы захотѣли, то могли бы сдѣлать меня самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ... Ахъ, да что̀ же я боюсь и медлю. Вѣдь вы знаете, вы догадались, вѣдь вы давно знаете, что я...

Онъ не договорилъ... Нахлынувшая на него смѣлость вдругъ исчезла.

— Что̀ вы... что̀ такое? — переспросила Нина съ притворнымъ равнодушіемъ, однако голосомъ, внезапно, противъ ея воли, задрожавшимъ, и опуская глаза въ землю.

Она ждала признанія въ любви, которое всегда такъ сильно и пріятно волнуетъ сердца молодыхъ дѣвушекъ, все равно, отвѣчаетъ ли ихъ сердце взаимностью на это признаніе или нѣтъ. Ея щеки слегка поблѣднѣли.

— Не теперь... потомъ, когда-нибудь, — замялся Бобровъ. — Когда-нибудь, при другой обстановкѣ я вамъ это скажу... Ради Бога, не теперь, — добавилъ онъ умоляюще.

— Ну, хорошо. Все-таки, почему же вы разсердились?

— Потому что послѣ этихъ нѣсколькихъ минутъ я вошелъ въ столовую въ самомъ, — ну какъ бы это сказать, — въ самомъ растроганномъ состояніи... И когда я вошелъ...

— То васъ непріятно поразилъ разговоръ о доходахъ Квашнина? — догадалась Нина съ той внезапной, инстинктивной проницательностью, которая

иногда осѣняетъ даже самыхъ недалекихъ женщинъ. — Да? Я угадала? — Она повернулась къ нему и опять обдала его глубокимъ, ласкающимъ взоромъ. — Ну, говорите откровенно. Вы ничего не должны скрывать отъ своего друга.

Когда-то, мѣсяца три или четыре тому назадъ, во время катанья по рѣкѣ большимъ обществомъ, Нина, возбужденная и разнѣженная красотой теплой лѣтней ночи, предложила Боброву свою дружбу на вѣки вѣчные, — онъ принялъ этотъ вызовъ очень серьезно и въ продолженіе цѣлой недѣли называлъ ее своимъ другомъ, такъ же, какъ и она его. И когда она говорила ему медленно и значительно со своимъ обычнымъ томнымъ видомъ: «мой другъ», то эти два коротенькихъ слова заставляли его сердце биться крѣпко и сладко. Теперь онъ вспомнилъ эту штуку и отвѣчалъ со вздохомъ:

— Хорошо, «мой другъ», я вамъ буду говорить правду, хотя мнѣ это немного тяжело. По отношенію къ вамъ я вѣчно нахожусь въ какой-то мучительной двойственности. Бываютъ минуты въ нашихъ разговорахъ, когда вы однимъ словомъ, однимъ жестомъ, даже однимъ взглядомъ вдругъ сдѣлаете меня такимъ счастливымъ!.. Ахъ, развѣ можно передать такія ощущенія словами?.. Скажите только, замѣчали ли вы это?

— Замѣчала, — отозвалась она почти шопотомъ и низко, съ лукавой дрожью въ рѣсницахъ, опустила глаза.

— А потомъ... потомъ вдругъ, тотчасъ же, на моихъ глазахъ вы превращались въ провинціальную барышню, съ шаблоннымъ обиходомъ фразъ и съ какой-то заученной манерностью во всѣхъ поступкахъ... Не сердитесь на меня за откровенность... Если бы это не мучило меня такъ страшно, я не говорилъ бы...

— Я и это тоже замѣтила...

— Ну, вотъ видите... Я вѣдь всегда былъ увѣренъ, что у васъ отзывчивая, нѣжная и чуткая душа. Отчего же вы не хотите всегда быть такой, какъ теперь?

Она опять повернулась къ Боброву и даже сдѣлала рукой такое движенiе, какъ будто бы хотѣла прикоснуться къ его рукѣ. Они въ это время ходили взадъ и впередъ по свободному концу платформы.

— Вы не хотѣли никогда меня понять, Андрей Ильичъ, — сказала она съ упрекомъ. — Вы нервны и нетерпѣливы. Вы преувеличиваете все, чтò во мнѣ есть хорошаго, но зато не прощаете мнѣ того, что я не могу же быть иной въ той средѣ, гдѣ я живу. Это было бы смѣшно, это внесло бы въ нашу семью несогласiе. Я слишкомъ слаба и, надо правду сказать, слишкомъ ничтожна для борьбы и для самостоятельности... Я иду туда, куда идутъ всѣ, гляжу на вещи и сужу о нихъ, какъ всѣ. И вы не думайте, чтобы я не сознавала своей обыденности... Но я съ другими не чувствую ея тяжести, а съ вами... Съ вами я всякую мѣру теряю, потому что... — она запнулась: — ну, да все равно... потому что вы совсѣмъ другой, потому что такого, какъ вы, человѣка я никогда еще въ жизни не встрѣчала.

Ей казалось, что она говоритъ искренно. Бодрящая свѣжесть осенняго воздуха, вокзальная суета, сознанiе своей красоты, удовольствiе чувствовать на себѣ влюбленный взглядъ Боброва — все это наэлектризовало ее до того состоянiя, въ которомъ истеричныя натуры лгутъ такъ вдохновенно, такъ плѣнительно и такъ незамѣтно для самихъ себя. Съ наслажденiемъ любуясь собой въ новой роли дѣвицы, жаждущей духовной поддержки, она чувствовала потребность говорить Боброву прiятное.

— Я знаю, что вы меня считаете кокеткой... Пожалуйста, не оправдывайтесь... И согласна, я даю поводъ такъ думать... Напримѣръ, я смѣюсь и болтаю

часто съ Миллеромъ. Но если бы вы знали, какъ мнѣ противенъ этотъ вербный херувимъ! Или эти два студента... Красивый мужчина уже по тому одному непріятенъ, что вѣчно собой любуется... Повѣрите ли, хотя это, можетъ-быть и странно, но мнѣ всегда были особенно симпатичны некрасивые мужчины.

При этой милой фразѣ, произнесенной самымъ нѣжнымъ тономъ, Бобровъ грустно вздохнулъ. Увы! Онъ уже не разъ изъ женскихъ устъ слышалъ это жестокое утѣшеніе, въ которомъ женщины никогда не отказываютъ своимъ некрасивымъ поклонникамъ.

— Значитъ, и я могу надѣяться заслужить когда-нибудь вашу симпатію? — спросилъ онъ шутливымъ тономъ, въ которомъ однако явственно прозвучала горечь насмѣшки надъ самимъ собой.

Нина быстро спохватилась.

— Ну вотъ, какой вы, право. Съ вами нельзя разговаривать... Зачѣмъ вы напрашиваетесь на комплименты, милостивый государь? Стыдно!..

Она сама немного сконфузилась своей неловкости и, чтобы перемѣнить разговоръ, спросила съ игривой повелительностью:

— Ну-съ, что̀ же вы это собирались мнѣ сказать при другой обстановкѣ? Извольте немедленно отвѣчать!

— Я не знаю... не помню, — замялся расхоложенный Бобровъ.

— Я вамъ напомню, мой скрытный другъ. Вы начали говорить о вчерашнемъ днѣ, потомъ о какихъ-то прекрасныхъ мгновеніяхъ, потомъ сказали, что я, навѣрно, давно уже замѣтила... но что̀? Вы этого не докончили... Извольте же говорить теперь. Я требую этого, слышите!..

Она глядѣла на него глазами, въ которыхъ сіяла улыбка — лукавая, и обѣщающая, и нѣжная въ одно и то же время... Сердце Боброва сладко замерло въ

груди, и онъ почувствовалъ опять приливъ прежней отваги. «Она знаетъ, она сама хочетъ, чтобы я говорилъ», — подумалъ онъ, собираясь съ духомъ.

Они остановились на самомъ краю платформы, гдѣ совсѣмъ не было публики. Оба были взволнованы. Нина ждала отвѣта, наслаждаясь остротой затѣянной ею игры, Бобровъ искалъ словъ, тяжело дышалъ и волновался. Но въ это время послышались рѣзкіе звуки сигнальныхъ рожковъ, и на станціи поднялась суматоха.

— Такъ слышите же... Я жду, — шепнула Нина, быстро отходя отъ Боброва. — Для меня это гораздо важнѣе, чѣмъ вы думаете...

Изъ-за поворота желѣзной дороги выскочилъ окутанный чернымъ дымомъ курьерскій поѣздъ. Черезъ нѣсколько минутъ, громыхая на стрѣлкахъ, онъ плавно и быстро замедлилъ ходъ и остановился у платформы... На самомъ концѣ его былъ прицѣпленъ длинный, блестящій свѣжей синей краской служебный вагонъ, къ которому устремились всѣ встрѣчающіе. Кондуктора почтительно бросились раскрывать дверь вагона; изъ нея тотчасъ же выскочила, съ шумомъ развертываясь, складная лѣстница. Начальникъ станціи, красный отъ волненія и бѣготни, съ перепуганнымъ лицомъ торопилъ рабочихъ съ отцѣпкой служебнаго вагона. Квашнинъ былъ однимъ изъ главныхъ акціонеровъ N—ской желѣзной дороги и ѣздилъ по ея вѣтвямъ съ почетомъ, какого не всегда удостоивалось даже самое высшее желѣзнодорожное начальство.

Въ вагонъ вошли только Шелковниковъ, Андреа и двое вліятельныхъ инженеровъ-бельгійцевъ. Квашнинъ сидѣлъ въ креслѣ, разставивъ свои колоссальныя ноги и выпятивъ впередъ животъ. На немъ была круглая фетровая шляпа, изъ-подъ которой сіяли огненные волосы; бритое, какъ у актера, лицо съ обвисшими щеками

и тройнымъ подбородкомъ, испещренное крупными веснушками, казалось заспаннымъ и недовольнымъ, губы складывались въ презрительную, кислую гримасу.

При видѣ инженеровъ онъ съ усиліемъ приподнялся.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ онъ сиплымъ басомъ, протягивая имъ поочередно для почтительныхъ прикосновеній свою огромную пухлую руку. — Ну-съ, какъ у васъ на заводѣ?

Шелковниковъ началъ докладывать языкомъ служебной бумаги. На заводѣ все благополучно. Ждутъ только пріѣзда Василія Терентьевича, чтобы въ его присутствіи пустить доменную печь и сдѣлать закладку новыхъ зданій... Рабочіе и мастера наняты по хорошимъ цѣнамъ. Наплывъ заказовъ такъ великъ, что побуждаетъ какъ можно скорѣе приступить къ работамъ.

Квашнинъ слушалъ, отворотясь лицомъ къ окну, и разсѣянно разглядывалъ собравшуюся у служебнаго вагона толпу. Лицо его ничего не выражало, кромѣ брезгливаго утомленія.

Вдругъ онъ прервалъ директора неожиданнымъ вопросомъ:

— Э... па... послушайте... Кто эта дѣвочка?

Шелковниковъ заглянулъ въ окно.

— Ну, вотъ эта... съ желтымъ перомъ на шляпѣ, — нетерпѣливо показалъ пальцемъ Квашнинъ.

— Ахъ, эта? — встрепенулся директоръ и, наклонившись къ уху Квашнина, прошепталъ таинственно по-французски: — Это дочь нашего завѣдующаго складомъ. Его фамилія Зиненко.

Квашнинъ грузно кивнулъ головой. Шелковниковъ продолжалъ свой докладъ, но принципалъ опять перебилъ его:

— Зиненко... Зиненко... — протянулъ онъ задумчиво и не отрываясь отъ окна. —Зиненко... кто же такой этотъ Зиненко?.. Гдѣ я эту фамилію слышалъ?.. Зиненко...?

— Онъ у насъ завѣдуетъ складомъ, — почтительно и умышленно безстрастно повторилъ Шелковниковъ.

— Ахъ, вспомнилъ! — догадался вдругъ Василій Терентьевичъ. — Мнѣ о немъ въ Петербургѣ говорили... Ну-съ, продолжайте, пожалуйста.

Нина безошибочнымъ женскимъ чутьемъ поняла, что именно на нее смотритъ Квашнинъ и о ней говоритъ въ настоящую минуту. Она немного отвернулась, но лицо ея, разрумянившееся отъ кокетливаго удовольствія, все-таки было, со всѣми своими хорошенькими родинками, видно Василію Терентьевичу.

Наконецъ докладъ окончился, и Квашнинъ вышелъ на площадку, устроенную въ видѣ просторнаго стекляннаго павильона сзади вагона.

Это былъ моментъ, для увѣковѣченія котораго, какъ подумалъ Бобровъ, не хватало только хорошаго фотографическаго аппарата. Квашнинъ почему-то медлилъ сходить внизъ и стоялъ за стеклянной стѣной, возвышаясь своей массивной фигурой надъ тѣснящейся около вагона группой, съ широко разставленными ногами и брезгливой миной на лицѣ, похожій на японскаго идола грубой работы. Эта неподвижность патрона, очевидно, коробила встрѣчающихъ: на ихъ губахъ застыли, сморщивъ ихъ, заранѣе приготовленныя улыбки, между тѣмъ какъ глаза, устремленные вверхъ, смотрѣли на Квашнина съ подобострастіемъ, почти съ испугомъ. По сторонамъ дверцы застыли въ солдатскихъ позахъ молодцоватые кондукторы. Заглянувъ случайно въ лицо опередившей его Нины, Бобровъ съ горечью замѣтилъ и на ея лицѣ ту же улыбку и тотъ же тревожный страхъ дикаря, взирающаго на своего идола.

«Неужели же здѣсь только безкорыстное, почтительное изумленіе передъ тремястами тысячами годового дохода? — подумалъ Андрей Ильичъ. — Что̀ же заставляетъ всѣхъ этихъ людей такъ униженно вилять хвостомъ передъ человѣкомъ, который даже и не взглянетъ на нихъ никогда внимательно? Или здѣсь есть какой-нибудь недоступный пониманію психологическій законъ подобострастія?»

Постоявъ немного, Квашнинъ рѣшился двинуться и, предшествуемый своимъ животомъ, поддерживаемый бережно подъ руки поѣздной прислугой, спустился по ступенямъ на платформу.

На почтительные поклоны быстро разступившейся передъ нимъ вправо и влѣво толпы онъ небрежно кивнулъ головой, выпятивъ впередъ толстую нижнюю губу, и сказалъ гнусаво:

— Господа, вы свободны до завтрашняго дня.

Не дойдя до подъѣзда, онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ директора.

— Такъ вы, Сергѣй Валерьяновичъ, представьте мнѣ его, — сказалъ онъ вполголоса.

— Зиненку? — предупредительно догадался Шелковниковъ.

— Ну да, чортъ возьми! — внезапно раздражаясь, буркнулъ Квашнинъ. — Только не здѣсь, не здѣсь, — остановилъ онъ за рукавъ устремившагося-было директора. — Когда я буду на заводѣ...

VII.

Закладка каменныхъ работъ и открытіе кампаніи новой домны произошли черезъ четыре дня послѣ пріѣзда Квашнина. Предполагалось отпраздновать оба эти

событія съ возможно бо̀льшимъ торжествомъ, почему на сосѣдніе металлургическіе заводы: Крутогорскій, Воронинскій и Львовскій были заранѣе разосланы печатныя приглашенія.

Вслѣдъ за Василіемъ Терентьевичемъ изъ Петербурга прибыли еще два члена правленія, четверо бельгійскихъ инженеровъ и нѣсколько крупныхъ акціонеровъ. Между заводскими служащами носились слухи, будто бы правленіе ассигновало на устройство параднаго обѣда около двухъ тысячъ рублей, однако эти слухи пока ничѣмъ еще не оправдались, и вся закупка винъ и припасовъ легла тяжелой данью на подрядчиковъ.

День выдался очень удачный для торжества, — одинъ изъ тѣхъ яркихъ, прозрачныхъ дней ранней осени, когда небо кажется такимъ густымъ, синимъ и глубокимъ, а прохладный воздухъ пахнетъ тонкимъ, крѣпкимъ виномъ. Квадратныя ямы, вырытыя подъ фундаменты для новой воздуходувной машины и бессемеровой печи, были окружены въ видѣ «покоя» густой толпою рабочихъ. Въ серединѣ этой живой ограды, надъ самымъ краемъ ямы, возвышался простой, некрашеный столъ, покрытый бѣлой скатертью, на которомъ лежали крестъ и Евангеліе, рядомъ съ жестяной чашей для святой воды и кропиломъ. Священникъ, уже облаченный въ зеленую, затканую золотыми крестами ризу, стоялъ въ сторонѣ, впереди пятнадцати рабочихъ, вызвавшихся быть пѣвчими. Открытую сторону покоя занимали инженеры, подрядчики, старшіе десятники, конторщики — пестрая, оживленная группа изъ двухсотъ слишкомъ человѣкъ. На насыпи помѣстился фотографъ, который, накрывъ чернымъ платкомъ и себя и свой аппаратъ, давно уже возился, отыскивая удачную точку.

Черезъ десять минутъ Квашнинъ быстро подкатилъ къ площадкѣ на тройкѣ великолѣпныхъ сѣрыхъ лошадей. Онъ сидѣлъ въ коляскѣ одинъ, потому что, при всемъ желаніи, никто не могъ бы помѣститься рядомъ съ нимъ. Слѣдомъ за Квашнинымъ подъѣхало еще пять или шесть экипажей. Увидѣвъ Василія Терентьевича, рабочіе инстинктомъ узнали въ немъ «набольшаго» и тотчасъ же, какъ одинъ человѣкъ, поснимали шапки. Квашнинъ величественно прошелъ впередъ и кивнулъ головой священнику.

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣко-овъ, — раздался среди быстро наступившей тишины дребезжащій, кроткій и гнусавый тенорокъ священника.

— Аминь, — подхватилъ довольно стройно импровизированный хоръ.

Рабочіе — ихъ было до трехъ тысячъ человѣкъ — такъ же дружно, какъ кланялись Квашнину, перекрестились широкими крестами, склонили головы и потомъ, поднявъ ихъ, встряхнули волосами... Бобровъ сталъ невольно присматриваться къ нимъ. Впереди стояли двумя рядами степенные русаки-каменщики, всѣ до одного въ бѣлыхъ фартукахъ, почти всѣ со льняными волосами и рыжими бородами, сзади нихъ — литейщики и кузнецы въ широкихъ темныхъ блузахъ, перенятыхъ отъ французскихъ и англійскихъ рабочихъ, съ лицами, никогда неотмываемыми отъ желѣзной копоти, — между ними виднѣлись и горбоносые профили иноземныхъ увріеровъ; сзади, изъ-за литейщиковъ, выглядывали рабочіе при известковыхъ печахъ, которыхъ издали можно было узнать по лицамъ, точно обсыпаннымъ густо мукою, и по воспаленнымъ, распухшимъ, краснымъ глазамъ...

Каждый разъ, когда хоръ громко и стройно, хотя нѣсколько въ носъ, пѣлъ «Спаси отъ бѣдъ рабы твоя,

Богородице», всѣ эти три тысячи человѣкъ съ однообразнымъ тихимъ шелестомъ творили свои усердныя крестныя знаменія и клали низкіе поклоны. Что-то стихійное, могучее и въ то же время что-то дѣтское и трогательное почудилось Боброву въ этой общей молитвѣ сѣрой огромной массы. Завтра всѣ рабочіе примутся за свой тяжкій, упорный, полусуточный трудъ. Почемъ знать: кому изъ нихъ уже предначертано судьбою поплатиться на этомъ трудѣ жизнью: сорваться съ высокихъ лѣсовъ, опалиться расплавленнымъ металломъ, быть засыпаннымъ щебнемъ или кирпичомъ? И не объ этомъ ли непреложномъ рѣшеніи судьбы думаютъ они теперь, отвѣшивая низкіе поклоны и встряхивая русыми кудрями, въ то время, когда хоръ проситъ Богородицу — спасти отъ бѣдъ рабы своя... И на кого, какъ не на одну только Богородицу, надѣяться этимъ большимъ дѣтямъ, съ мужественными и простыми сердцами, этимъ смиреннымъ воинамъ, ежедневно выходящимъ изъ своихъ промозглыхъ, настуженныхъ землянокъ на привычный подвигъ терпѣнія и отваги?

Такъ, или почти такъ, думалъ Бобровъ, всегда склонный къ широкимъ, поэтическимъ картинамъ, и хотя онъ давно уже отвыкъ молиться, но каждый разъ, когда дребезжащій, далекій голосъ священника смѣнялся дружнымъ возгласомъ клира, по спинѣ и по затылку Андрея Ильича пробѣгала холодная волна нервнаго возбужденія. Было что-то сильное, покорное и самоотверженное въ наивной молитвѣ этихъ сѣрыхъ тружениковъ, собравшихся Богъ вѣсть откуда, изъ далекихъ губерній, оторванныхъ отъ родного, привычнаго угла для тяжелой и опасной работы...

Молебенъ кончился. Квашнинъ съ небрежнымъ видомъ бросилъ въ яму золотой, но нагнуться съ лопаточкой никакъ не могъ — это сдѣлалъ за него Шелков-

никовъ. Потомъ вся группа двинулась къ доменнымъ печамъ, возвышавшимся на каменныхъ фундаментахъ своими круглыми черными массивными башнями.

Пятая, вновь выстроенная домна шла, какъ говорится на техническомъ жаргонѣ, «спѣлымъ ходомъ». Изъ продѣланнаго внизу ея, на аршинной высотѣ, отверстія билъ широкимъ огненно-бѣлымъ клокочущимъ потокомъ расплавленный шлакъ, отъ котораго прыгали во всѣ стороны голубые сѣрные огоньки. Шлакъ стекалъ по наклонному жолобу въ котлы, подставленные къ отвѣсному краю фундамента, и застывалъ въ нихъ зеленоватой густой массой, похожей на леденецъ. Рабочіе, находившіеся на самой верхушкѣ печи, продолжали безъ отдыха забрасывать въ нее руду и каменный уголь, которые то и дѣло подымались наверхъ въ желѣзныхъ вагонеткахъ.

Священникъ окропилъ домну со всѣхъ сторонъ святою водой и, боязливо торопясь, спотыкающейся, старческой походкой отошелъ въ сторону. Горновой мастеръ, жилистый, чернолицый старикъ, перекрестился и поплевалъ на руки. То же сдѣлали четверо его подручныхъ. Потомъ они подняли съ земли очень длинный стальной ломъ, долго раскачивали его и, одновременно крякнувъ, ударили имъ въ самый низъ печи. Ломъ звонко стукнулся въ глиняную втулку. Зрители, въ боязливо-нервномъ ожиданіи, зажмурили глаза; нѣкоторые подались назадъ. Рабочіе ударили въ другой разъ, потомъ въ третій, въ четвертый... и вдругъ изъ-подъ острія лома брызнулъ фонтанъ нестерпимо-яркаго жидкаго металла. Тогда горновой мастеръ кругообразными движеніями лома расширилъ отверстіе, и чугунъ медленно полился по песчаной бороздкѣ, принимая оттѣнокъ огненной охры. Цѣлые снопы блестящихъ крупныхъ звѣздъ летѣли во всѣ стороны изъ отверстія печи, громко треща и исчезая въ воздухѣ. Отъ этого,

тихо, какъ будто лѣниво текущаго металла шелъ такой страшный жаръ, что непривычные гости все время отодвигались и закрывали щеки руками.

Отъ доменныхъ печей инженеры двинулись въ отдѣлъ воздуходувныхъ машинъ. Квашнинъ заранѣе распорядился такъ, чтобы пріѣхавшіе съ нимъ акціонеры увидѣли заводъ во всей его колоссальной величинѣ и сутолокѣ. Онъ совершенно вѣрно разсчиталъ, что эти господа, пораженные массою сильныхъ и совершенно новыхъ для нихъ впечатлѣній, будутъ потомъ разсказывать чудеса уполномочившему ихъ общему собранію. И, глубоко зная психологію дѣловыхъ людей, Василій Терентьевичъ уже считалъ дѣломъ рѣшеннымъ — новый и весьма выгодный лично для него выпускъ акцій, на который до сихъ поръ не соглашалось общее собраніе.

И акціонеры дѣйствительно были поражены до головной боли, до дрожи въ ногахъ... Въ помѣщеніи воздуходувныхъ машинъ они слышали, блѣдные отъ волненія, какъ воздухъ, нагнетаемый четырьмя вертикальными двухсаженными поршнями въ трубу, устремлялся по нимъ съ ревомъ, заставляющимъ трястись каменныя стѣны зданія. По этимъ чугуннымъ, массивнымъ, въ два обхвата шириною трубамъ воздухъ проходилъ сквозь каупера, нагрѣвался въ нихъ горящими газами до 600 градусовъ и оттуда уже проникалъ во внутренность доменной печи, расплавляя руду и уголь своимъ жаркимъ дуновеніемъ. Инженеръ, завѣдывающій воздуходувнымъ отдѣленіемъ, давалъ объясненія. И хотя онъ нагибался поочередно къ самымъ ушамъ акціонеровъ и кричалъ во весь голосъ, надсаживая грудь, но за страшнымъ гуломъ машинъ его словъ не было слышно, а казалось только, что онъ беззвучно и напряженно шевелитъ губами.

Потомъ Шелковниковъ повелъ гостей въ сарай пудлинговыхъ печей, — высокое желѣзное зданіе такой длины, что съ одного его конца другой конецъ казался едва замѣтнымъ просвѣтомъ. Вдоль одной изъ стѣнъ сарая тянулась каменная платформа, на которой помѣщалось двадцать пудлинговыхъ печей, формой напоминавшихъ снятые съ колесъ вагоны. Въ этихъ печахъ жидкій чугунъ смѣшивался съ рудой и перерабатывался въ сталь. Готовая сталь, стекая внизъ по трубамъ, наполняла собой высокія желѣзныя штамбы — нѣчто въ родѣ футляровъ безъ дна, но съ ручками наверху — и застывала въ нихъ сплошными кусками, пудовъ по сорока вѣсомъ. Свободная сторона сарая была занята рельсовымъ путемъ, по которому сновали, пыхтя, шипя и стуча, паровые краны, похожіе на послушныхъ и ловкихъ животныхъ, снабженныхъ гибкими хоботами. Одинъ кранъ хваталъ штамбу крючкомъ за ручку, поднималъ ее кверху, и изъ нея тяжело вываливался кусокъ стали въ видѣ длиннаго правильнаго бруска ослѣпительно-краснаго цвѣта. Но прежде, чѣмъ этотъ кусокъ успѣвалъ упасть на землю, рабочій съ необыкновенной ловкостью обматывалъ его цѣпью, въ руку толщиной. Второй кранъ, ухвативъ крючкомъ эту цѣпь, плавно несъ «штуку» въ воздухѣ и клалъ рядомъ съ другими на платформу, прикрѣпленную къ третьему крану. Третій — влекъ этотъ грузъ на другой конецъ сарая, гдѣ четвертый, снабженный вмѣсто крючка щипцами, снималъ «штуки» съ вагона и опускалъ ихъ въ раскрытые люки газовыхъ печей, устроенныхъ подъ поломъ. Наконецъ пятый кранъ вытаскивалъ ихъ изъ этихъ люковъ совершенно бѣлыми отъ жара, клалъ поочередно подъ круглое колесо съ острыми зубьями, вращавшееся чрезвычайно быстро на горизонтальной оси, и сорокапудовая стальная «штука» въ теченіе пяти секундъ разрѣзалась на двѣ половины, какъ кусокъ

мягкаго пряника. Каждая половина поступала подъ семисотпудовый прессъ парового молота, обжимавшаго ее съ такой силой и такой легкостью, точно она была изъ воска. Рабочіе подхватывали ее тотчасъ же на ручныя телѣжки и бѣгомъ тащили дальше, обдавая всѣхъ встрѣчныхъ блескомъ и жаромъ раскаленнаго желѣза.

Затѣмъ Шелковниковъ показалъ своимъ гостямъ рельсопрокатный цехъ. Огромный брусокъ раскаленнаго металла проходилъ черезъ цѣлый рядъ станковъ, катясь отъ одного къ другому по валикамъ, которые вращались подъ поломъ, виднѣясь на его поверхности только самой верхней своей частью. Брусокъ втискивался въ отверстіе, образуемое двумя стальными, вертѣвшимися въ разныя стороны цилиндрами, и пролѣзалъ между ними, заставляя ихъ раздаваться и дрожать отъ напряженія. Дальше его ждалъ станокъ съ еще меньшимъ отверстіемъ между цилиндрами. Кусокъ стали дѣлался послѣ каждаго станка все тоньше и длиннѣе и, нѣсколько разъ перебѣжавъ рельсопрокатку взадъ и впередъ, принималъ мало-по-малу форму десятисаженнаго краснаго рельса. Сложнымъ движеніемъ пятнадцати станковъ управлялъ всего одинъ человѣкъ, помѣщавшійся надъ паровой машиной, на возвышеніи въ родѣ капитанскаго мостика. Онъ двигалъ рукоятку впередъ, и всѣ цилиндры и валики начинали вертѣться въ одну сторону; двигалъ ее назадъ — и цилиндры и валики вертѣлись въ обратную сторону. Когда рельсъ окончательно вытягивался, круглая пила, оглушительно визжа и сыпля фонтаномъ золотыхъ искръ, разрѣзала его на три части.

Затѣмъ всѣ перешли въ токарный цехъ, гдѣ главнымъ образомъ отдѣлывались вагонныя и паровозныя колеса. Кожаные приводы спускались тамъ съ потолка отъ толстаго стального стержня, приходившаго черезъ

весь сарай, и приводили въ движеніе сотни двѣ или три станковъ самыхъ разныхъ величинъ и фасоновъ. Этихъ приводовъ было такъ много, и они перекрещивались во столькихъ направленіяхъ, что производили впечатлѣніе одной сплошной, запутанной и дрожащей ременной сѣти. Колеса нѣкоторыхъ станковъ вращались съ быстротой двадцати оборотовъ въ секунду, движеніе же другихъ было такъ медленно, что почти не замѣчалось глазомъ. Стальныя, желѣзныя и мѣдныя стружки, въ видѣ красивыхъ длинныхъ спиралей, густо покрывали полъ. Сверлильные станки оглашали воздухъ нестерпимымъ, тонкимъ и рѣзкимъ визжаніемъ. Тамъ же была показана гостямъ машина, работающая гайки — нѣчто въ родѣ двухъ огромныхъ стальныхъ регулярно чавкающихъ челюстей. Двое рабочихъ всовывали въ эту пасть конецъ накаленнаго длиннаго прута, и машина, равномѣрно отгрызая по куску металла, выплевывала ихъ на землю въ видѣ совершенно готовыхъ гаекъ.

Когда, выйдя изъ токарнаго цеха, Шелковниковъ предложилъ акціонерамъ (онъ все время исключительно къ нимъ обращался со своими разъясненіями) осмотрѣлъ гордость завода, девятисотсильный «Компаундъ», то петербургскіе господа уже въ достаточной степени были оглушены и разстроены всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Новыя впечатлѣнія не внушали имъ болѣе никакого интереса, а только еще сильнѣе утомляли ихъ. Лица ихъ пылали отъ жара рельсопрокатки, руки и костюмы были перепачканы угольной сажей. На предложеніе директора они согласились, повидимому, скрѣпя сердце, чтобы только не уронить достоинствка уполномочившаго ихъ собранія.

Девятисотсильный «Компаундъ» помѣщался въ отдѣльномъ зданіи, очень чистенькомъ и нарядномъ, со свѣтлыми окнами и мозаичнымъ поломъ. Несмотря на

громадность машины, она почти не издавала стука... Два поршня, въ четыре сажени каждый, мягко и быстро ходили въ цилиндрахъ, обитыхъ деревянными планками. Двадцатифутовое колесо, со скользящими по немъ двѣнадцатью канатами, вращалось также беззвучно и быстро; отъ его широкаго движенія суховатый жаркій воздухъ машиннаго отдѣленія колебался сильными, равномѣрными порывами. Эта машина приводила въ движеніе и воздуходувки, и прокатные станки, и всѣ машины токарнаго цеха.

Осмотрѣвъ «Компаундъ», акціонеры были уже совершенно убѣждены, что ихъ испытанія окончились, но неутомимый Шелковниковъ вдругъ обратился къ нимъ съ новымъ любезнымъ предложеніемъ:

— Теперь, господа, я вамъ покажу сердце всего завода, тотъ пунктъ, отъ котораго онъ получаетъ свою жизнь.

Онъ не повелъ, а почти повлекъ ихъ въ отдѣленіе паровыхъ котловъ. Однако послѣ всего видѣннаго «сердце завода» — двѣнадцать цилиндрическихъ котловъ пятисаженной длины и полутора саженъ высоты каждый — не произвело на уставшихъ акціонеровъ особенно внушительнаго впечатлѣнія. Ихъ мысли давно вращались вокругъ ожидавшаго ихъ обѣда, и они уже ничего не разспрашивали, какъ раньше, а только разсѣянно и равнодушно кивали головами на всѣ разъясненія Шелковникова. Когда директоръ кончилъ, акціонеры вздохнули съ облегченіемъ и очень искренно, съ нескрываемымъ удовольствіемъ принялись жать ему руку.

Теперь только одинъ Андрей Ильичъ остался около паровыхъ котловъ. Стоя на краю глубокой полутемной каменной ямы, въ которой помѣщались топки, онъ долго глядѣлъ внизъ на тяжелую работу шестерыхъ обнаженныхъ до пояса людей. На ихъ обязанности лежало безпрерывно, и днемъ и ночью, подбрасывать каменный

уголь въ топочныя отверстія. То и дѣло со звономъ отворялись круглыя чугунныя заслонки, и тогда видно было, какъ въ топкахъ съ гудѣніемъ и ревомъ клокотало ярко-бѣлое бурное пламя. То и дѣло голыя тѣла рабочихъ, высушенныя огнемъ, черныя отъ пропитавшей ихъ угольной пыли, нагибались внизъ, при чемъ на ихъ спинахъ рѣзко выступали всѣ мускулы и всѣ позвонки спинного хребта. То и дѣло худыя, цѣпкія руки набирали полную лопатку угля и затѣмъ быстрымъ, ловкимъ движеніемъ всовывали его въ раскрытое пылающее жерло. Двое другихъ рабочихъ, стоя наверху и также не останавливаясь ни на мгновеніе, сбрасывали внизъ все новыя и новыя кучи угля, который громадными черными валами возвышался вокругъ котельнаго отдѣленія. Что-то удручающее, нечеловѣческое чудилось Боброву въ безконечной работѣ кочегаровъ. Казалось, какая-то сверхъестественная сила приковала ихъ на всю жизнь къ этимъ разверстымъ пастямъ, и они, подъ страхомъ ужасной смерти, должны были безъ устали кормить и кормить ненасытное, прожорливое чудовище. . .

— Что̀, коллега, смотрите, какъ вашего Молоха упитываютъ? — услышалъ Бобровъ за своей спиной веселый, добродушный голосъ.

Андрей Ильичъ задрожалъ и чуть-чуть не полетѣлъ въ кочегарную яму. Его поразило, почти потрясло это неожиданное соотвѣтствіе шутливаго восклицанія доктора съ его собственными мыслями. Даже и овладѣвъ собою, онъ долго не могъ отдѣлаться отъ странности такого совпаденія. Его всегда интересовали и казались ему загадочными тѣ случаи, когда, задумавшись о какомъ-нибудь предметѣ или читая о чемъ-нибудь въ книгѣ, онъ тотчасъ же слышалъ рядомъ съ собою разговоръ о томъ же самомъ.

— Я васъ, кажется, напугалъ, дорогой мой?—спросилъ докторъ, внимательно заглянувъ въ лицо Боброва. Прошу прощенія.

— Да, немножко... вы такъ неслышно подошли... я совсѣмъ не ожидалъ.

— Охъ, батенька Андрей Ильичъ, давайте-ка полѣчимъ наши нервы. Никуда они у насъ не годятся... Послушайтесь моего совѣта: берите отпускъ, да махните куда-нибудь за границу... Ну, что̀ вамъ себя здѣсь растравлять? Поживите полгодика въ свое удовольствіе: пейте хорошее вино, ѣздите верхомъ побольше, насчетъ ламура пройдитесь...

Докторъ подошелъ къ краю кочегарки.

— Вотъ такъ преисподняя! — воскликнулъ онъ, заглянувъ внизъ. — Сколько каждый такой самоварчикъ долженъ вѣсить? Пудовъ восемьсотъ, я думаю?..

— Нѣтъ, побольше. Тысячи полторы.

— Ой, ой, ой... А ну какъ такая штучка вздумаетъ того... лопнуть? Эффектное выйдетъ зрѣлище? А?

— Очень эффектное, докторъ. Навѣрно, отъ всѣхъ этихъ зданій не останется камня на камнѣ...

Гольдбергъ покачалъ головой и многозначительно свистнулъ.

— Отчего же это можетъ случиться?

— Причины разныя бываютъ... но чаще всего это случается такимъ образомъ: когда въ котлѣ остается очень мало воды, то его стѣнки раскаляются все больше и больше, чуть не докрасна. Если въ это время пустить въ котелъ воду, то сразу получается громадное количество паровъ, стѣнки не выдерживаютъ давленія, и котелъ разрывается.

— Такъ что это можно сдѣлать нарочно?

— Сколько угодно... Не хотите ли попробовать? Когда вода совсѣмъ упадетъ въ водомѣрѣ, нужно

только повернуть вентиль... видите, маленькій круглый рычажокъ... И все тутъ.

Бобровъ шутилъ, но голосъ его былъ странно-серьезенъ, а глаза смотрѣли сурово и печально. «Чортъ его знаетъ, — подумалъ докторъ: — милый онъ человѣкъ, а все-таки... психопатъ»... — Вы что же на обѣдъ-то не пошли, Андрей Ильичъ? — спросилъ Гольдбергъ, отходя отъ кочегарки: — хоть поглядѣли бы, какой зимній садъ изъ лабораторіи устроили. А сервировка, — такъ прямо на удивленіе.

— А ну ихъ! Терпѣть не могу инженерныхъ обѣдовъ, — поморщился Бобровъ. — Хвастаются, орутъ, безобразно льстятъ другъ другу, и потомъ эти неизмѣнные пьяные тосты, во время которыхъ ораторы обливаютъ виномъ себя и сосѣдей... Отвращеніе!..

— Да, да, совершенно вѣрно, — разсмѣялся докторъ. — Я захватилъ начало. Квашнинъ — одно великолѣпіе: «Милостивые государи, призваніе инженера — высокое и отвѣтственное призваніе. Вмѣстѣ съ рельсовымъ путемъ, съ доменной печью и съ шахтой онъ несетъ въ глубь страны сѣмена просвѣщенія, цвѣты цивилизаціи и...» какіе-то еще плоды, я ужъ не помню хорошенько.. Но вѣдь каковъ оберъ-жуликъ!.. «Сплотимтесь же, господа, и будемъ высоко держать святое знамя нашего благодѣтельнаго искусства!..» Ну, конечно, бѣшеныя рукоплесканія.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча. Лицо доктора вдругъ омрачилось, и онъ заговорилъ со злобой въ голосѣ:

— Да! Благодѣтельное искусство! А вотъ рабочіе бараки изъ щепокъ выстроены. Больныхъ не оберешься... дѣти, какъ мухи, мрутъ. Вотъ тебѣ и сѣмена просвѣщенія! То-то они запоютъ, когда брюшной тифъ разгуляется въ Иванковѣ.

— Да что̀ вы, докторъ? Развѣ уже есть больные? Это совсѣмъ ужасно было бы при такой тѣснотѣ.

Докторъ остановился, тяжело переводя духъ.

— Да какъ же не быть? сказалъ онъ съ горечью. — Вчера двухъ человѣкъ привезли. Одинъ сегодня утромъ скончался, а другой, если еще не умеръ, то вечеромъ умретъ непремѣнно... А у насъ ни медикаментовъ, ни помѣщенія, ни фельдшеровъ опытныхъ... Подождите, доиграются они!.. — прибавилъ Гольдбергъ сердито и погрозилъ кому-то въ пространство кулакомъ.

VIII.

Злые языки начали звонить. Про Квашнина еще до его пріѣзда ходило на заводѣ такъ много пикантныхъ анекдотовъ, что теперь никто не сомнѣвался въ настоящей причинѣ его внезапнаго сближенія съ семействомъ Зиненокъ. Дамы говорили объ этомъ съ двусмысленными улыбками, мужчины въ своемъ кругу называли вещи съ циничной откровенностью ихъ именами. Однако навѣрняка никто ничего не зналъ. Всѣ съ удовольствіемъ ждали соблазнительнаго скандала.

Въ сплетнѣ была доля правды. Сдѣлавъ визитъ семейству Зиненокъ, Квашнинъ сталъ ежедневно проводить у нихъ вечера. По утрамъ, около 11-ти часовъ, въ Шепетовскую экономію пріѣзжала его прекрасная тройка сѣрыхъ, и кучеръ неизмѣнно докладывалъ, что «баринъ проситъ барыню и барышень пожаловать къ нимъ на завтракъ». Къ этимъ завтракамъ посторонніе

не приглашались. Кушанье готовилъ поваръ-французъ, котораго Василій Терентьевичъ всюду возилъ за собою въ своихъ частныхъ разъѣздахъ, даже и за границу.

Вниманіе Квашнина къ его новымъ знакомымъ выражалось очень своеобразно. Относительно всѣхъ пятерыхъ дѣвицъ онъ сразу сталъ на безцеремонную ногу холостого и веселаго дядюшки. Черезъ три дня онъ уже называлъ ихъ уменьшительными именами съ прибавленіемъ отчества — Шура Григорьевна, Ниночка, Григорьевна, а самую младшую, Касю, часто бралъ за пухлый, съ ямочкой, подбородокъ и дразнилъ «младенцемъ» и «цыпленочкомъ», отчего она краснѣла до слезъ, но не сопротивлялась.

Анна Аѳанасьевна съ игривой ворчливостью пеняла ему, что онъ совсѣмъ избалуетъ ея дѣвочекъ! Дѣйствительно, стоило только одной изъ нихъ выразить какое-нибудь мимолетное желаніе, какъ оно тотчасъ же исполнялось. Едва Мака заикнулась, безъ всякаго, впрочемъ, задняго умысла, что ей хотѣлось бы выучиться ѣздить на велосипедѣ, какъ на другой же день нарочный привезъ изъ Харькова прекрасную машину, стоившую по меньшей мѣрѣ рублей триста... Бетѣ онъ проигралъ, держа съ нею пари по поводу какихъ-то пустяковъ, пудъ конфетъ, а Касѣ — брошку, въ которой послѣдовательно чередовались камни — кораллъ, аметистъ, сапфиръ и яшма, — обозначавшіе составныя буквы ея имени. Онъ услышалъ однажды, что Нина любитъ верховую ѣзду и лошадей. Черезъ два дня ей привели кровную англійскую кобылу, въ совершенствѣ выѣзженную подъ дамское сѣдло. Барышни были очарованы. Въ ихъ домѣ поселился добрый сказочный духъ, угадывавшій и тотчасъ же исполнявшій ихъ малѣйшіе капризы. Анна Аѳанасьевна смутно чувствовала въ этой щедрости что-то неприличное для хорошей семьи, но у нея не хватало ни смѣлости, ни такта, чтобы дать незамѣтно

понять это Квашнину. На ея льстивые выговоры онъ только махалъ рукой и отвѣчалъ своимъ грубоватымъ, рѣшительнымъ басомъ:

— Ну вотъ еще, дорогая моя... пустяки какіе выдумали...

Однако ни одну изъ ея дочерей онъ не предпочиталъ явно, всѣмъ имъ одинаково угождая и надъ всѣми безцеремонно подтрунивая. Молодые люди, посѣщавшіе раньше домъ Зиненокъ, предупредительно и безслѣдно исчезли. Зато постояннымъ гостемъ сдѣлался Свѣжевскій, бывшій у нихъ до того всего-на-всего раза два или три. Его никто не звалъ; онъ явился самъ, точно по чьему-то таинственному приглашенію, и сразу сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ для всѣхъ членовъ семьи.

Впрочемъ, появленію его у Зиненокъ предшествовалъ маленькій анекдотъ. Какъ-то, мѣсяцевъ пять тому назадъ, Свѣжевскій проговорился въ кругу своихъ сослуживцевъ, что мечта его жизни — сдѣлаться со временемъ милліонеромъ, и что онъ къ сорока годамъ непремѣнно будетъ имъ.

— Какъ же вы этого добьетесь, Станиславъ Ксаверьевичъ? — спросили его.

Свѣжевскій захихикалъ и, загадочно потирая свои мокрыя руки, отвѣтилъ:

— Всѣ дороги ведутъ въ Римъ.

Чутье ему подсказывало, что теперь въ Шепетовской экономіи обстоятельства складываются весьма удобно для его будущей карьеры. Такъ или иначе, онъ могъ пригодиться всемогущему патрону. И Свѣжевскій, ставя все на карту, смѣло лѣзъ Квашнину на глаза со своимъ угодливымъ хихиканьемъ. Онъ заигрывалъ съ нимъ, какъ веселый дворовый щенокъ со свирѣпымъ меделянскимъ псомъ, выражая и лицомъ и голосомъ ежеминутную готовность учинить какую угодно пакость по одному только мановенію Василія Терентьевича.

Патронъ не препятствовалъ. Тотъ самый Квашнинъ, который прогонялъ со службы безъ объясненія причинъ директоровъ и управляющихъ заводами, — этотъ самый Квашнинъ молча терпѣлъ въ своемъ присутствіи какого-то Свѣжевскаго... Тутъ пахло важной услугой, а будущій милліонеръ напряженно ждалъ своего момента.

Все это, передаваясь изъ устъ въ уста, стало извѣстно и Боброву. Онъ не удивился: на семейство Зиненокъ у него сложился свой твердый и точный взглядъ. Его взволновало лишь то, что сплетня не преминетъ задѣть грязнымъ хвостомъ и Нину... Послѣ разговора на вокзалѣ эта дѣвушка стала ему еще милѣе и дороже. Ему одному она довѣрчиво открыла свою душу, прекрасную даже въ колебаніяхъ и въ слабостяхъ. Всѣ другіе знали — думалось ему — только ея костюмъ и наружность. Ревность же съ ея циничными сомнѣніями, вѣчно раздраженнымъ самолюбіемъ, съ ея мелочностью и грубостью, была чужда довѣрчивой и нѣжной натурѣ Боброва.

Хорошая, искренняя женская любовь ни разу еще не улыбнулась Андрею Ильичу. Онъ былъ слишкомъ застѣнчивъ и неувѣренъ въ себѣ, чтобы брать отъ жизни то, что̀ ему, можетъ-быть, принадлежало по праву. Неудивительно, что теперь его душа радостно устремилась навстрѣчу новому, сильному чувству.

Всѣ эти дни Бобровъ находился подъ обаяніемъ разговора на вокзалѣ. Сотни разъ онъ вспоминалъ его въ мельчайшихъ подробностяхъ и съ каждымъ разомъ прозрѣвалъ въ словахъ Нины болѣе глубокое значеніе. По утрамъ онъ просыпался со смутнымъ сознаніемъ чего-то большого и свѣтлаго, что̀ посѣтило его душу и обѣщаетъ ему въ будущемъ много блаженства.

Его неудержимо тянуло къ Зиненкамъ: хотѣлось еще разъ убѣдиться въ своемъ счастьѣ, еще разъ слышать отъ Нины то робкія, то наивно-смѣлыя полупри-

знанія. Но его стѣсняло присутствіе Квашнина, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что патронъ ни въ какомъ случаѣ не могъ пробыть въ Иванковѣ болѣе двухъ недѣль.

Однако случай помогъ ему увидѣться съ Ниной до отъѣзда Квашнина. Это произошло въ воскресенье, черезъ три дня послѣ торжественнаго открытія кампаніи доменной печи. Бобровъ ѣхалъ верхомъ на Фарватерѣ по широкой, хорошо набитой дорогѣ, ведущей съ завода на станцію. Было часа два прохладнаго, безоблачнаго дня. Фарватеръ шелъ бойкой ходой, прядая ушами и мотая косматой головой. На поворотѣ около склада Бобровъ замѣтилъ даму въ амазонкѣ, спускавшуюся съ горы на крупной гнѣдой лошади, и слѣдомъ за нею — всадника на маленькомъ бѣломъ киргизѣ. Скоро онъ убѣдился, что это была Нина въ темно-зеленой длинной развѣвающейся юбкѣ, въ желтыхъ перчаткахъ съ крагами, съ низенькимъ блестящимъ цилиндромъ на головѣ. Она увѣренно и красиво сидѣла въ сѣдлѣ. Стройная англійская кобыла шла подъ нею эластической, широкой рысью, круто собравъ шею и высоко подымая тонкія, сухія ноги. Сопровождавшій Нину Свѣжевскій далеко отсталъ и старался, болтая локтями, трясясь и горбясь, поймать носкомъ потерянное стремя.

Замѣтивъ Боброва, Нина пустила лошадь галопомъ. Встрѣчный вѣтеръ заставлялъ ее придерживать правой рукой передъ шляпы и наклонять внизъ голову. Поровнявшись съ Андреемъ Ильичомъ, она сразу осадила лошадь, и та остановилась, нетерпѣливо переступая ногами, раздувая широкія, породистыя ноздри и звучно перебирая зубами удила, съ которыхъ комьями падала пѣна. Отъ ѣзды у Нины раскраснѣлось лицо, и волосы, выбившіеся на вискахъ изъ-подъ шляпы, откинулись назадъ длинными, тонкими завитками.

— Откуда у васъ такая прелесть? — спросилъ Бобровъ, когда ему наконецъ удалось осадить танцовавшаго Фарватера и, перегнувшись на сѣдлѣ, пожать кончики пальцевъ Нины.

— А, правда, красавица? Это — подарокъ Квашнина.

— Я бы отказался отъ такого подарка, — грубо сказалъ Андрей Ильичъ, внезапно разсерженный безпечнымъ отвѣтомъ Нины.

Нина вспыхнула.

— На какомъ основанiи?

— Да на томъ, что... кто же для васъ, въ самомъ дѣлѣ, Квашнинъ?.. Родственникъ?.. Женихъ?..

— Ахъ, Боже мой, какъ вы щепетильны за другихъ! — воскликнула Нина язвительно.

Но, увидѣвъ его страдающее лицо, она тотчасъ же смягчилась.

— Вѣдь ему это ничего не стòитъ... Онъ такъ богатъ...

Свѣжевскiй былъ уже въ десяти шагахъ. Нина вдругъ нагнулась къ Боброву, ласково дотронулась концомъ хлыста до его руки и сказала вполголоса, тономъ маленькой дѣвочки, сознающейся въ своей винѣ:

— Ну, будетъ... будетъ, не сердитесь... Я ему возвращу лошадь назадъ, злючка вы этакiй!.. Видите, чтò значитъ для меня ваше мнѣнiе.

Глаза Андрея Ильича засiяли счастьемъ, и руки невольно протянулись къ Нинѣ. Но онъ ничего не сказалъ, а только глубоко, всей грудью, вздохнулъ. Свѣжевскiй подъѣзжалъ къ нему, раскланиваясь и стараясь принять небрежную посадку.

— Вы, конечно, знаете о нашемъ пикникѣ? — крикнулъ еще издали Свѣжевскiй.

— Въ первый разъ слышу, — отвѣтилъ Андрей Ильичъ.

— Пикникъ по иниціативѣ Василія Терентьевича? Въ Бѣшеной балкѣ?..

— Не слыхалъ.

— Да, да. Пожалуйста, пріѣзжайте же, Андрей Ильичъ, — вмѣшалась Нина. — Въ среду, въ пять часовъ вечера... сборный пунктъ — станція...

— Пикникъ по подпискѣ?

— Кажется. Навѣрно не знаю.

Нина вопросительно и растерянно взглянула на Свѣжевскаго.

— По подпискѣ, — подтвердилъ Свѣжевскій. — Василій Тереньтевичъ поручилъ мнѣ исполнить нѣкоторыя его распоряженія. И я вамъ скажу, пикникъ будетъ колоссальный. Нѣчто сверхъ-шикарное... Только все это покамѣсть секретъ. Вы будете поражены неожиданностью...

Нина не утерпѣла и прибавила кокетливо:

— Все это вѣдь изъ-за меня вышло. Третьягодня я говорила, что хорошо бы компаніей куда-нибудь въ лѣсъ проѣхаться, а Василій Терентьевичъ...

— Я не пойду, — сказалъ Боборовъ рѣзко.

— Нѣтъ, поѣдете! — сверкнула глазами Нина. — Господа, маршъ, маршъ! — крикнула она, подымая лошадь съ мѣста галопомъ. — Андрей Ильичъ! Слушайте, что̀ я вамъ скажу.

Свѣжевскій остался сзади. Нина и Бобровъ скакали рядомъ, она — улыбаясь и заглядывая ему въ глаза, онъ — хмурый и недовольный.

— Вѣдь это я для васъ выдумала пикникъ, мой нехорошій, подозрительный другъ, — сказала она съ глубокой нѣжностью въ голосѣ. — Я хочу непремѣнно узнать то, что̀ вы не договорили тогда, на вокзалѣ... Намъ никто не помѣшаетъ на пикникѣ.

И опять мгновенная перемѣна произошла въ душѣ Боброва. Чувствуя у себя на глазахъ слезы умиленія, онъ воскликнулъ страстно:

— О, Нина! Какъ я люблю васъ!

Но Нина какъ будто бы не слыхала этого внезапнаго признанія. Она потянула поводья, заставила лошадь перейти въ шагъ и спросила:

— Такъ будете? Да?

— Непремѣнно. Непремѣнно буду!

— Смотрите же... А теперь подождемъ моего кавалера и — до свиданья. Я тороплюсь домой...

Прощаясь съ ней, онъ чувствовалъ черезъ перчатку теплоту ея руки, отвѣтившей ему долгимъ и крѣпкимъ пожатіемъ. Темные глаза Нины смотрѣли влюбленно.

IX.

Въ среду, уже съ четырехъ часовъ, станція была биткомъ-набита участниками пикника. Всѣ чувствовали себя весело и непринужденно. Пріѣздъ Василія Терентьевича на этотъ разъ окончился такъ благополучно, какъ никто даже не смѣлъ ожидать. Ни громовъ, ни молній не послѣдовало, никого не попросили оставить службу, и даже, наоборотъ, носились слухи о прибавкѣ въ недалекомъ будущемъ жалованья большинству служащихъ. Кромѣ того, пикникъ обѣщалъ выйти очень занимательнымъ. До Бѣшеной балки, куда условились отправиться, считалось, если ѣхать на лошадяхъ, не болѣе десяти верстъ очень красивой дороги... Ясная и теплая погода, прочно установившаяся въ теченіе послѣдней недѣли, никакъ не могла помѣшать поѣздкѣ.

Приглашенныхъ было до девяноста человѣкъ; они толпились оживленными группами на платформѣ, со смѣхомъ и громкими восклицаніями. Русская рѣчь перемѣшивалась съ французскими, нѣмецкими и польскими фразами. Трое бельгійцевъ захватили съ собой фотографическіе аппараты, разсчитывая дѣлать при свѣтѣ магнія моментальные снимки... Всѣхъ интересовала полнѣйшая неизвѣстность относительно подробностей пикника. Свѣжевскій, съ таинственнымъ и важнымъ видомъ, намекалъ о какихъ-то «сюрпризахъ», но отъ объясненій всячески уклонялся.

Первымъ сюрпризомъ оказался экстренный поѣздъ. Ровно въ пять часовъ изъ паровознаго депо вышелъ новый американскій десятиколесный паровозъ. Дамы не могли удержаться отъ криковъ удивленія и восторга: вся громадная машина была украшена флагами и живыми цвѣтами. Зеленыя гирлянды дубовыхъ листьевъ, перемѣшанныя съ букетами астръ, георгинъ, левкоевъ и гвоздики, обвивали спиралью ея стальной корпусъ, вились вверхъ по трубѣ, свѣшивались оттуда внизъ, къ свистку, и вновь подымались вверхъ, покрывая цвѣтущей стѣной будку машиниста. Изъ-подъ зелени и цвѣтовъ стальныя и мѣдныя части машины эффектно сверкали въ золотыхъ лучахъ осенняго заходящаго солнца. Шесть вагоновъ перваго класса, вытянувшіеся вдоль платформы, должны были отвезти участниковъ пикника на 303-ю версту, откуда до Бѣшеной балки оставалось пройти не болѣе пятисотъ шаговъ.

— Господа, Василій Терентьевичъ просилъ меня сообщить вамъ, что онъ беретъ всѣ расходы по пикнику на себя, — говорилъ Свѣжевскій, торопливо переходя отъ одной группы къ другой. — Господа, Василій Терентьевичъ просилъ меня передать всѣмъ приглашеннымъ...

Около него составилась большая кучка, онъ объяснилъ въ чемъ дѣло:

— Василій Терентьевичъ остался чрезвычайно доволенъ тѣмъ пріемомъ, который ему сдѣлало общество, и ему очень пріятно отплатить любезностью за любезность. Онъ беретъ всѣ расходы на себя...

И, не утерпѣвъ, движимый тѣмъ чувствомъ, которое заставляетъ лакея хвастать щедростью своего барина, онъ добавилъ вѣско:

— Мы истратили на этотъ пикникъ 3.590 рублей!

— Пополамъ съ господиномъ Квашнинымъ? — послышался сзади насмѣшливый голосъ. Свѣжевскій быстро обернулся и убѣдился, что этотъ ядовитый вопросъ задалъ Андреа, глядѣвшій на него со своимъ обычнымъ невозмутимымъ видомъ, заложивъ руки глубоко въ карманы брюкъ.

— Что̀ вы изволили сказать? — переспросилъ Свѣжевскій, густо краснѣя.

— Нѣтъ, это вы изволили сказать: «мы истратили три тысячи», и я имѣю полное основаніе думать, что вы подразумѣваете себя и г. Квашнина подъ этимъ «мы»... въ такомъ случаѣ я считаю пріятнымъ долгомъ заявить вамъ, что, если я принимаю эту любезность отъ г. Квашнина, то вѣдь отъ г. Свѣжевскаго я ея могу и не принять...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Вы не такъ меня поняли, — залепеталъ переконфуженный Свѣжевскій. — Это все Василій Терентьевичъ. Я просто только... какъ довѣренное лицо... Ну, въ родѣ какъ приказчикъ, что ли, — добавилъ онъ съ кислой усмѣшкой.

Почти одновременно съ подачей экстреннаго поѣзда пріѣхали Зиненки, въ сопровожденіи Квашнина и Шелковникова. Но не успѣлъ еще Василій Терентьевичъ вылѣзть изъ коляски, какъ случилось никѣмъ непредвидѣнное происшествіе траги-комическаго свойства. Еще

съ утра жены, сестры и матери заводскихъ рабочихъ, прослышавъ о предстоящемъ пикникѣ, стали собираться на вокзалѣ; многія принесли съ собою и грудныхъ ребятъ. Съ выраженіемъ деревяннаго терпѣнія на загорѣлыхъ, изнуренныхъ лицахъ, сидѣли онѣ уже много часовъ на ступеняхъ вокзальнаго крыльца и на землѣ, вдоль стѣнъ, бросавшихъ длинныя тѣни. Ихъ было болѣе двухсотъ. На разспросы станціоннаго начальства онѣ отвѣчали, что имъ нужно «рыжаго и толстаго начальника». Сторожъ пробовалъ ихъ устранить, но онѣ подняли такой оглушительный гвалтъ, что онъ только махнулъ рукой и оставилъ бабъ въ покоѣ.

Каждый подъѣзжавшій экипажъ вызывалъ между ними минутный переполохъ, но такъ какъ «рыжаго и толстаго начальника», до сихъ поръ еще не было, то онѣ тотчасъ же успокаивались.

Едва только Василій Терентьевичъ, схватившись руками за козлы, кряхтя и накренивъ всю коляску, ступилъ на подножку, какъ бабы быстро окружили его со всѣхъ сторонъ и повалились на колѣни. Испуганныя шумомъ толпы, молодыя, горячія лошади захрапѣли и стали метаться; кучеръ, натянувъ вожжи и совсѣмъ перевалившись назадъ, едва сдерживалъ ихъ на мѣстѣ. Сначала Квашнинъ ничего не могъ разобрать: бабы кричали всѣ сразу и протягивали къ нему грудныхъ младенцевъ. По бронзовымъ лицамъ вдругъ потекли обильныя слезы...

Квашнинъ увидѣлъ, что ему не вырваться изъ этого живого кольца, обступившаго его со всѣхъ сторонъ.

— Стой, бабы! Не галдѣть! — крикнулъ онъ, покрывая сразу своимъ басомъ ихъ голоса. — Орете всѣ, какъ на базарѣ. Ничего не слышу. Говори кто-нибудь одна: въ чемъ дѣло?

Но каждой хотѣлось говорить одной. Крики еще больше усилились, и слезы еще обильнѣе потекли по лицамъ.

— Кормилецъ... родной... разсмотри ты насъ... Никакъ не можно терпѣть... Отошшали!.. Помираемъ... съ ребятами помираемъ... Отъ холода, можно сказать, прямо дохнемъ!..

— Что̀ же вамъ нужно? Отъ чего вы помираете? — крикнулъ опять Квашнинъ. — Да не орите всѣ разомъ! Вотъ ты, молодка, разсказывай, — ткнулъ онъ пальцемъ въ рослую и, несмотря на блѣдность усталаго лица, красивую калужскую бабу. — Остальныя молчи!

Большинство замолкло, только продолжало всхлипывать и слегка подвывать, утирая глаза и носы грязными подолами...

Все-таки за разъ говорило не менѣе двадцати бабъ.

— Помираемъ отъ холоду, кормилецъ... Ужъ ты сдѣлай милость, обдумай насъ какъ-нибудь... Никакой намъ возможности нѣту больше... Загнали насъ на зиму въ бараки, а въ нихъ нешто можно жить-то? Одна только слава, что бараки, а то какъ есть изъ лучины выстроены... И теперь-то по ночамъ невтерпежъ отъ холоду... зубъ на зубъ не попадаетъ... А зимой что̀ будемъ дѣлать? Ты хоть нашихъ робятокъ-то пожалѣй, пособи, голубчикъ, хоть печи-то прикажи поставить... Пишшу варить негдѣ... На дворѣ пишшуваримъ... Мужики наши цѣльный день на работѣ... Иззябши... намокши... Придутъ домой — обсушиться негдѣ.

Квашнинъ попалъ въ засаду. Въ какую сторону онъ ни оборачивался, вездѣ ему путь преграждали валявшіяся на землѣ и стоявшія на колѣняхъ бабы. Когда онъ пробовалъ протиснуться между ними, онѣ ловили его за ноги и за полы длиннаго сѣраго пальто. Видя свое безсиліе, Квашнинъ движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ Шелковникова, и, когда тотъ пробрался сквозь

тѣсную толпу бабъ, Василій Терентьевичъ спросилъ его по-французски, съ гнѣвнымъ выраженіемъ въ голосѣ:

— Вы слышали? Что̀ все это значитъ?

Шелковниковъ безпомощно развелъ руками и забормоталъ:

— Я писалъ въ правленіе, докладывалъ... Очень ограниченное число рабочихъ рукъ... лѣтнее время... косовица... высокія цѣны... правленіе не разрѣшило... ничего не подѣлаешь...

— Когда же вы начнете перестраивать рабочіе бараки? — строго спросилъ Квашнинъ.

— Положительно неизвѣстно... Пусть потерпятъ какъ-нибудь... Намъ раньше надо торопиться съ помѣщеніями для служащихъ.

— Чортъ знаетъ, что̀ за безобразія творятся подъ вашимъ руководствомъ, — проворчалъ Квашнинъ. И, обернувшись опять къ бабамъ, онъ сказалъ громко:

— Слушай, бабы! Съ завтрашняго дня вамъ будутъ строить печи и покроютъ ваши бараки тесомъ. Слышали?

— Слышали, родной... Спасибо тебѣ... Какъ не слышать, — раздались обрадованные голоса. — Такъ-то лучше, небось, когда самъ начальникъ приказалъ... спасибо тебѣ... ты ужъ намъ, соколикъ, позволь и щепки собирать съ постройки.

— Хорошо, хорошо, и щепки позволяю собирать.

— А то поставили вездѣ черкесовъ *), чуть придешь за щепками, а онъ такъ сейчасъ нагайкой и норовитъ полоснуть...

---

*) Въ южномъ краѣ на заводахъ и въ экономіяхъ сторожами охотнѣе всего нанимаютъ черкесовъ, отличающихся вѣрностью и внушающихъ страхъ населенію.

— Ладно, ладно... Приходите смѣло за щепками, никто васъ не тронетъ, — успокаивалъ ихъ Квашнинъ. — А теперь, бабье, маршъ по домамъ, щи варить! Да смотрите у меня, живо! — крикнулъ онъ подбодряющимъ, молодцоватымъ голосомъ. — Вы распорядитесь, — сказалъ онъ вполголоса Шелковникову: чтобы завтра сложили около бараковъ воза два кирпича... Это ихъ надолго утѣшитъ. Пусть любуются.

Бабы расходились совсѣмъ осчастливленныя.

— Ты смотри, коли намъ печей не поставятъ, такъ мы анжинеровъ позовемъ, чтобы насъ грѣть приходили, — крикнула та самая калужская баба, которой Квашнинъ приказалъ говорить за всѣхъ.

— А то какъ же, — отозвалась бойко другая: — пусть насъ тогда самъ генералъ грѣетъ. Ишь, какой толстой да гладкой... Съ нимъ теплѣй будетъ, чѣмъ на печкѣ.

Этотъ неожиданный эпизодъ, окончившійся такъ благополучно, сразу развеселилъ всѣхъ. Даже Квашнинъ, хмурившійся сначала на директора, разсмѣялся послѣ приглашенія бабъ отогрѣвать ихъ и примирительно взялъ Шелковникова подъ локоть.

— Видите ли, дорогой мой, — говорилъ онъ директору, тяжело подымаясь вмѣстѣ съ нимъ на ступеньки станціи: — нужно умѣть объясниться съ этимъ народомъ. Вы можете обѣщать имъ все, что̀ угодно — алюминіевыя жилища, восьмичасовой рабочій день и бифштексы на завтракъ, — но дѣлайте это очень увѣренно. Клянусь вамъ: я въ четверть часа потушу одними обѣщаніями самую бурную народную сцену...

Вспоминая подробности только-что потушеннаго бабьяго бунта и громко смѣясь, Квашнинъ сѣлъ въ вагонъ. Черезъ три минуты поѣздъ вышелъ со станціи.

Кучерамъ было приказано ѣхать прямо на Бѣшеную балку, потому что назадъ предполагалось возвратиться на лошадяхъ, съ факелами.

Поведеніе Нины смутило Андрея Ильича. Онъ ждалъ на станціи ея пріѣзда съ нетерпѣливымъ волненіемъ, начавшимся еще вчера вечеромъ. Прежнія сомнѣнія исчезли изъ его души; онъ вѣрилъ въ свое близкое счастье, и никогда еще міръ не казался ему такимъ прекраснымъ, люди такими добрыми, а жизнь такой легкой и радостной. Думая о свиданіи съ Ниной, онъ старался заранѣе его себѣ представить, невольно готовилъ нѣжныя, страстныя и краснорѣчивыя фразы и потомъ самъ смѣялся надъ собою... Для чего сочинять слова любви? Когда будетъ нужно, они придутъ сами и будутъ еще красивѣе, еще теплѣе. И Боброву вспоминались читанные имъ въ какомъ-то журналѣ стихи, въ которыхъ поэтъ говоритъ своей милой, что они не будутъ клясться другъ другу, потому что клятвы оскорбили бы ихъ довѣрчивую и горячую любовь.

Боборовъ видѣлъ, какъ подъѣхали, слѣдомъ за тройкой Квашнина, двѣ коляски Зиненокъ. Нина сидѣла въ первой. Въ легкомъ платьѣ палеваго цвѣта, изящно отдѣланномъ у полукруглаго вырѣза корсажа широкими блѣдными кружевами того же тона, въ широкой бѣлой итальянской шляпѣ, украшенной букетомъ чайныхъ розъ, она показалась ему блѣднѣе и серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно. Она издали замѣтила Боброва, стоявшаго на крыльцѣ, но не послала ему, какъ онъ ожидалъ, долгаго, многозначительнаго взгляда. Наоборотъ, ему даже показалось, будто она нарочно отвернулась отъ него. Когда же Андрей Ильичъ подбѣжалъ къ ея коляскѣ, чтобы помочь ей изъ нея выйти, Нина, точно предупреждая его, быстро и легко выскочила изъ экипажа на другую сторону. Нехорошее, зловѣщее чувство кольнуло сердце Андрея Ильича, но онъ тотчасъ же

поспѣшилъ себя успокоить. «Бѣдная, она стыдится своего рѣшенія и своей любви. Ей кажется, что теперь всякій можетъ свободно читать въ ея глазахъ самыя сокровенныя мысли... О, святая, прелестная наивность!»

Андрей Ильичъ былъ увѣренъ, что Нина, какъ и въ прошлый разъ на вокзалѣ, сама найдетъ случай подойти къ нему, чтобы съ глазу на глазъ перекинуться нѣсколькими фразами. Однако она, повидимому, вся поглощенная объясненіемъ Квашнина съ бабами, не торопилась этого сдѣлать... Она ни разу, даже украдкой, не обернулась назадъ, чтобы увидѣть Боброва. Сердце Андрея Ильича забилось вдругъ тревожно и тоскливо. Онъ рѣшилъ подойти къ семейству Зиненокъ, державшемуся тѣсной кучкой — остальныя дамы ихъ, видимо, избѣгали, — и подъ шумъ, привлекавшій общее вниманіе, спросилъ Нину, если не словами, то хоть взглядомъ, о причинѣ ея невниманія.

Кланяясь Аннѣ Аѳанасьевнѣ и цѣлуя ея руку, онъ заглядывалъ ей въ лицо и старался прочесть въ немъ, знаетъ ли она что-нибудь. Да, она несомнѣнно знала: ея надломленныя угломъ тонкія брови — признакъ лживаго характера, какъ думалъ нерѣдко Бобровъ — недовольно сдвинулись, а губы приняли надменное выраженіе. Должно-быть, Нина разсказала все матери и получила отъ нея выговоръ, — догадался Бобровъ и подошелъ къ Нинѣ.

Но Нина даже не взглянула на него. Ея рука неподвижно и холодно лежала въ его дрожащей рукѣ, когда они здоровались. Вмѣсто отвѣта на привѣтствіе Андрея Ильича она тотчасъ же повернула голову къ Бетѣ и обмѣнялась съ нею какими-то пустыми замѣчаніями... Въ этомъ поспѣшномъ маневрѣ Боброву почудилось что-то виноватое, что-то трусливое, отступающее предъ прямымъ отвѣтомъ... Онъ почувствовалъ, что у него сразу ослабѣли ноги, а во рту стало хо-

лодно... Онъ не зналъ, чтò подумать. Если бы Нина даже и проболталась матери, развѣ не могла она однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ, говорящихъ взглядовъ, которыми всегда инстинктивно располагаютъ женщины, сказать ему: «Да, ты угадалъ, нашъ разговоръ извѣстенъ... но я все та же, милый, я все та же, не тревожься». Однако она предпочла отвернуться. «Все равно, я во чтò бы то ни стало на пикникѣ дождусь ея отвѣта, — подумалъ Бобровъ, въ смутной тоскѣ предчувствуя что-то тяжелое и грязное. — Такъ или иначе, она должна будетъ отвѣтить».

X.

На 303 верстѣ общество вышло изъ вагоновъ и длинной пестрой вереницей потянулось мимо сторожевой будки, по узкой дорожкѣ, спускающейся въ Бѣшеную балку... Еще издали на разгоряченныя лица пахнуло свѣжестью и запахомъ осенняго лѣса... Дорожка, становясь все круче, исчезала въ густыхъ кустахъ орѣшника и дикой жимолости, которые сплелись надъ ней сплошнымъ темнымъ сводомъ. Подъ ногами уже шелестѣли желтые, сухіе, скоробившіеся листья. Вдали сквозь густую сѣть чащи алѣла вечерняя заря.

Кусты окончились. Передъ глазами гостей неожиданно открылась окруженная лѣсомъ широкая площадка, утрамбованная и усыпанная мелкимъ пескомъ. На одномъ ея концѣ стоялъ восьмигранный павильонъ, весь разукрашенный флагами и зеленью, на другомъ — крытая эстрада для музыкантовъ. Едва только первыя пары показались изъ чащи, какъ военный оркестръ грянулъ

съ эстрады веселый маршъ. Рѣзвые, красивые мѣдные звуки игриво понеслись по лѣсу, звонко отражаясь отъ деревьевъ и сливаясь гдѣ-то далеко въ другой оркестръ, который, казалось, то перегонялъ первый, то отставалъ отъ него. Въ восьмигранномъ павильонѣ вокругъ столовъ, разставленныхъ покоемъ и уже покрытыхъ новыми бѣлыми скатертями, суетилась прислуга, гремя посудой...

Какъ только музыканты кончили маршъ, всѣ приглашенные на пикникъ разразились дружными аплодисментами. Они были, въ самомъ дѣлѣ, изумлены, потому что не далѣе, какъ двѣ недѣли тому назадъ эта площадка представляла собою косогоръ, усѣянный рѣдкими кустами...

Оркестръ заигралъ вальсъ.

Бобровъ видѣлъ, какъ Свѣжевскій, стоявшій рядомъ съ Ниной, тотчасъ же, безъ приглашенія, охватилъ ея талію, и они понеслись, быстро вертясь, по площадкѣ.

Едва Нину оставилъ Свѣжевскій, какъ къ ней подбѣжалъ горный студентъ, за нимъ еще кто-то. Бобровъ танцовалъ плохо, да и не любилъ танцовать. Однако ему пришло въ голову пригласить Нину на кадриль. «Можетъ-быть, — думалъ онъ: — мнѣ удастся улучить минуту для объясненія». Онъ подошелъ къ ней, когда она, только-что сдѣлавъ два тура, сидѣла и торопливо обмахивала вѣеромъ пылавшее лицо.

— Надѣюсь, Нина Григорьевна, что вы оставили для меня одну кадриль?

— Ахъ, Боже мой... Такая досада! У меня всѣ кадрили разобраны, — отвѣтила она, не глядя на него.

— Неужели? Такъ скоро? — спросилъ глухимъ голосомъ Бобровъ.

— Ну да, — Нина нетерпѣливо и насмѣшливо приподняла плечи. — Зачѣмъ же вы опоздали? Я еще въ вагонѣ обѣщала всѣ кадрили...

— Вы, значитъ, совсѣмъ позабыли обо мнѣ! — сказалъ онъ печально.

Звукъ его голоса тронулъ Нину. Она нервно сложила и опять развернула вѣеръ, но не подняла глазъ.

— Вы сами виноваты. Почему вы не подошли?. .

— Но вѣдь я только для того и пріѣхалъ на пикникъ, чтобы васъ видѣть... Неужели вы шутили со мной, Нина Григорьевна?

Она молчала, въ замѣшательствѣ теребя вѣеръ. Ее выручилъ подлетѣвшій къ ней молодой инженеръ. Она быстро встала и, даже не обернувшись на Боброва, положила свою тонкую руку, въ длинной бѣлой перчаткѣ, на плечо инженера. Андрей Ильичъ слѣдилъ за нею глазами... Сдѣлавъ туръ, она сѣла, — конечно, умышленно, подумалъ Андрей Ильичъ, — на другомъ концѣ площадки. Она почти боялась его или стыдилась передъ нимъ.

Прежняя, давно знакомая, тупая и равнодушная тоска овладѣла Бобровымъ. Всѣ лица стали казаться ему пошлыми, жалкими, почти комичными. Размѣренные звуки музыки непрерывными глухими ударами отзывались въ его головѣ, причиняя раздражающую боль. Но онъ еще не потерялъ надежды и старался утѣшить себя разными предположеніями: «Не сердится ли она за то, что я не прислалъ ей букета? Или, можетъ-быть, ей просто не хочется танцовать съ такимъ мѣшкомъ, какъ я? — догадался онъ. — Ну, что̀ же, она, пожалуй, и права. Вѣдь для дѣвушекъ эти пустяки такъ много значатъ... Развѣ не они составляютъ ихъ радости и огорченія, всю поэзію ихъ жизни?»

Когда стало смеркаться, вокругъ павильона зажгли длинныя цѣпи изъ разноцвѣтныхъ китайскихъ фонарей. Но этого оказалось мало: площадка оставалась почти не освѣщенною. Вдругъ съ обоихъ ея концовъ вспыхнули ослѣпительнымъ голубоватымъ свѣтомъ два элек-

трическія солнца, до сихъ поръ тщательно замаскированныя зеленью деревьевъ. Березы и грабы, окружавшіе площадку, сразу выдвинулись впередъ. Ихъ неподвижныя кудрявыя вѣтви, ярко и фальшиво освѣщенныя, стали похожи на театральную декорацію перваго плана. За ними, окутанныя въ сѣро-зеленую мглу, слабо вырисовывались на совершенно черномъ небѣ круглыя и зубчатыя деревья чащи. Кузнечики въ степи, не заглушаемые музыкой, кричали такъ странно, громко и дружно, что казалось, будто кричитъ только одинъ кузнечикъ, но кричитъ отовсюду: и справа, и слѣва, и сверху.

Балъ длился, становясь все оживленнѣе и шумнѣе. Одинъ танецъ слѣдовалъ за другимъ. Оркестръ почти не отдыхалъ... Женщины, какъ отъ вина, опьянѣли отъ музыки и отъ сказочной обстановки вечера.

Ароматъ ихъ духовъ и разгоряченныхъ тѣлъ странно смѣшивался съ запахомъ степной полыни, увядающаго листа, лѣсной сырости и съ отдаленнымъ тонкимъ запахомъ скошенной отавы. Повсюду — то медленно, то быстро колыхались вѣера, точно крылья красивыхъ разноцвѣтныхъ птицъ, собирающихся летѣть... Громкій говоръ, смѣхъ, шарканье ногъ о песокъ площадки сплетались въ одинъ монотонный и веселый гулъ, который вдругъ съ особенной силой вырывался впередъ, когда музыка переставала играть.

Бобровъ все время неотступно слѣдилъ за Ниной. Раза два она чуть-чуть не задѣла его своимъ платьемъ. На него даже пахнуло вѣтромъ, когда она пронеслась мимо. Танцуя, она красиво и какъ будто безпомощно изгибала лѣвую руку на плечѣ своего кавалера и такъ склоняла голову, какъ будто бы хотѣла къ этому плечу прислониться... Иногда мелькалъ край ея нижней, бѣлой кружевной юбки, развѣваемой быстрымъ движеніемъ, и маленькая ножка въ черномъ чулкѣ съ тонкой щиколоткой и крутымъ подъемомъ икры. Тогда

Боброву становилось почему-то стыдно, и онъ чувствовалъ въ душѣ злобу на всѣхъ, кто могъ видѣть Нину въ эти моменты.

Началась мазурка. Было уже около девяти часовъ. Нина, танцовавшая со Свѣжевскимъ, воспользовалась тѣмъ временемъ, когда ея кавалеръ, дирижировавшій мазуркой, устраивалъ какую-то сложную фигуру, и побѣжала въ уборную, легко и быстро скользя ногами въ тактъ музыкѣ и придерживая обѣими руками распустившіеся волосы. Бобровъ, видѣвшій это съ другого конца площадки, тотчасъ же поспѣшилъ за нею слѣдомъ и сталъ у дверей... Здѣсь было почти темно; вся уборная — маленькая досчатая комнатка, пристроенная сзади павильона — находилась въ густой тѣни. Бобровъ рѣшился дождаться Нины и, во что̀ бы то ни стало, заставить ее объясниться. Сердце его часто и больно билось, пальцы, которые онъ судорожно стискивалъ, сдѣлались влажными и холодными.

Черезъ пять минутъ Нина вышла. Бобровъ выдвинулся изъ тѣни и преградилъ ей дорогу. Нина слабо вскрикнула и отшатнулась.

— Нина Григорьевна, за что̀ вы меня такъ мучите? — сказалъ Андрей Ильичъ, незамѣтно для себя складывая руки умоляющимъ жестомъ. — Развѣ вы не видите, какъ мнѣ больно. О! Вы забавляетесь моимъ горемъ... Вы смѣетесь надо мной...

— Я не понимаю, что̀ вамъ нужно. Я и не думала смѣяться надъ вами, — отвѣтила Нина упрямо и заносчиво.

Въ ней проснулся духъ ея семейства.

— Нѣтъ? — уныло спросилъ Бобровъ. — Что̀ же значитъ ваше сегодняшнее обращеніе со мной?

— Какое обращеніе?

— Вы холодны со мной, почти враждебны. Вы отворачиваетесь отъ меня... Вамъ даже самое присутствіе мое на вечерѣ непріятно...

— Мнѣ рѣшительно все равно...

— Это еще хуже... Я чувствую въ васъ какую-то непостижимую для меня и ужасную перемѣну... Ну, будьте же откровенны, Нина, будьте такой правдивой, какой я васъ еще сегодня считалъ... Какъ бы ни была страшна истина, скажите ее. Лучше ужъ для васъ и для меня сразу кончить...

— Что̀ кончить? Я не понимаю васъ...

Бобровъ сжалъ руками виски, въ которые лихорадочно билась кровь.

— Нѣтъ, вы понимаете. Не притворяйтесь. Намъ есть что̀ кончить. У насъ были нѣжныя слова, почти граничившія съ признаніемъ, у насъ были прекрасныя минуты, соткавшія между нами какія-то нѣжныя, тонкія узы... Я знаю, — вы хотите сказать, что я заблуждаюсь... Можетъ-быть, можетъ-быть... Но развѣ не вы велѣли мнѣ пріѣхать на пикникъ, чтобы имѣть возможность поговорить безъ постороннихъ?

Нинѣ вдругъ стало жаль его.

— Да... Я просила васъ пріѣхать... — произнесла она, низко опустивъ голову. — Я хотѣла вамъ сказать... Я хотѣла... что намъ надо проститься навсегда.

Бобровъ покачнулся, точно его толкнули въ грудь. Даже въ темнотѣ было замѣтно, какъ его лицо поблѣднѣло.

— Проститься... — проговорилъ онъ, задыхаясь. — Нина Григорьевна!.. Слово прощальное — тяжелое, горькое слово... Не говорите его...

— Я его должна сказать.

— Должны?

— Да, должна. Это не моя воля.

— Чья же?

Кто-то подходилъ къ нимъ. Нина вглядѣлась въ темноту и прошептала:

— Вотъ чья.

Это была Анна Аѳанасьевна. Она подозрительно оглядѣла Боброва и Нину и взяла свою дочь за руку.

— Зачѣмъ ты, Нина, убѣжала отъ танцевъ? — сказала она тономъ выговора: — стала гдѣ-то въ темнотѣ и болтаешь... Хорошее, нечего сказать, занятіе... А я тебя ищи по всѣмъ закоулкамъ. Вы, сударь, — обратилась она вдругъ бранчиво и громко къ Боброву: — вы, сударь, если сами не умѣете или не любите танцовать, то хоть барышнямъ бы не мѣшали и не компрометировали бы ихъ бесѣдой tête-à-tête ... въ темныхъ углахъ...

Она отошла и увлекла за собою Нину.

— О! Не безпокойтесь, сударыня: вашу барышню ничто не скомпрометируетъ! — закричалъ ей вдогонку Бобровъ и вдругъ расхохотался такимъ страннымъ, горькимъ смѣхомъ, что и мать и дочь невольно обернулись.

— Ну! Не говорила я тебѣ, что это дуракъ и нахалъ? — дернула Анна Аѳанасьевна Нину за руку. — Ему хоть въ глаза наплюй, а онъ хохочетъ... утѣшается... Сейчасъ будутъ дамы выбирать кавалеровъ, — прибавила она другимъ, болѣе спокойнымъ тономъ. — Ступай и пригласи Квашнина. Онъ только что кончилъ играть. Видишь, стоитъ въ дверяхъ бесѣдки.

— Мама! Да куда же ему танцовать? Онъ и поворачивается-то насилу-насилу.

— А я тебѣ говорю: ступай. Онъ когда-то считался однимъ изъ лучшихъ танцоровъ въ Москвѣ... Во всякомъ случаѣ ему будетъ пріятно.

Точно въ далекомъ, сѣромъ колыхающемся туманѣ видѣлъ Бобровъ, какъ Нина быстро перебѣжала всю площадку и, улыбающаяся, кокетливая, легкая, остано-

вилась передъ Квашнинымъ, граціозно и просительно наклонивъ на-бокъ голову. Василій Терентьевичъ слушалъ ее, слегка надъ ней нагнувшись; вдругъ онъ расхохотался, отчего вся его огромная фигура затряслась, и замоталъ отрицательно головою. Нина долго настаивала, потомъ вдругъ сдѣлала обиженное лицо и капризно повернулась, чтобы отойти. Но Квашнинъ, съ вовсе несвойственной ему живостью, догналъ ее и, пожавъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Ну, ужъ ничего не подѣлаешь... надо баловать дѣтей...» протянулъ ей руку. Всѣ танцующіе остановились и съ любопытствомъ устремили глаза на новую пару. Зрѣлище Квашнина, танцующаго мазурку, обѣщало быть чрезвычайно комичнымъ.

Василій Терентьевичъ выждалъ тактъ и вдругъ, повернувшись къ своей дамѣ движеніемъ, исполненымъ тяжелой, но своеобразно-величественной красоты, такъ самоувѣренно и ловко сдѣлалъ первое pas, что всѣ сразу въ немъ почуяли бывшаго отличнаго танцора. Глядя на Нину сверху внизъ, съ гордымъ, вызывающимъ и веселымъ поворотомъ головы, онъ сначала не танцовалъ, а шелъ подъ музыку эластичной, слегка покачивающейся походкой. И огромный ростъ и толщина, казалось, не только не мѣшали, но, наоборотъ, увеличивали въ эту минуту тяжеловѣсную грацію его фигуры. Дойдя до поворота, онъ остановился на одну секунду, стукнулъ вдругъ каблукомъ о каблукъ, быстро завертѣлъ Нину на мѣстѣ и плавно, съ улыбающимся снисходительно лицомъ, пронесся по самой серединѣ площадки на толстыхъ, упругихъ ногахъ. Передъ тѣмъ мѣстомъ, откуда Квашнинъ взялъ Нину, онъ опять завертѣлъ свою даму въ быстромъ красивомъ движеніи и, неожиданно посадивъ на стулъ, самъ остановился передъ ней съ низко опущенной головой.

Его тотчасъ же окружили со всѣхъ сторонъ дамы, упрашивая пройтись еще одинъ туръ. Но онъ, утомленный непривычнымъ движеніемъ, тяжело дышалъ и обмахивался платкомъ.

— Довольно, mesdames... пощадите старика... — говорилъ онъ, смѣясь и насилу переводя духъ. — Не въ мои годы пускаться въ плясъ. Пойдемте лучше ужинать...

Общество садилось за столы, гремя придвигаемыми стульями... Бобровъ продолжалъ стоять на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его покинула Нина. Чувства униженія, обиды и безнадежной, отчаянной тоски поперемѣнно терзали его. Слезъ не было, но что-то жгучее щипало глаза, и въ горлѣ стоялъ сухой и колючій клубокъ... Музыка продолжала болѣзненно и однообразно отзываться въ его головѣ.

— Батюшка мой! А я-то васъ ищу-ищу и никакъ не найду. Что̀ это, вы куда запропастились? — услышалъ Андрей Ильичъ рядомъ съ собой веселый голосъ доктора. — Какъ только пріѣхалъ, меня сейчасъ же за винтъ усадили, насилу вырвался... Идемъ ужинать. Я нарочно два мѣста захватилъ, чтобы вмѣстѣ...

— Ахъ, докторъ! Идите одинъ. Я не пойду, не хочется, — черезъ силу отозвался Бобровъ.

— Не пойдете? Вотъ такъ исторія! — Докторъ пристально поглядѣлъ въ лицо Боброву. — Да что̀ съ вами, голубушка? Вы совсѣмъ раскисли, — заговорилъ онъ серьезно и съ участіемъ. — Ну, ужъ какъ хотите, а я васъ не оставлю одного. Идемъ, идемъ, безъ всякихъ разговоровъ.

— Тяжело мнѣ, докторъ. Гадко мнѣ, — отвѣтилъ тихо Бобровъ, машинально однако слѣдуя за увлекавшимъ его Гольдбергомъ.

— Пустяки, пустяки, идемъ! Будьте мужчиной, плюньте... «Или есть недугъ сердечный? Иль на со-

вѣсти гроза?» — неожиданно продекламировалъ Гольдбергъ, нѣжно и крѣпко обвивая рукой талію Боброва и ласково заглядывая ему въ лицо. — Я вамъ сейчасъ пропишу универсальное средство: «Выпьемъ, что ли, Ваня, съ холода да съ горя?»... Мы, по правдѣ сказать, съ этимъ Андреа уже порядочно наконьячились... Ахъ, и пьетъ же, курицынъ сынъ! Точно въ пустую бочку льетъ... Ну, будьте мужчиной, милочка... Знаете ли, Андреа вами очень интересуется. Идемъ, идемъ!..

Говоря такимъ образомъ, докторъ тащилъ Боброва въ павильонъ. Они усѣлись рядомъ. Сосѣдомъ Андрея Ильича, съ другой стороны, оказался Андреа.

Андреа, еще издали улыбавшійся Боброву, потѣснился, чтобы дать ему мѣсто, и ласково погладилъ его по спинѣ.

— Очень радъ, очень радъ, садитесь къ намъ поближе, — сказалъ онъ дружелюбно. — Симпатичный человѣкъ... люблю такихъ... хорошій человѣкъ... Коньякъ пьете?

Андреа былъ пьянъ. Его стеклянные глаза странно оживились и блестѣли на поблѣднѣвшемъ лицѣ (только полгода спустя стало извѣстно, что этотъ безупречно-сдержанный, трудолюбивый, талантливый человѣкъ каждый вечеръ напивался въ совершенномъ одиночествѣ до потери сознанія)...

«А и въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, станетъ легче, если выпить, — подумалъ Бобровъ: — надо попробовать, чортъ возьми!»

Андреа дожидался съ наклоненной бутылкой въ рукѣ. Бобровъ подставилъ стаканъ.

— Та-акъ? — протянулъ Андреа, высоко подымая брови.

— Такъ, — отвѣтилъ Бобровъ съ печальной и кроткой улыбкой.

— Ладно! До которыхъ поръ?

— Стаканъ самъ скажетъ.

— Прекрасно. Можно подумать, что вы служили въ шведскомъ флотѣ. Довольно?

— Лейте, лейте.

— Другъ мой, но вы, вѣроятно, выпустили изъ виду, что это Martel подъ маркой V. S. O. P. — настоящій, строгій, старый коньякъ.

— Лейте, не безпокойтесь...

И Бобрювъ подумалъ со злорадствомъ:

«Ну что жъ, и буду пьянъ, какъ сапожникъ. Пусть полюбуется...»

Стаканъ былъ полонъ. Андреа поставилъ бутылку на столъ и сталъ съ любопытствомъ наблюдать за своимъ сосѣдомъ. Бобровъ залпомъ выпилъ вино и весь содрогнулся отъ непривычки.

— Дитя мое, у васъ червякъ? — спросилъ Андреа, серьезно поглядѣвъ въ глаза Боброва.

— Да, червякъ, — уныло покачалъ головою Андрей Ильичъ.

— Въ сердцѣ?

— Да.

— Гм!. . Значитъ, вы хотите еще?

— Лейте, — сказалъ Бобровъ покорно и печально.

Онъ съ жадностью и съ отвращеніемъ пилъ коньякъ, стараясь забыться. Но странно, — вино не оказывало на него никакого дѣйствія. Наоборотъ, ему становилось еще тоскливѣе, и слезы еще больше жгли глаза.

Между тѣмъ лакеи разнесли шампанское, Квашнинъ всталъ со стула, держа двумя пальцами свой бокалъ и разглядывая черезъ него огонь высокаго канделябра. Всѣ затихли. Слышно было только, какъ шипѣлъ уголь въ электрическихъ фонаряхъ и звонко стрекоталъ неугомонный кузнечикъ.

Квашнинъ откашлялся.

— Милостивыя государыни и милостивые государи! — началъ онъ и сдѣлалъ внушительную паузу. — Я думаю, никто изъ васъ не усомнится въ томъ искреннемъ чувствѣ признательности, съ которымъ я подымаю этотъ бокалъ! Я никогда не забуду сдѣланнаго мнѣ въ Иванковѣ радушнаго пріема, и сегодняшній маленькій пикникъ, благодаря очаровательной любезности посѣтившихъ его дамъ, останется для меня навсегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ. Пью за ваше здоровье, mesdames!

Онъ поднялъ кверху свой бокалъ, сдѣлалъ имъ въ воздухѣ широкій полукругъ, отпилъ изъ него немного и продолжалъ:

— Къ вамъ, мои ближайшіе сотрудники и товарищи, обращаю слово. Не осудите, если оно будетъ носить характеръ поученія: по лѣтамъ я старикъ, сравнительно съ большинствомъ присутствующихъ, а на старика за поученіе можно и не обижаться.

Андреа нагнулся къ уху Боброва и прошепталъ:

— Посмотрите, какія рожи дѣлаетъ этотъ каналья Свѣжевскій.

Свѣжевскій дѣйствительно выражалъ своимъ лицомъ самое подобострастное и преувеличенное вниманіе. Когда Василій Терентьевичъ упомянулъ о своей старости, онъ и головой и руками началъ дѣлать протестующіе жесты.

— Я все-таки повторю старое, избитое выраженіе газетныхъ передовыхъ статей, — продолжалъ Квашнинъ. — Держите высоко наше знамя. Не забывайте, что мы соль земли, что намъ принадлежитъ будущее... Не мы ли опутали весь земной шаръ сѣтью желѣзныхъ дорогъ? Не мы ли разверзаемъ нѣдра земли и превращаемъ ея сокровища въ пушки, мосты, паровозы, рельсы и колоссальныя машины? Не мы ли, исполняя силой нашего генія почти невѣроятныя предпріятія, приво-

димъ въ движеніе тысячемилліонные капиталы? .. Знайте, господа, что премудрая природа тратитъ свои творческія силы на созданіе цѣлой націи только для того, чтобы изъ нея вылѣпить два или три десятка избранниковъ. Имѣйте же смѣлость и силу быть этими избранниками, господа! Ура!

— Ура! Ура! — закричали гости, и громче всѣхъ выдѣлился голосъ Свѣжевскаго.

Всѣ встали со своихъ мѣстъ и пошли чокаться съ Василіемъ Терентьевичемъ.

— Гнусная рѣчь, — сказалъ докторъ вполголоса.

Послѣ Квашникова поднялся Шелковниковъ и закричалъ:

— Господа! За здоровье нашего уважаемаго патрона, нашего дорогого учителя и въ настоящее время нашего амфитріона: за здоровье Василія Терентьевича Квашнина! Ура!

— Ура-а! — подхватили единодушно всѣ гости и опять пошли чокаться съ Квашнинымъ.

Потомъ началась какая-то оргія краснорѣчія. Произносили тосты и за успѣхъ предпріятія, и за отсутствующихъ акціонеровъ, и за дамъ, участвующихъ на пикникѣ, и за всѣхъ дамъ вообще. Нѣкоторые тосты были двусмысленны и игриво-неприличны.

Шампанское, истребляемое дюжинами, оказывало свое дѣйствіе: сплошной гулъ стоялъ въ павильонѣ, и произносившему тостъ приходилось каждый разъ прежде, чѣмъ начать говорить, долго и тщетно стучать ножомъ по стакану. Въ сторонѣ, на отдѣльномъ маленькомъ столикѣ, красавецъ Миллеръ приготовлялъ въ большой серебряной чашѣ жженку... Вдругъ опять поднялся Квашнинъ, на лицѣ его играла добродушно-лукавая улыбка.

— Мнѣ очень пріятно, господа, что нашъ праздникъ какъ разъ совпалъ съ однимъ торжествомъ семей-

наго характера, — сказалъ онъ съ обворожительной любезностью. — Поздравимте отъ всей души и пожелаемъ счастья нареченнымъ жениху и невѣстѣ: за здоровье Нины Григорьевны Зиненко и... — онъ замялся, потому что позабылъ имя и отчество Свѣжевскаго... — и нашего товарища, господина Свѣжевскаго...

Крики, встрѣтившіе слова Квашнина, были тѣмъ громче, что сообщаемая имъ новость оказалась совсѣмъ неожиданной. Андреа, услышавшій рядомъ съ собою восклицаніе, болѣе похожее на мучительный стонъ, обернулся и увидѣлъ, что блѣдное лицо Боброва искривлено внутреннимъ страданіемъ.

— Коллега, вы еще не все знаете, — шепнулъ Андреа. — Послушайте-ка, я сейчасъ скажу пару теплыхъ словъ.

Онъ увѣренно поднялся, уронивъ при этомъ свой стулъ и расплескавъ половину бокала, и воскликнулъ:

— Милостивые государи! Нашъ многоуважаемый хозяинъ, изъ весьма понятной, великодушной скромности, не докончилъ своего тоста... Мы должны поздравить нашего дорогого товарища, Станислава Ксаверьевича Свѣжевскаго, съ новымъ назначеніемъ: съ будущаго мѣсяца онъ займетъ отвѣтственный постъ управляющаго дѣлами правленія общества... Это назначеніе будетъ, такъ сказать, свадебнымъ подаркомъ для молодыхъ отъ глубокоуважаемаго Василія Терентьевича... Я вижу на лицѣ нашего высокочтимаго патрона неудовольствіе... Вѣроятно, я нечаянно выдалъ приготовленный имъ сюрпризъ и потому прошу прощенія. Но, движимый чувствомъ дружбы и уваженія, я не могу не пожелать, чтобы нашъ дорогой товарищъ, Станиславъ Ксаверьевичъ Свѣжевскій, и на новомъ своемъ поприщѣ въ Петербургѣ оставался такимъ же дѣятельнымъ работникомъ и такимъ же любимымъ товарищемъ, какъ и здѣсь... Но я знаю, господа, никто изъ насъ

не позавидуетъ Станиславу Ксаверьевичу (онъ остановился и съ ѣдкой насмѣшкой посмотрѣлъ на Свѣжевскаго)... потому что всѣ мы такъ дружно желаемъ ему всего хорошаго, что...

Рѣчь его была внезапно прервана громкимъ лошадинымъ топотомъ. Изъ чащи точно вынырнулъ верхомъ на взмыленной лошади какой-то человѣкъ безъ шапки, съ лицомъ, на которомъ застыло, перекосивъ его, выраженіе ужаса. Это былъ десятникъ, служившій у подрядчика Дехтерева. Бросивъ на срединѣ площадки лошадь, дрожавшую отъ усталости, онъ подбѣжалъ къ Василію Терентьевичу и, фамильярно нагнувшись къ его уху, сталъ что-то шептать... Въ павильонѣ сдѣлалось вдругъ страшно тихо, и, какъ раньше, слышно было только шипѣніе угля и назойливый крикъ кузнечика.

Красное отъ вина лицо Квашнина поблѣднѣло. Онъ нервно поставилъ на столъ бокалъ, который держалъ въ рукѣ, и вино изъ бокала расплескалось по скатерти.

— А бельгійцы? — спросилъ онъ отрывисто и хрипло.

Десятникъ отрицательно замоталъ головой и опять зашепталъ что-то подъ самымъ ухомъ Квашнина.

— А, чортъ! — воскликнулъ вдругъ Квашнинъ, вставая съ мѣста и комкая въ рукахъ салфетку. — Надо же было... Подожди, ты сейчасъ же отвезешь на станцію телеграмму къ губернатору. Господа, — громко и взволнованно обратился онъ къ присутствующимъ: — на заводѣ — безпорядки... Надо принимать мѣры, и... и, кажется, намъ лучше всего будетъ немедленно уѣхать отсюда...

— Такъ я и зналъ, — презрительно, со спокойной злобой сказалъ Андреа.

И въ то время, когда всѣ засуетились, онъ медленно досталъ новую сигару, нащупалъ въ карманѣ спички и налилъ себѣ въ стаканъ коньяку.

XI.

Началась безтолковая, нелѣпая сумятица. Всѣ поднялись съ мѣстъ и забѣгали по павильону, толкаясь, крича и спотыкаясь объ опрокинутые стулья. Дамы торопливо надѣвали дрожащими руками шляпки. Кто-то распорядился вдобавокъ погасить электрическіе фонари, и это еще больше усилило общее смятеніе... Въ темнотѣ послышались истерическіе женскіе крики.

Было около пяти часовъ. Солнце еще не всходило, но небо замѣтно посвѣтлѣло, предвѣщая своимъ сѣрымъ, однообразнымъ тономъ начало ненастнаго дня. Блѣдный, тусклый, однообразный полусвѣтъ занимающагося утра, такъ быстро и неожиданно смѣнившій яркое сіяніе электричества, придавалъ картинѣ общаго смятенія страшный, удручающій, почти фантастическій характеръ. Человѣческія фигуры казались привидѣніями изъ какой-то фантастической бредовой сказки. Измятыя безсонной ночью, взволнованныя лица были страшны. Обѣденный столъ, залитый виномъ и безпорядочно загроможденный посудой, напоминалъ о какомъ-то чудовищномъ, внезапно прерванномъ пиршествѣ.

Около экипажей суматоха была еще безобразнѣе: испуганныя лошади храпѣли, взвивались на дыбы и не давались зануздывать; колеса сцѣплялись съ колесами и слышался трескъ ломающихся осей; инженеры выкрикивали по именамъ своихъ кучеровъ, озлобленно

ругавшихся между собою. Въ общемъ получалось впечатлѣніе того оглушительнаго хаоса, который бываетъ только на большихъ ночныхъ пожарахъ. Кого-то переѣхали, или, можетъ-быть, раздавили. Былъ слышенъ вопль.

Бобровъ никакъ не могъ отыскать Митрофана. Раза два или три ему послышалось, будто его кучеръ отзывается на крикъ откуда-то изъ самой середины перепутавшихся экипажей. Но проникнуть туда не было никакой возможности, потому что давка становилась съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе.

Вдругъ въ темнотѣ вспыхнулъ высоко надъ толпой краснымъ пламенемъ огромный керосиновый факелъ. Послышались крики: «Съ дороги! Съ дороги! Посторонитесь, господа! Съ дороги!» Стремительная человѣческая волна, гонимая сильнымъ напоромъ, подхватила Андрея Ильича, понесла его за собой, чуть не сбросивъ съ ногъ, и плотно прижала между задкомъ одной пролетки и дышломъ другой. Отсюда Бобровъ увидѣлъ, какъ между экипажами быстро образовалась широкая дорога, и какъ по этой дорогѣ проѣхалъ на своей тройкѣ сѣрыхъ лошадей Квашнинъ. Факелъ, колебавшійся надъ коляской, обливалъ массивную фигуру Василія Терентьевича зловѣщимъ, точно кровавымъ, дрожащимъ свѣтомъ.

Вокругъ его коляски выла отъ боли, страха и озлобленія стиснутая со всѣхъ сторонъ обезумѣвшая толпа... У Боброва что-то стукнуло въ вискахъ. На мгновеніе ему показалось, что это ѣдетъ вовсе не Квашнинъ, а какое-то окровавленное, уродливое и грозное божество, въ родѣ тѣхъ идоловъ восточныхъ культовъ, подъ колесницы которыхъ бросаются во время религіозныхъ шествій опьянѣвшіе отъ экстаза фанатики. И онъ задрожалъ отъ безсильнаго бѣшенства.

Когда проѣхалъ Квашнинъ, сразу стало немного свободнѣе, и Бобровъ, обернувшись назадъ, увидѣлъ, что дышло, давившее ему спину, принадлежало его же собственной пролеткѣ. Митрофанъ стоялъ около колесъ и зажигалъ факелъ.

— Скорѣй на заводъ, Митрофанъ, — крикнулъ Андрей Ильичъ, садясь. — Чтобъ черезъ десять минутъ поспѣть, слышишь!

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ мрачно Митрофанъ.

Онъ обошелъ пролетку кругомъ, чтобы влѣзть на козлы, какъ подобаетъ всякому хорошему кучеру, справа, разобралъ вожжи и прибавилъ, полуобернувшись назадъ:

— Только ежели лошадей зарѣжемъ, вы тогда, баринъ, не серчайте.

— Ахъ, все равно...

Осторожно, съ громаднымъ трудомъ выбравшись изъ этой массы сбившихся въ кучу лошадей и экипажей и выѣхавъ на узкую лѣсную дорогу, Митрофанъ пустилъ вожжи. Застоявшіяся, возбужденныя лошади подхватили, и началась сумасшедшая скачка. Пролетка подпрыгивала на длинныхъ, протянувшихся поперекъ дороги корняхъ, раскатывалась на ухабахъ и сильно накренялась то на лѣвый, то на правый бокъ, заставляя и кучера и сѣдока балансировать.

Красное пламя факела металось во всѣ стороны съ бурнымъ ропотомъ. Вмѣстѣ съ нимъ метались вокругъ пролетки длинныя, причудливыя тѣни деревьевъ... Казалось, что тѣсная толпа высокихъ, тонкихъ и расплывчатыхъ призраковъ неслась рядомъ съ пролеткой въ какой-то нелѣпой пляскѣ. Призраки то перегоняли лошадей, вырастая до исполинскихъ размѣровъ, то вдругъ падали на землю и, быстро уменьшаясь, исчезали за спиной Боброва, то забѣгали на нѣсколько секундъ въ чащу и опять внезапно появлялись около самой про-

летки, то сдвигались тѣсными рядами и покачивались и вздрагивали, точно перешептываясь о чемъ-то между собою... Нѣсколько разъ вѣтви частаго кустарника, окаймлявшаго дорогу, хлестали Митрофана и Боброва по лицамъ, будто чьи-то цѣпкія, тонкія, протянутыя впередъ руки.

Лѣсъ кончился. Лошади зашлепали ногами по какой-то лужѣ, въ которой запрыгало и зарябилось багровое блестящее пламя факела, и вдругъ дружнымъ галопомъ вывезли на крутой пригорокъ. Впереди разстилалось черное, однообразное поле.

— Да погоняй же, Митрофанъ, мы съ тобой никогда не доѣдемъ! — крикнулъ Бобровъ нетерпѣливо, хотя пролетка и безъ того неслась такъ, что дыханіе захватывало. Митрофанъ проворчалъ что-то недовольнымъ басомъ и ударилъ кнутомъ Фарватера, скакавшаго, изогнувшись кольцомъ, на пристяжкѣ. Кучеръ недоумѣвалъ, что̀ сдѣлалось съ его бариномъ, всегда любившимъ и жалѣвшимъ своихъ лошадей.

На горизонтѣ огромное зарево отражалось неровнымъ трепетаніемъ въ ползущихъ по небу тучахъ. Бобровъ глядѣлъ на вспыхивающее небо, и торжествующее, нехорошее злорадство шевелилось въ немъ. Дерзкій, жестокій тостъ Андреа сразу открылъ ему глаза на все: и на холодную сдержанность Нины въ продолженіе нынѣшняго вечера, и на негодованіе ея мамаши во время мазурки, и на близость Свѣжевскаго къ Василію Терентьевичу, и на всѣ слухи и сплетни, ходившіе по заводу объ ухаживаніи самого Квашнина за Ниной... «Такъ и надо ему, такъ и надо, рыжему чудовищу, — шепталъ Бобровъ, ощущая такой приливъ злобы и такое глубокое сознаніе своего униженія, что даже во рту у него пересохло. — О, если бы мнѣ теперь встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, я бы надолго смутилъ самодовольный покой этого покупателя свѣжаго мяса, этого

грязнаго, жирнаго мѣшка, биткомъ набитаго золотомъ. Я бы оставилъ хорошую печать на его мѣдномъ лбу!..»

Чрезмѣрное количество выпитаго сегодня вина не опьянило Андрея Ильича, но дѣйствіе его выразилось въ необычайномъ подъемѣ энергіи, въ нетерпѣливой и болѣзненной жаждѣ движенія... Сильный ознобъ потрясалъ его тѣло, зубы такъ сильно стучали, что приходилось крѣпко стискивать челюсти, мысль работала быстро, ярко и безпорядочно, какъ въ горячкѣ. Андрей Ильичъ, незамѣтно для самого себя, то разговаривалъ вслухъ, то стоналъ, то громко и отрывисто смѣялся, между тѣмъ какъ пальцы его сами собой крѣпко сжимались въ кулаки.

— Баринъ, да вы никакъ больны? Намъ бы домой ѣхать, — сказалъ несмѣло Митрофанъ.

Эти слова вдругъ привели Боброва въ неистовство, и онъ закричалъ хрипло:

— Не разговаривай, дуракъ!.. Гони!..

Скоро съ горы сталъ виденъ и весь заводъ, окутанный молочно-розовымъ дымомъ. Сзади, точно исполинскій костеръ, горѣлъ лѣсной складъ. На яркомъ фонѣ огня суетливо копошилось множество маленькихъ черныхъ человѣческихъ фигуръ. Еще издали было слышно, какъ трещало въ племени сухое дерево. Круглыя башни кауперовъ и доменныхъ печей то рѣзко и отчетливо выдвигались изъ мрака, то опять совершенно тонули въ немъ. Красное зарево пожара яркимъ и грознымъ блескомъ отражалось въ бурой водѣ большого четырехугольнаго пруда. Высокая плотина этого пруда вся сплошь, безъ просвѣтовъ, была покрыта огромной черной толпой, которая медленно подвигалась впередъ и, казалось, кипѣла. И необычайный — смутный и зловѣщій — гулъ, похожій на ревъ отдаленнаго моря, доносился отъ этой страшной, густой, сжатой на узкомъ пространствѣ человѣческой массы.

— Куда тебя несетъ, дьяволъ! Не видишь развѣ, что ѣдешь на людей, сволочь! — услыхалъ Бобровъ впереди грубый окрикъ, и на дорогѣ, точно вынырнувъ изъ-подъ лошадей, показался рослый, бородатый мужикъ, безъ шапки, съ головой, сплошь забинтованной бѣлыми тряпками.

— Погоняй, Митрофанъ! — крикнулъ Бобровъ.

— Баринъ! Подожгли, — услышалъ онъ дрожащій голосъ Митрофана.

Но тотчасъ же онъ услышалъ свистъ брошеннаго сзади камня и почувствовалъ острую боль удара немного выше праваго виска. На рукѣ, которую онъ поднесъ къ ушибленному мѣсту, оказалась теплая, липкая кровь.

Пролетка опять понеслась съ прежней быстротой. Зарево становилось все сильнѣе. Длинныя тѣни отъ лошадей перебѣгали съ одной стороны дороги на другую. Временами Боброву начинало казаться, что онъ мчится по какому-то крутому косогору и вотъ-вотъ, вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми, полетитъ съ отвѣсной кручи въ глубокую пропасть. Онъ совершенно потерялъ способность опознаваться и никакъ не могъ узнать мѣста, по которому проѣзжалъ. Вдругъ лошади стали.

— Ну, чего же ты остановился, Митрофанъ? — раздражительно закричалъ Бобровъ.

— А куда жъ я поѣду, коли впереди люди? — отозвался Митрофанъ, съ угрюмымъ озлобленіемъ въ голосѣ.

Бобровъ, какъ ни всматривался въ сѣрый предутренній полумракъ, ничего не видѣлъ, кромѣ какой-то черной неровной стѣны, надъ которую пламенѣло небо.

— Какихъ ты тамъ еще людей видишь, чортъ возьми! — выругался онъ, слѣзая съ пролетки и обходя лошадей, покрытыхъ бѣлыми комьями пѣны.

Но едва онъ отошелъ пять шаговъ отъ лошадей, какъ убѣдился, что то, что̀ онъ принималъ за черную стѣну, была большая, тѣсная толпа рабочихъ, запружавшая дорогу и медленно, въ молчанiи подвигавшаяся впередъ. Пройдя машинально вслѣдъ за рабочими шаговъ пять-десять, Андрей Ильичъ повернулъ назадъ, чтобы найти Митрофана и объѣхать заводъ съ другой стороны. Но ни Митрофана ни лошадей на дорогѣ не было. Митрофанъ ли поѣхалъ въ другую сторону отыскивать барина, или самъ Бобровъ заблудился — понять этого Андрей Ильичъ не могъ. Онъ сталъ кричать кучера — никто ему не откликался. Тогда Бобровъ рѣшилъ догнать только-что оставленныхъ рабочихъ и съ этой цѣлью опять повернулся и побѣжалъ, какъ ему казалось, въ прежнюю сторону. Но, странно, рабочiе точно провалились сквозь землю, и вмѣсто нихъ Бобровъ уперся съ разбѣгу въ невысокiй деревянный заборъ.

Забору этому не было конца ни вправо ни влѣво. Бобровъ перелѣзъ черезъ него и сталъ взбираться по какому-то длинному, крутому откосу, поросшему частымъ бурьяномъ. Холодный потъ струился по его лицу, языкъ во рту сдѣлался сухъ и неподвиженъ, какъ кусокъ дерева; въ груди при каждомъ вздохѣ ощущалась острая боль; кровь сильными, частыми ударами била въ темя; ушибленный високъ нестерпимо нылъ...

Ему казалось, что подъемъ безконеченъ, и тупое отчаянiе овладѣвало его душой. Но онъ продолжалъ карабкаться наверхъ, ежеминутно падая, ссаживая колѣни и хватаясь руками за колючiе кусты. Временами ему представлялось, что онъ спитъ и видитъ одинъ изъ своихъ лихорадочныхъ, болѣзненныхъ сновъ. И паническiй переполохъ послѣ пикника, и долгое блужданiе по дорогѣ, и безконечное карабканье по насыпи —

все было такъ же тяжело, нелѣпо, неожиданно и ужасно, какъ эти кошмары.

Наконецъ откосъ кончился, и Бобровъ сразу узналъ желѣзнодорожную насыпь. Съ этого мѣста фотографъ снималъ наканунѣ, во время молебна, группу инженеровъ и рабочихъ. Совершенно обезсиленный, онъ сѣлъ на шпалу, и въ ту же минуту съ нимъ произошло что-то странное: ноги его вдругъ болѣзненно ослабли, въ груди и въ брюшной полости появилось тягучее, щемящее, отвратительное раздраженіе, лобъ и щеки сразу похолодѣли. Потомъ все повернулось передъ его глазами и вихремъ понеслось мимо, куда-то въ безпредѣльную глубину.

Андрей Ильичъ очнулся отъ обморока по крайней мѣрѣ черезъ полчаса. Внизу, у подножія насыпи, тамъ, гдѣ обыкновенно съ несмолкаемымъ грохотомъ день и ночь работалъ исполинскій заводъ, была необычная, жуткая тишина. Бобровъ съ трудомъ поднялся на ноги и пошелъ по направленію къ доменнымъ печамъ. Голова его была такъ тяжела, что съ трудомъ держалась на плечахъ, больной високъ при каждомъ движеніи причинялъ невыносимую боль. Ощупывая рану, онъ опять почувствовалъ пальцами липкое и теплое прикосновеніе крови. Кровь была также у него во рту и на губахъ: онъ слышалъ ея соленый, металлическій вкусъ. Сознаніе еще не вполнѣ вернулось къ нему, и усиліе вспомнить и уяснить прошедшее причиняло ему сильную головную боль. Острая тоска и отчаянная, безпредметная злоба переполняли его душу...

Утро замѣтно уже близилось. Все было сѣро, холодно и мокро: и земля, и небо, и тощая желтая трава, и безформенныя кучи камня, сваленнаго по сторонамъ дороги. Бобровъ безцѣльно бродилъ между опустѣвшихъ заводскихъ зданій и, какъ это случается иногда при особенно сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ, гово-

рилъ самъ съ собою вслухъ. Ему хотѣлось удержать, привести въ порядокъ разбѣгавшіяся мысли.

— Ну, скажи же, скажи, что̀ мнѣ дѣлать? Скажи, ради Бога, — страстно шепталъ онъ, обращаясь къ кому-то другому, постороннему, какъ будто сидѣвшему внутри его. — Ахъ, какъ мнѣ тяжело! Ахъ, какъ мнѣ больно!.. Невыносимо больно!.. Мнѣ кажется, я убью себя... Я не выдержу этой муки...

А другой, посторонній, возражалъ изъ глубины его души, также вслухъ, но насмѣшливо-грубо:

— Нѣтъ, ты не убьешь себя. Зачѣмъ передъ собой притворяться?.. Ты слишкомъ любишь ощущеніе жизни для того, чтобы убить себя. Ты слишкомъ немощенъ духомъ для этого. Ты слишкомъ боишься физической боли. Ты слишкомъ много размышляешь.

— Что̀ же мнѣ дѣлать? Что̀ же мнѣ дѣлать? — шепталъ опять Андрей Ильичъ, ломая руки. — Она такая нѣжная, такая чистая — моя Нина! Она была у меня одна во всемъ мірѣ. И вдругъ — о, какая гадость! — продать свою молодость, свое дѣвственное тѣло!..

— Не ломайся, не ломайся; къ чему эти пышныя слова старыхъ мелодрамъ, — иронически говорилъ другой. — Если ты такъ ненавидишь Квашнина, поди и убей его.

— И убью! — закричалъ Бобровъ, останавливаясь и бѣшено подымая кверху кулаки. — И убью! Пусть онъ не заражаетъ больше честныхъ людей своимъ мерзкимъ дыханіемъ. И убью!

Но другой замѣтилъ съ ядовитой насмѣшкой:

— И не убьешь... И отлично знаешь это. У тебя нѣтъ на это ни рѣшимости ни силы... Завтра же опять будешь благоразуменъ и слабъ...

Среди этого ужаснаго состоянія внутренняго раздвоенія наступали минутные проблески, когда Бобровъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: что̀ съ нимъ, и какъ

онъ попалъ сюда, и что̀ ему надо дѣлать? А сдѣлать что-то нужно было непремѣнно, сдѣлать что-то большое и важное, но что̀ именно, — Бобровъ забылъ и морщился отъ боли, стараясь вспомнить. Въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ промежутковъ онъ увидѣлъ себя стоящимъ надъ кочегарной ямой. Ему тотчасъ же съ необычайной яркостью вспомнился недавній разговоръ съ докторомъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

Внизу никого изъ кочегаровъ не было: всѣ они разбѣжались. Котлы давно успѣли охладѣть. Только въ двухъ крайнихъ топкахъ еще рдѣлъ еле-еле каменный уголь. . . Безумная мысль вдругъ, какъ молнія, мелькнула въ мозгу Андрея Ильича. Онъ быстро нагнулся, свѣсилъ ноги внизъ, потомъ повисъ на рукахъ и спрыгнулъ въ кочегарку.

Въ кучѣ угля была воткнута лопата. Бобровъ схватилъ ее и торопливыми движеніями принялся совать уголь въ оба топочныя отверстія. Черезъ двѣ минуты бѣлое бурное пламя уже гудѣло въ топкахъ, а въ котлѣ глухо забурлила вода. Бобровъ все бросалъ и бросалъ, лопату за лопатой, уголь; въ то же время онъ лукаво улыбался, кивалъ кому-то невидимому головой и издавалъ отрывистыя, безсмысленныя восклицанія. Болѣзненная, мстительная и страшная мысль, мелькнувшая еще тамъ, на дорогѣ, овладѣвала имъ все болѣе. Онъ смотрѣлъ на огромное тѣло котла, начинавшаго гудѣть и освѣщаться огненными отблесками, и оно казалось ему все болѣе живымъ и ненавистнымъ.

Никто не мѣшалъ. Вода быстро убавлялась въ водомѣрѣ. Клокотаніе котла и гудѣніе топокъ становилось все грознѣе и громче.

Но непривычная работа скоро утомила Боброва. Жилы въ вискахъ стали биться съ горячечной быстротой и напряженностью, кровь изъ раны потекла по щекѣ теплой струей. Безумная вспышка энергіи прошла, а

внутренній, посторонній голосъ заговорилъ громко и насмѣшливо:

— Ну, что̀ же, остается сдѣлать одно еще движеніе! Но ты его не сдѣлаешь... Basta... Вѣдь все это смѣшно, и завтра ты не посмѣешь даже признаться, что ночью хотѣлъ взрывать паровые котлы.

Солнце уже показалось на горизонтѣ, въ видѣ тусклаго большого пятна, когда Андрей Ильичъ пришелъ въ заводскую больницу.

Докторъ, только-что прервавшій на минуту перевязку раненыхъ и изувѣченныхъ людей, умывалъ руки подъ мѣднымъ рукомойникомъ. Фельдшеръ стоялъ рядомъ и держалъ полотенце. Увидѣвъ вошедшаго Боброва, докторъ попятился назадъ отъ изумленія.

— Что̀ съ вами, Андрей Ильичъ, на васъ лица нѣтъ, — проговорилъ онъ съ испугомъ.

Дѣйствительно, видъ у Боброва былъ ужасный. Кровь запеклась черными сгустками на его блѣдномъ лицѣ, выпачканномъ во многихъ мѣстахъ угольною пылью. Мокрая одежда висѣла клочьями на рукавахъ и на колѣняхъ; волосы падали безпорядочными прядями на лобъ.

— Да говорите же, Андрей Ильичъ, ради Бога, что̀ съ вами случилось? — повторилъ Гольдбергъ, наскоро вытирая руки и подходя къ Боброву.

— Ахъ, это все пустяки... — простоналъ Бобровъ. — Ради Бога, докторъ, дайте морфія... Скорѣе морфія, или я сойду съ ума!.. Я невыразимо страдаю!..

Гольдбергъ взялъ Андрея Ильича за руку, поспѣшно увелъ въ другую комнату и, плотно притворивъ дверь, сказалъ:

— Послушайте, я догадываюсь, что̀ васъ терзаетъ... Повѣрьте, мнѣ васъ глубоко жаль, и я готовъ помочь

вамъ... Но... голубушка моя, — въ голосѣ доктора послышались слезы: — милый мой Андрей Ильичъ... не можете ли вы потерпѣть какъ-нибудь?.. Вы только вспомните, сколькихъ намъ трудовъ стоило побороть эту поганую привычку! Бѣда, если я вамъ теперь сдѣлаю инъекцію... вы уже больше никогда... понимаете, никогда не отстанете.

Бобровъ повалился на широкій клеенчатый диванъ лицомъ внизъ и пробормоталъ сквозь стиснутые зубы, весь дрожа отъ озноба:

— Все равно... мнѣ все равно, докторъ... Я не могу больше выносить.

Докторъ вздохнулъ, пожалъ плечами и вынулъ изъ аптечнаго шкапа футляръ съ правацовскимъ шприцемъ. Черезъ пять минутъ Бобровъ уже лежалъ на клеенчатомъ диванѣ въ глубокомъ снѣ. Сладкая улыбка играла на его блѣдномъ, исхудавшемъ за ночь лицѣ. Докторъ осторожно обмывалъ его голову.

НОЧНАЯ СМѢНА.

Въ казармѣ четырнадцатой роты давно окончили вечернюю перекличку и пропѣли молитву. Уже одиннадцатый часъ въ началѣ, но люди не спѣшатъ раздѣваться. Завтра воскресенье, а въ воскресенье всѣ, кромѣ должностныхъ, встаютъ часомъ позже.

Дневальный — Лука Меркуловъ — только-что «заступилъ на смѣну». До двухъ часовъ пополуночи онъ долженъ не спать, ходить по казармѣ въ шинели, въ шапкѣ и со штыкомъ на боку и слѣдить за порядкомъ: за тѣмъ, чтобы не было покражъ, чтобы люди не выбѣгали на дворъ раздѣтыми, чтобы въ помѣщеніе не проникали посторонніе лица. Въ случаѣ посѣщенія начальства, онъ обязанъ рапортовать о благополучіи и о всемъ происшедшемъ.

Меркуловъ дневалитъ не въ очередь, а въ наказаніе, — за то, что въ прошедшій понедѣльникъ, во время подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій, его скатанная шинель была обвязана не ременнымъ трынчикомъ, который у него украли, а веревочкой. Дневалитъ онъ черезъ день вотъ уже третій разъ, и все ему достаются самые тяжелые ночные часы.

Меркуловъ плохой фронтовикъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ лѣнивъ и нестарателенъ. Просто ему

не дается сложное искусство чисто дѣлать ружейные пріемы, вытягивать при маршировкѣ внизъ носокъ ноги, «подаваясь всѣмъ корпусомъ впередъ», и въ должной степени «затаивать дыханіе въ моментъ спуска ударника» при стрѣльбѣ. Тѣмъ не менѣе онъ извѣстенъ за солдата серьезнаго и обстоятельнаго: въ одеждѣ наблюдаетъ опрятность; сквернословитъ сравнительно мало; водку пьетъ только казенную, какую даютъ по большимъ праздникамъ, а въ свободное время медленно и добросовѣстно точаетъ сапоги, — не болѣе пары въ полгода, но зато какіе сапоги! — огромные, тяжеловѣсные, не знающіе износа, — меркуловскіе сапоги.

Лицо у него шершавое, сѣрое, въ одинъ тонъ съ шинелью и съ оттѣнкомъ той грязной блѣдности, которую придаетъ простымъ лицамъ воздухъ казармъ, тюремъ и госпиталей. Странное и какое-то неумѣстное впечатлѣніе производятъ на меркуловскомъ лицѣ выпуклые глаза удивительно нѣжнаго и чистаго цвѣта — добрые, дѣтскіе и до того ясные, что они кажутся сіяющими. Губы у Меркулова простодушныя, толстыя, особенно верхняя, надъ которой точно прилизанъ рѣдкій бурый пушокъ.

Въ казармѣ гомонъ. Четыре длинныхъ, сквозныхъ комнаты еле освѣщены коптящимъ красноватымъ свѣтомъ четырехъ жестяныхъ ночниковъ, висящихъ въ каждомъ взводѣ у стѣны ручкой на гвоздикѣ. По серединѣ комнатъ тянутся въ два ряда сплошныя нары, покрытыя сверху сѣнниками. Стѣны выбѣлены известкой, а снизу выкрашены коричневой масляной краской. Вдоль стѣнъ стоятъ въ длинныхъ деревянныхъ стойкахъ красивыми, стройными шеренгами ружья; надъ ними висятъ въ рамкахъ олеографіи и гравюры, изображающія въ грубомъ, наглядномъ видѣ всю солдатскую науку.

Меркуловъ медленно ходитъ изъ взвода въ взводъ. Ему скучно, хочется спать, и онъ чувствовалъ зависть ко всѣмъ этимъ людямъ, которые копошатся, галдятъ и хохочутъ въ тяжелой мглѣ казармы. У всѣхъ у нихъ впереди такъ много часовъ сна, что они не боятся отнять у него нѣсколько минутъ. Но всего томительнѣе, всего непріятнѣе — сознаніе, что черезъ полчаса вся рота замолкнетъ, уснетъ, и только Меркуловъ остается бодрствовать — тоскующій и забытый, одинокій среди ста человѣкъ, перенесенныхъ какою-то ужасной, таинственной силой въ невѣдомый міръ.

Во второмъ взводѣ тѣсно сбились въ кучу около десяти или двѣнадцати солдатиковъ. Они такъ близко разсѣлись и разлеглись другъ возлѣ друга на нарахъ, что сразу не разберешь, къ какимъ головамъ и спинамъ принадлежатъ какія руки и ноги. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ то и дѣло вспыхиваютъ красные огоньки «цыгарокъ». Въ самой серединѣ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, старый солдатъ Замошниковъ, — «дядька Замошниковъ», какъ его называетъ вся рота. Замошниковъ — маленькій, худой, подвижной солдатикъ, общій любимецъ, запѣвала и добровольный увеселитель. Мѣрно покачиваясь взадъ и впередъ и потирая колѣни ладонями, онъ разсказываетъ сказку, держась все время пониженнаго, медленнаго и какъ будто бы недоумѣвающаго тона. Его слушаютъ въ сосредоточенномъ молчаніи. Изрѣдка одинъ изъ присутствующихъ, захваченный интересомъ разсказа, вдругъ вставитъ, не вытерпѣвъ, торопливое, восхищенно-ругательное восклицаніе.

Меркуловъ останавливается подлѣ кучки и равнодушно прислушивается.

— И посылаетъ этта ему турецкій салтанъ большущую бочку мака и пишетъ ему письмо: «Ваше пріасходительство, славный и храбрый генералъ Скобелевъ! Даю я тебѣ три дня и три ночи строку, чтобы ты пере-

считалъ весь этотъ макъ до единаго зерна. И сколько, значитъ, ты зеренъ насчитаешь, столько у меня въ моемъ войскѣ есть солдатовъ». Прочиталъ генералъ Скобелевъ салтаново письмо и вовсе даже отъ этого не испужался, а только, наоборотъ, посылаетъ обратно турецкому салтану горсточку стручковаго перцу. — «У меня, говоритъ, солдатовъ куда противъ твоего меньше, всего-навсего одна малая горстка, а нука-ся, .попробуй-ка, — раскуси!..»

— Ловко повернулъ! — одобряетъ голосъ за спиной Замошникова.

Другіе слушатели сдержанно смѣются.

— Да... На-ка, говоритъ, раскуси, попробуй! — повторяетъ Замошниковъ, жалѣя разстаться съ выигрышнымъ мѣстомъ. — Салтанъ-то ему, значитъ, бочку мака, а онъ ему горсть перцу: «На-ка-сь, говоритъ, выкуси!» Это Скобелевъ-то нашъ, салтану-то турецкому. «У меня, говоритъ, солдатовъ всего одна горсточка, а попробуй-ка, поди-ка, раскуси!..»

— Вся, что ли, сказка-то, дядька Замошниковъ? — робко спрашиваетъ какой-то нетерпѣливый слушатель.

— А ты... погоди, братецъ мой, — досадливо замѣчаетъ ему Замошниковъ. — Ты не подталдыкивай... Сказку сказывать — это, братъ, тоже не блохъ ловить... Да... — Затѣмъ, помолчавъ немного и успокоившись, онъ продолжаетъ сказку. — Да... «Хоть и малая, говоритъ, горсточка, а поди-ка, раскуси...» Прочиталъ турецкій салтанъ скобелевское письмо и опять ему пишетъ: «Убери, ты, по добру, по здорову, свое храброе войско изъ моей турецкой земли... А ежели ты своего храбраго войска убрать не захочешь, то дамъ я своимъ солдатамъ по чаркѣ водки, солдаты мои отъ этого разсердятся и выгонятъ въ три дня всю твою армію изъ Турціи». А Скобелевъ ему сейчасъ отвѣтъ: «Великій и славный турецкій салтанъ, какъ это смѣешь ты, ту-

рецкая твоя морда, мнѣ такія слова писать? Нашелъ чѣмъ стращать: «по чаркѣ водки дамъ!». А я вотъ своимъ солдатушкамъ три дня лопать ничего не дамъ, и они тебя, распротакого-то сына, со всѣмъ твоимъ войскомъ живьемъ сожрутъ и назадъ не вернутъ, такъ ты безъ вѣсти и пропадешь, собачья образина, свиное твое ухо!..» Какъ услышалъ эти слова турецкій салтанъ, сильно онъ, братцы мои, въ ту пору испужался и сейчасъ подался на замиренье. — «Ну, говоритъ, тебя совсѣмъ къ Богу и съ войскомъ съ твоимъ. Вотъ тебѣ мельонтъ рублей денегъ, и отвяжись ты отъ меня, пожалуйста...»

Замошниковъ молчитъ съ минуту и потомъ добавляетъ коротко:

— Вся сказка, ребята.

Слушатели оживляются, и кучка начинаетъ шевелиться. Со всѣхъ сторонъ раздается одобрительная ругань.

— Важно онъ яво, братцы!..

— Н-да-а, саданулъ... нечего сказать...

— На что лучше... Я, гритъ, своимъ солдатамъ три дни ѣсть не дамъ, такъ они тебя, мерзавца, живьемъ слопаютъ. Какъ онъ ему сказалъ, дядька Замошниковъ? А, дядька Замошниковъ?

Замошниковъ повторяетъ ту же самую фразу слово въ слово.

— Куда жъ противъ нашихъ! — подхватываютъ хвастливые голоса.

— Ку-у-да-а!.. Противъ руцкихъ-то!

— Ежели противъ нашихъ, такъ это еще, братъ, погодить надоть.

— Да еще и какъ погодить-то... Это такое дѣло, что надо благословимшись да каши сперва поѣмши.

Замошниковъ въ это время тянется къ огоньку цыгарки, то вспыхивающему, то погасающему подлѣ него, и говоритъ небрежно:

— Дай-ка-сь, братецъ, потянуть разочекъ. Что-й-то смерть покурить хоцца.

Онъ нѣсколько разъ подъ рядъ торопливо и глубоко затягивается, пуская дымъ изъ носа двумя прямыми, сильными струями. Лицо его, особенно подбородокъ и губы, попеременно то озаряются краснымъ блескомъ, то мгновенно тухнутъ, пропадаютъ въ темнотѣ. Чья-то рука протягивается къ его рту за цыгаркой, и чей-то голосъ проситъ:

— А ну-ка, дядька Замошниковъ, оставь, я покурю немножко.

— Кто покурить, а кто и поплюить, — отрѣзаетъ Замошниковъ.

Солдаты смѣются: «Ужъ этотъ Замошниковъ... всегда такое ввернетъ!..» Поощренный Замошниковъ продолжаетъ шутить:

— Знаешь, братъ, какъ нонче курятъ? Табачокъ вашъ, бумажку дашь, вотъ и покуримъ.

Однако онъ тутъ же суетъ въ протянутую руку окурокъ, сплевываетъ на сторону, перегнувшись черезъ чью-то спину, и говоритъ:

— А вотъ тоже, ребята, знаю я еще одну исторію. Може, кто слышалъ изъ васъ? Про то, какъ солдатъ прицѣпилъ себѣ желѣзные когти и лазилъ къ царевнѣ на башню? Если знаете, такъ я лучше и сказывать не буду.

— Не знаемъ... Нѣтъ, нѣтъ... Валяй, дядька Замошниковъ. Никто не слыхалъ.

— Начинается это такъ, что жилъ-былъ на свѣтѣ солдатъ Яшка, Мѣдная пряжка. И былъ, братцы мои, этотъ солдатъ удивительный человѣкъ на свѣтѣ...

Меркуловъ вяло отходитъ прочь. Въ другое время онъ самъ съ живымъ удовольствіемъ слушалъ бы сказки Замошникова, но теперь ему даже кажется страннымъ, какъ это другіе могутъ слушать съ такимъ интересомъ вещи незанимательныя, скучныя и, главное, завѣдомо вымышленныя.

«Ишь, черти, и ко сну ихъ не манитъ, — злобно думаетъ Меркуловъ. — Будутъ себѣ цѣлую ночь дрыхнуть»...

Онъ подходитъ къ окну. Стекла изнутри запотѣли, и по нимъ то и дѣло быстро и извилисто сбѣгаютъ капли. Меркуловъ протираетъ рукавомъ шинели стекло, прижимается къ нему лбомъ и загораживаетъ глаза съ обѣихъ сторонъ ладонями, чтобы не мѣшало отраженіе ночника. На дворѣ осенняя, дождливая, черная ночь. Свѣтъ, падающій изъ окна, лежитъ на землѣ косымъ, вытянутымъ четырехугольникомъ, и видно, какъ въ этой свѣтлой полосѣ морщится и рябится отъ дождя большая лужа. Далеко впереди и внизу, точно на краю свѣта, чуть-чуть блестятъ огни мѣстечка. Больше ничего не различаетъ глазъ въ темнотѣ ненастной ночи.

Постоявъ немного у окна, Меркуловъ идетъ дальше, въ четвертый взводъ, обходитъ его и медленно бредетъ по другой сторонѣ казармы, вдоль оконъ. На самомъ концѣ наръ, по бокамъ угла усѣлись, спустивъ ноги, двое солдатъ — Панчукъ и Коваль. Между ними стоитъ маленькій деревянный сундучокъ съ замкòмъ на кольцахъ. На сундукѣ лежитъ цѣльный хлѣбъ, накроенный толстыми ломтями во всю длину, пятокъ луковицъ, кусокъ свиного сала и крупная сѣрая соль въ чистой тряпкѣ. Панчукъ и Коваль связаны между собою странной, молчаливой дружбой, основанной на необычайномъ обжорствѣ. Имъ не хватаетъ казенныхъ шести фунтовъ хлѣба; они прикупаютъ его каждый день у товарищей и всегда поѣдаютъ его вмѣстѣ, обыкновенно вечеромъ, не обмѣ-

ниваясь при этомъ ни единымъ словомъ. Оба они изъ зажиточныхъ семействъ и ежемѣсячно получаютъ изъ дому по рублю и даже по два...

Каждый изъ нихъ поочередно узкимъ ножикомъ, источеннымъ до того, что его острее даже вогнулось внутрь, отрѣзаетъ нѣсколько тонкихъ, какъ папиросная бумага, кусочковъ сала и аккуратно распластываетъ ихъ между двумя ломтями хлѣба, круто посоленными съ обѣихъ сторонъ. Потомъ они начинаютъ молча и медленно поѣдать эти огромные бутерброды, лѣниво болтая спущенными внизъ ногами.

Меркуловъ останавливается противъ нихъ и тупо смотритъ, какъ они ѣдятъ. Видъ сала вызываетъ у него подъ языкомъ острую слюну, но просить онъ не рѣшается: все равно ему отвѣтятъ отказомъ и хлесткой насмѣшкой. Однако онъ все-таки произноситъ срывающимся голосомъ, въ которомъ слышится почти просьба:

— Хлѣбъ да соль, ребята.

— Ѣмъ, да свой, а ты рядомъ постой, — отвѣчаетъ совершенно серьезно Коваль и, не глядя на Меркулова, обчищаетъ ножомъ отъ коричневой шелухи луковицу, рѣжетъ ее на четыре части, обмакиваетъ одну четверть въ соль и жуетъ ее съ сочнымъ хрустѣніемъ. Панчукъ ничего не говоритъ, но смотритъ прямо въ лицо Меркулову тупыми, сонными, неподвижными глазами. Онъ громко чавкаетъ, и на его массивныхъ скулахъ, подъ обтягивающей ихъ кожей, напрягаются и ходятъ связки челюстныхъ мускуловъ.

Нѣсколько минутъ всѣ трое молчатъ. Наконецъ Панчукъ съ трудомъ проглатываетъ большой кусокъ и сдавленнымъ голосомъ равнодушно спрашиваетъ:

— Что̀, братъ, дневалишь?

Онъ и безъ того отлично знаетъ, что Меркуловъ дневалитъ, и предложилъ этотъ вопросъ ни съ того ни съ сего, безъ всякаго интереса; просто, такъ себѣ, спро-

силось. И Меркуловъ такъ же равнодушно испускаетъ, вмѣсто отвѣта, длинное ругательство, неизвѣстно кому адресованное: двумъ ли солдатамъ, которые имѣютъ возможность объѣдаться хлѣбомъ съ саломъ, или начальству, заставившему Меркулова не въ очередь дневалить.

Онъ отходитъ отъ пріятелей, продолжающихъ свою молчаливую, медленную ѣду, и бредетъ дальше. Сырая казарма быстро нагрѣвается человѣческимъ дыханіемъ: Меркулову даже становится жарко въ его шинели. Нѣсколько разъ кряду онъ обходитъ всѣ взводы, со скукой прислушиваясь къ разговору, громкому смѣху, руготнѣ и пѣнію, долго не смолкающимъ въ ротѣ. Ничего его не смѣшитъ и не занимаетъ, но въ душѣ ему сильно хочется, чтобы еще долго, долго, хоть всю ночь, не затихалъ этотъ шумъ, чтобы только ему, Меркулову, не оставаться одному въ ужасной тишинѣ спящей казармы.

Въ концѣ перваго взвода стоитъ отдѣльная нара унтеръ-офицера Евдокима Ивановича Ноги, ближайшаго начальника Меркулова. Евдокимъ Ивановичъ — большой франтъ, бабникъ, говорунъ и человѣкъ зажиточный. Его нара поверхъ сѣнника покрыта толстымъ ватнымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ множества разноцвѣтныхъ квадратиковъ и треугольниковъ; въ головахъ къ деревянной спинкѣ прилѣплено хлѣбомъ маленькое, круглое, треснутое посрединѣ зеркальце въ жестяной оправѣ.

Евдокимъ Ивановичъ безъ мундира и босой лежитъ сверхъ своего великолѣпнаго одѣяла на спинѣ, заложивъ за голову руки и задравъ кверху ноги, изъ которыхъ одна упирается пяткой въ стѣну, а другая черезъ нее перекинута. Изъ угла рта торчитъ у него камышевый мундштукъ со вставленной въ него дымящейся «кручонкой». Передъ унтеръ-офицеромъ въ понурой, печальной и покорной позѣ большой обезьяны стоитъ рядовой его взвода Шангирей Камафутдиновъ — блѣд-

ный, грязный, глуповатый татаринъ, не выучившій за три года своей службы почти ни одного русскаго слова, — посмѣшище всей роты, ужасъ и позоръ инспекторскихъ смотровъ.

Ногѣ не спится, и, пользуясь минутой, онъ «репетитъ» съ Камафутдиновымъ «словесность». У татарина отъ умственнаго напряженія виски и конецъ носа покрылись мелкими каплями пота. Время отъ времени онъ вытаскиваетъ изъ кармана грязную ветошку и сильно третъ ею свои зараженные трахомой, воспаленные, распухшіе, гноящіеся глаза.

— Идіотъ турецкій! Морда! Что̀ я тебя спрашиваю? Ну! Что̀ я тебя спрашиваю, идолъ? — кипятится Нога.

Камафутдиновъ молчитъ.

— Эѳіопъ неумытый! Какъ твое ружье называется? Говори, какъ твое ружье называется, скотина подлая!

Камафутдиновъ третъ свои больные глаза, переминается съ ноги на ногу, но продолжаетъ молчать.

— Ахъ, ты!.. Нѣтъ съ тобой никакой моей возможности! Ну, повторяй за мной... — И Нога произноситъ, громко отчеканивая каждый слогъ: — Ма-ло-ка-ли-бер-на-я, ско-ро-стрѣль-на-я.

— Малякарли... карасти... — испуганно и торопливо повторяетъ Камафутдиновъ.

— Дура! Не спѣши... Еще разъ: малокалиберная, скорострѣльная...

— Малякяли... скарлястиль...

— У-у! Образина татарская! — И Нога дѣлаетъ на него злобно-искаженную физіономію. — Ну, чортъ съ тобой... Дальше повторяй: пѣхотная винтовка...

— Пихоть бинтофкъ...

— Со скользящимъ затворомъ...

— Заскальзяситворомъ...

— Системы Бердана, номеръ второй...

— Ссемъ бирданъ, номеръ тарой.

— Такъ... Ну, катай сначала.

Татаринъ вяло мнется и опять лѣзетъ въ карманъ за тряпкой.

— Ну же! Чортъ!

— К... к... кали... калибри... заскальзи... — Камафутдиновъ наугадъ подбираетъ первые попадающіеся ему звуки.

— Заскальзи-и! — перебиваетъ его унтеръ-офицеръ. — Самъ ты — заскальзи. Вставать мнѣ только не хочется, а то бы я тебѣ выутюжилъ морду-то! Весь фасонъ ты у меня во взводѣ нарушаешь!.. Ты думаешь, съ меня изъ-за тебя не зиськуется? Строго, братъ, зиськуется... Ну, повторяй опять: малокалиберная, скорострѣльная...

Въ концѣ перваго взвода, близъ желѣзной печки, разлеглись на нарахъ головами другъ къ другу трое старыхъ солдатъ и поютъ вполголоса, но съ большимъ чувствомъ и съ виднымъ удовольствіемъ вольную, «свою», деревенскую пѣсню. Первый голосъ высокимъ, нѣжнымъ фальцетомъ выводитъ грустную мелодію, небрежно выговаривая слова и вставляя въ нихъ для пѣвучести лишнія гласныя. Другой пѣвецъ старательно и бережно вторитъ ему въ терцію сиплымъ, но пріятнымъ и сочнымъ теноркомъ, немного въ носъ. Третій поетъ въ октаву съ первымъ глухимъ и невыразительнымъ голосомъ; въ иныхъ мѣстахъ онъ нарочно молчитъ, пропускаетъ два такта и вдругъ сразу подхватываетъ и догоняетъ товарищей въ своеобразной фугѣ.

Прощай, радость моя и покой, —
Слышу, уѣзжаетъ отъ меня милой.
Ахъ, намы долыжно
Съ та-або-ой... —

согласно и красиво вытягиваютъ первые голоса, а третій, отставшій отъ нихъ послѣ слова «должно», вдругъ

присоединяется къ нимъ рѣшительнымъ, крѣпкимъ подхватомъ:

Съ тобой разстаться.

И затѣмъ всѣ трое поютъ вмѣстѣ:

Тебя мнѣ не видать,
Темною ночкой вмѣстѣ не гулять.

Закончивъ куплетъ, голосъ, пѣвшій мелодію, вдругъ беретъ страшно высокую ноту и долго-долго тянетъ ее, широко раскрывъ при этомъ ротъ, зажмуривъ глаза и поморщивъ отъ усилія носъ. Потомъ, сразу оборвавъ, точно отбросивъ эту ноту, онъ дѣлаетъ маленькую паузу, откашливается и начинаетъ снова:

Ахы, темыною ночикой
Мнѣ-ѣ не сыпится,
Сама я не знаю по-оче-ему...

— Сударь, почему! — ввертываетъ вдругъ третій увѣреннымъ речитативомъ, и опять всѣ втроемъ продолжаютъ:

Ахъ, буду помнить я
Твои ласковые взоры,
Твой веселый разговоръ...

Пѣсня эта знакома Меркулову еще съ деревни, и поэтому онъ слушаетъ ее очень внимательно. Ему кажется, что хорошо было бы теперь лежать раздѣтымъ, укрывшись съ головой шинелью, и думать про деревню и про своихъ, думать до тѣхъ поръ, пока сонъ тихо и ласково не заведетъ ему глазъ.

Пѣвцы вдругъ замолкаютъ. Меркуловъ долго дожидается, чтобы они опять запѣли; ему нравится неопредѣленная грусть и жалость къ самому себѣ, которую всегда вызываютъ въ немъ печальные мотивы. Но солдаты лежатъ молча на животахъ, головами другъ къ

другу: должно-быть, заунывная пѣсня и на нихъ навѣяла молчаливую тоску. Меркуловъ глубоко вздыхаетъ, долго скребетъ подъ шинелью зачесавшуюся грудь, сдѣлавъ при этомъ страдающее лицо, и медленно отходитъ отъ пѣвцовъ.

Казарма затихаетъ постепенно. Только во второмъ взводѣ слышатся то и дѣло взрывы буйнаго хохота. Замошниковъ уже окончилъ исторію про солдата съ желѣзными когтями и теперь начинаетъ «приставлять». Онъ самъ — и актеръ и импровизаторъ. Его любимый номеръ, который онъ сейчасъ и разыгрываетъ, — это полковой смотръ, производимый строгимъ генераломъ Замошниковымъ. Здѣсь онъ является поочередно и толстымъ генераломъ съ одышкой, и полковымъ командиромъ, и штабсъ-капитаномъ Глазуновымъ, и фельдфебелемъ Тарасомъ Гавриловичемъ, и старухой-хохлушкой, которая только-что пришла изъ деревни и «восемнадцать літъ москаливъ не бачила», и кривоногимъ, косымъ рядовымъ Твердохлѣбомъ, и плачущимъ ребенкомъ, и сердитой барыней съ собачкой, и татариномъ Камафутдиновымъ, и цѣлымъ батальономъ солдатъ, и музыкой, и полковымъ врачомъ. Навѣрно, каждый изъ слушателей не менѣе десяти разъ присутствовалъ на «приставленьяхъ» Замошникова, но интересъ вовсе не ослабѣваетъ отъ этого, тѣмъ болѣе, что Замошниковъ всегда наново разукрашиваетъ свое діалоги бойкими риѳмами и то и дѣло загибаетъ поговорки, одна другой неожиданнѣй и непристойнѣй... Замошниковъ ведетъ сцену, стоя въ проходѣ между нарами и окномъ, зрители разсѣлись и разлеглись на нарахъ.

— Муз-зыканты, по мѣст-а-а-амъ! — командуетъ Замошниковъ хриплымъ, нарочно задушеннымъ голосомъ, преувеличенно разѣвая ротъ и тряся закинутой назадъ головой: онъ, конечно, боится кричать громко и этими пріемами изображаетъ до извѣстной степени

оглушительнож команды полкового командира. — Поолкъ! Слуша-а-ай! На крау-у-улъ! Музыка, играй... Трамъ, папимъ, тати-ра-рамъ...

Замошниковъ трубитъ маршъ, раздувая щеки и хлопая себя по нимъ ладонями, какъ по барабану. Затѣмъ онъ говоритъ бойкой скороговоркой:

— Вотъ ѣдетъ на бѣломъ конѣ храбрый генералъ Замошниковъ. Смотритъ соколомъ, грудь колесомъ. Весь мундиръ въ орденахъ, посмотришь — прямо тибѣ беретъ страхъ. — «Здорово, молодцы, славные нижнеломовцы!» — «Здра-жела-вассс!» — «Молодцы, ребята!» — «Ради стараться, вассс!..» Сейчасъ полковой къ нему съ рапортомъ: — «Вашему пріасходительству, славному и храброму генералу Замошникову имѣю честь лепортовать... Въ Нижнеломовскомъ развеселомъ полкѣ все обстоитъ благополучно. По списку солдатовъ цѣлая тыща. Сто человѣкъ въ лазаретѣ валяется, сто по кабакамъ шатается, да сто въ бѣгахъ обрѣтается. Пятьдесятъ подъ заборомъ лежатъ, пятьдесятъ подъ арестомъ сидятъ, а пятьдесятъ пьяные — на ногахъ не стоятъ... Двѣсти по-міру пошли побираться, а другіе и совсѣмъ никуда не годятся. Не стрижены, не бриты, морды у нихъ не умыты, подъ глазами синяки подбиты. Цѣлый годъ ничего не ѣли, не пили, а только все по дѣвкамъ ходили. Нѣтъ нашего полка на свѣтѣ веселѣе!» — «Молодцы, ребята, спасибо, красавцы!» — «Ради стараться, вассс...» — «Претензій не имѣете?» — «Никакъ нѣтъ, вассс...» — «Хлѣба много ѣдите?» — «Точно такъ, вассс... очинно много: какъ ѣдимъ, такъ за ушами трещить, а съѣдимъ, такъ въ брюхѣ пишшить». — «Молодцы, братцы. Такъ и надоть. Пой пѣсни, хоть тресни, гляди орломъ, а ѣсть не проси. Выдать каждому солдатику по манеркѣ водки, да по фунту табаку, да деньгами полтинникъ». — Покорнѣйше благодаримъ вассс...»

«А тутъ с'часъ полковой впередъ выѣзжаетъ. — «По цирмуріальному маршу, по-ротно, на двухвзводную дистанцію... Первая рота шагомъ!» Музыка. Ту-ру-румъ турумъ... Идутъ — ать, два! ать, два... Лѣвой!.. Лѣвой!.. Вдругъ: «Сто-ой! На-за-адъ! Отстави-ить!» — «Что̀ т-такое за исторія?» — «Это у васъ какая рота, полковникъ?» — «Четырнадцатая — нарѣзная, вассс...» — «А это что̀ за морда кривая стоитъ въ строю?» — «Рядовой Твердохлѣбъ, вассс...» — «Прогнать со смотра и всыпать пятьдесятъ...»

Солдаты хохочутъ, и всѣхъ громче рядовой Твердохлѣбъ, котораго со всѣхъ сторонъ толкаютъ подъ бока локтями. Дальше обыкновенно слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ послѣ смотра генералъ Замошниковъ обѣдаетъ у полкового командира.

«Вамъ борщу или супу, вассс?..» — «Мнѣ бы того и другого... поболѣ...» — «А водочки, вассс?..» — «Гм... можно и водочки... стаканчикъ». Затѣмъ идетъ изысканный разговоръ съ полковничьей дочкой. — «Барышня, угостите поцѣлуйчикомъ». — «Ахъ, что̀ вы-съ... нешто это можно при папашахъ?.. Они увидаютъ...» — «Нельзя, значитъ?» — «Ахххъ... никакъ невозможно». — «Въ такомъ разѣ предпожалуйте ручку». — «Ручку извольте...»

Но Замошниковъ не успѣваетъ докончить «приставленья». Внезапно растворяется дверь казармы, и въ просвѣтѣ показывается фигура фельдфебеля Тараса Гавриловича, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу ногу и въ очкахъ.

— Чего вы гогочете, словно жеребцы на овесъ? — раздается его сердитый старческій окрикъ. — Когда вы утихомиритесь?! Вотъ я васъ всѣхъ сейчасъ по мордамъ раскассирую. Ну!.. Живо расходись!..

Солдаты медленно, неохотно расходятся по своимъ мѣстамъ. Необыкновенно быстро, въ какихъ-нибудь

пять минутъ, казарма совсѣмъ стихаетъ. Гдѣ-то среди наръ слышится торопливый шопотъ молитвы: «Господи, Сусе Христе... Сыне Божій, помилуй насъ... Пресвятая Троица, помилуй насъ». Гдѣ-то звучно падаютъ одинъ за другимъ на асфальтовый полъ сброшенные съ ногъ сапоги. Кто-то кашляетъ глухо, съ надсадой, по-овечьи... Жизнь сразу прекратилась.

Меркуловъ продолжаетъ ходить по казармѣ. Онъ идетъ вдоль стѣны, машинально обдирая ногтемъ большого пальца масляную краску. Солдаты лежатъ на нарахъ, покрытые сверху сѣрыми шинелями, тѣсно прижавшись другъ къ другу. При тускломъ, коптящемъ свѣтѣ ночниковъ очертанія спящихъ фигуръ теряютъ рѣзкость, сливаются, и кажется, будто это лежатъ не люди, а сѣрые, однообразные и неподвижные вороха шинелей.

Отъ-нечего-дѣлать Меркуловъ присматривается къ спящимъ. Одинъ лежитъ на спинѣ, поднявъ и согнувъ подъ острымъ угломъ ноги; онъ полураскрылъ ротъ и дышитъ глубоко и ровно; съ лица его не сходитъ спокойное, глупое выраженіе. Другой спитъ на животѣ, уткнувшись головой въ сгибъ лѣвой руки, между тѣмъ какъ правая протянута вдоль тѣла и выворочена ладонью наружу. Голыя ноги высунулись изъ-подъ короткой шинели; икры на нихъ напружились, а концы пальцевъ сведены, какъ въ судорогѣ. Вотъ скорчился солдатъ Естифеевъ, землякъ Меркулова и сосѣдъ его по строю. Кажется, нарочно не примешь такой неестественной позы: голова глубоко засунута подъ кумачевую засаленную подушку, ноги прижаты чуть не къ самому подбородку. Должно-быть, кровь прилила Естифееву къ головѣ, потому что изъ-подъ подушки раздаются медленные, мучительные стоны.

Меркулову жутко и тягостно. Всего нѣсколько минутъ назадъ всѣ эти сто человѣкъ ходили, смѣялись,

разговаривали, бранились... и вотъ они, всѣ до одного, лежатъ неподвижные, стонущіе и храпящіе, объятые и унесенные какой-то другой, непонятной, таинственной жизнью. Для каждаго изъ нихъ уже нѣтъ болѣе ни военной службы съ ея тягостями и напускнымъ весельемъ, ни скучнаго мрака казармы, ни сосѣда, безпокойно мечущагося у него на груди головой, ни одиноко бродящаго со своей тоской Меркулова. И темный ужасъ заползаетъ понемногу въ сердце Меркулова, съеживаетъ кожу на его черепѣ и волной холодныхъ мурашекъ бѣжитъ по его спинѣ.

Онъ останавливается противъ часовъ, висящихъ въ третьемъ взводѣ подъ ночникомъ, и долго, пристально смотритъ на нихъ. Меркуловъ плохо разбираетъ время, но онъ знаетъ (это ему терпѣливо и пространно объяснялъ сегодня дежурный), что когда большая стрѣлка станетъ прямо вверхъ, а маленькая почти перпендикулярно къ ней вправо, то тогда надо ему смѣняться. Это — обыкновенные двухрублевые часы съ бѣлымъ квадратнымъ циферблатомъ, разрисованнымъ по угламъ розанами, съ мѣдными гирьками, къ одной изъ которыхъ подвязаны веревкой камень и желѣзный болтъ, съ избитымъ отъ времени, точно изжеванныхъ, мѣднымъ маятникомъ.

— Ти-та, ти-та, — отсчитываетъ среди тишины маятникъ, и Меркуловъ внимательно прислушивается къ его ходу. Первый ударъ слабѣе и чище, а второй звучитъ глухо и выбивается съ трудомъ, какъ будто бы его что-то задерживаетъ внутри, и слышно, какъ между обоими ударами въ серединѣ часовъ передергивается какая-то цѣпочка. — Ти-к-та, ти-к-та... — И Меркуловъ шепчетъ вслѣдъ за ходомъ часовъ: «Тягота, тягота»... Странная духовная связь есть между этими часами и ночнымъ бодрствованіемъ Меркулова: точно оба они — одни въ казармѣ — осуждены какой-то жестокой силой

тоскливо отсчитывать секунды и томиться долгимъ одиночествомъ. «Тягота, тягота», — монотонно и устало шепчетъ маятникъ. Въ казармѣ скучно и жутко, ночники еле свѣтятъ, въ углахъ громоздятся безобразныя тѣни, и Меркуловъ сонно шепчетъ вмѣстѣ съ маятникомъ: «Тя-го-та. . .»

Потомъ онъ идетъ въ дальній уголъ перваго взвода и садится между печкой и ружейной пирамидой, на высокомъ табуретѣ съ залосненнымъ и почернѣвшимъ отъ времени сидѣньемъ. Отъ желѣзной печки идетъ легкое тепло вмѣстѣ съ запахомъ угара. Меркуловъ глубоко засовываетъ руки въ рукава и задумывается.

Вспоминается ему письмо, полученное третьяго-дня «съ родины». Это письмо читали ему вслухъ: сначала взводный унтеръ-офицеръ, потомъ ротный писарь, потомъ всѣ грамотные земляки, такъ что текстъ письма Меркуловъ успѣлъ выучить наизусть и даже подсказывалъ чтецамъ неразборчивыя мѣста.

«Письмо солдатское, пѣхотное, очень нужное. Письмо пущено съ родины 20-го сентября настоящаго года. Село Мокрые Верхи, отъ отца вашего.

«Любезный сынокъ нашъ Лука Моисеевичъ!

«Во первыхъ строкахъ сего письма посылаемъ тебѣ родительское наше благословеніе и желаемъ отъ Господа Бога скораго и счастливаго успѣха въ дѣлахъ вашихъ и увѣдомляемъ васъ, что мы съ матушкой вашей Лукерьей Трофимовной, слава Богу, живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ. Еще кланяется вамъ любящая супруга Татьяна Ивановна и посылаетъ свое искренно любящее супружеское почтеніе, съ любовью низкій поклонъ и желаетъ вамъ отъ Бога всего хорошаго. Еще кланяется тебѣ любезный тестичекъ твой Иванъ Ѳедосеевичъ съ супругой и съ дѣтками и желаетъ вамъ успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Еще кланяется вамъ братецъ

вашъ Николай Моисеевичъ съ супругой и съ дѣтками и съ низкимъ поклономъ желаетъ вамъ отъ Бога всего хорошаго.

«А у насъ все, слава Богу, благополучно, чего и тебѣ отъ всей души желаемъ. Въ деревнѣ у насъ все по-старому. На пречистую сгорѣлъ у насъ Николай Ивановъ съ большой дороги. Безпремѣнно не кто, какъ Матюшка спалилъ; такъ и урядникъ сказалъ. Милый Лукаша, прошу я тебя, пропиши пояснѣе, я въ вашемъ письмѣ ничего не понялъ, потому-что плохо писано, никто не можетъ прочитать, и пропиши, кто ее писалъ и кто писалъ адресъ, нельзя понять, чья это рука писала, но приблизительно вы пишите такую чушь, что не можно и вѣрить такой эрундѣ. За симъ остаюсь любящій отецъ М. Меркуловъ, а за него, безграмотнаго, расписался Ананій Климовъ».

— Ахъ, бѣда, бѣда, — шепчетъ Меркуловъ и при этомъ качаетъ головой и горестно прищелкиваетъ языкомъ. Думаетъ онъ о томъ, что еще два года слишкомъ осталось ему «сполнять долгъ отечества», о томъ, какъ трудно и тяжело жить на чужой сторонѣ, думаетъ и о своей женѣ Татьянѣ Ивановнѣ. — «Бабочка она молодая, веселая, балованная. Тоже, поди, не легко жить четыре-то года безъ мужа, въ чужой семьѣ... Солдатка... Извѣстно, какія онѣ, солдатки-то эти самыя... Вотъ поручикъ Забіякинъ всегда смѣются... — «Ты женатый?» спроситъ. — «Точно такъ, вашбродь, женатый». — «Ну, такъ погоди, погоди, говоритъ, воротишься со службы — въ домѣ новые работники прибудутъ». Гм!.. Хорошо ему смѣяться. Толстый, да гладкій... Всталъ утречкомъ — чайку съ булочкой напился... денщикъ ему сапожки чистые подалъ. Вышелъ на ученье — знай себѣ папиросочки попаливаетъ. А ты вотъ, сиди цѣлую ночь... Эхъ, бѣда, бѣда, бѣда-а-а,

— шепчетъ Меркуловъ, оканчивая послѣднее слово длиннымъ, глубокимъ зѣвкомъ, отъ котораго у него даже слезы выступаютъ на глазахъ.

Никогда еще Меркуловъ не чувствовалъ себя такимъ покинутымъ, затеряннымъ, жалкимъ. .. Хочется ему поговорить съ какимъ-нибудь добрымъ и молчаливымъ человѣкомъ, объяснить ему жалостными словами всѣ свои горести и заботы, и чтобы этотъ добрый и молчаливый человѣкъ слушалъ внимательно, все бы понималъ и всему сочувствовалъ... Да гдѣ жъ его найдешь, этого человѣка? Каждому до себя, до своей заботушки. «Горько, братецъ мой», — думаетъ, покачивая головой, Меркуловъ и вслѣдъ затѣмъ произноситъ вслухъ, протяжнымъ, пѣвучимъ голосомъ: «о-охъ и го-о-орько...»

И вотъ, понемножку, вполголоса Меркуловъ начинаетъ напѣвать. Сначала въ его пѣснѣ почти нѣтъ словъ. Выходитъ что-то заунывное, печальное и безтолковое, но размягчающее и пріятно шевелящее душу: «Э-э-а-ахъ ты-ы, да э-э-охъ го-о-орько-о»... Потомъ начинаютъ подбираться и слова — все такія хорошія, трогательныя слова:

О-охъ да ты моя матушка,
Э-охъ да моя родименька-я-а...

Тутъ Меркуловъ окончательно проникается глубокой жалостью къ бѣдному, забытому солдату Лукѣ Меркулову. Кормятъ его впроголодь, наряжаютъ не въ очередь дневалить, взводный его ругаетъ, отдѣленный ругаетъ, — иной разъ и кулакомъ ткнетъ въ зубы, — ученье тяжелое, трудное... Долго ли заболѣть, руку ли, ногу сломать, отъ глазной болѣзни ослѣпнуть, — вонъ, у половины роты глаза гноятся? А то, можетъ, и умереть на чужой сторонѣ придется... Что-то горестное подступаетъ Меркулову къ самой глоткѣ, что-то

начинаетъ слегка пощипывать ему вѣки, а въ груди подъ ложечкой онъ ощущаетъ приливъ искусственной, замирающей, томной, сладковатой тоски. И еще больше трогаютъ его печальныя слова импровизированной пѣсни, еще нѣжнѣе и прекраснѣе кажется ему свой собственный мотивъ:

Охъ, ты, моя мамынька.
Положи жъ ты минѣ во гро-опъ,
Положи во сосновый да во гропъ,
Во сосновый гропъ, да во осиновый...

Воздухъ въ казармѣ сгустился и сталъ невыносимо тяжелъ. Точно въ банѣ, сквозь завѣсу пара, слабыми, расплывчатыми пятнами свѣтятъ ночники, у которыхъ стекла почернѣли сверху отъ копоти. Меркуловъ сидитъ, сгорбившись, переплетя ноги за табуретную перекладину и глубоко вдвинувъ руки въ рукава шинели. Тѣсно, жарко и неловко ему въ шинели, — воротникъ третъ затылокъ, крючки давятъ горло, и спать ему хочется страшно. Вѣки у него точно распухли и зудятъ, въ ушахъ стоитъ какой-то глухой, непрерывный шумъ, а гдѣ-то внутри, не то въ груди, не то въ животѣ, все не проходитъ тягучая, приторная, физическая истома. Меркуловъ не хочетъ поддаваться сну, но временами что-то мягкое и властное пріятно сжимаетъ его голову; тогда вѣки вдругъ задрожатъ и сомкнутся съ усталой рѣзью, приторная истома сразу пропадаетъ, и уже нѣтъ больше ни казармы ни длинной ночи, и на нѣсколько секундъ Меркулову легко и покойно до блаженства. Онъ самъ не замѣчаетъ въ это время, что голова его короткими, внезапными толчками падаетъ все ниже и ниже, и вдругъ... сильно качнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, онъ съ испугомъ открываетъ глаза, выпрямляется, встряхиваетъ головой, и опять вступаетъ ему въ грудь приторная, сосущая истома безсонья.

А память Меркулова въ эти короткія секунды неожиданной полудремоты все не можетъ оторваться отъ деревни, и пріятно ему и занимательно, что о чемъ бы онъ ни вспомнилъ, такъ сейчасъ же это и видитъ передъ глазами, — такъ ярко, отчетливо и красиво видитъ, какъ никогда не увидишь наяву. Вотъ его старый, бѣлый, весь усѣянный «гречкой» меринъ. Стоитъ онъ на зеленомъ выгонѣ со своими согнутыми передними ногами, съ торчащими костяжками на крестцѣ, съ выступающими рѣзко на бокахъ ребрами. Голова его уныло и неподвижно опущена внизъ, дряблая нижняя губа, съ рѣдкими, прямыми и длинными волосами, отвисла, глаза, цвѣта линялой бирюзы, съ бѣлыми рѣсницами, смотрятъ тупо и удивленно.

А тутъ, сейчасъ же за выгономъ, идетъ проѣзжая широкая дорога. И кажется Меркулову, что теперь — теплый вечеръ ранней весны, и что вся дорога, черная отъ грязи, изборождена слѣдами копытъ, а въ глубокихъ колеяхъ стоитъ вода, розовая и янтарная отъ вечерней зари. Пересѣкая дорогу, вьется изъ-подъ бревенчатаго мостка узкая рѣчонка, точно сжатая въ невысокихъ, но крутыхъ изумрудно-зеленыхъ берегахъ, гладкая, какъ зеркало, и уже чуть-чуть подернутая вдали легкимъ туманомъ. Вѣрно и рѣзко отразились въ ней внизъ верхушками прибрежныя крутыя, покрытыя желто-зеленымъ пухомъ ветлы и самые берега, которые кажутся въ водѣ еще свѣжѣй, еще изумруднѣй. А вонъ вдалекѣ, на ясномъ небѣ стройно и четко рисуется колокольня церкви, деревянная, бѣлая съ розовыми продольными полосами и съ крутой зеленой крышей. Сейчасъ же рядомъ съ церковью и меркуловскій огородъ: вонъ даже видно покривившееся набокъ и точно падающее впередъ чучело въ старомъ отцовскомъ картузѣ, съ растопыренными рукавами, отрепанными на

концахъ, навсегда застывшее въ рѣшительной и напряженной позѣ...

И кажется Меркулову, что онъ самъ ѣдетъ по этой черной, грязной дорогѣ, возвращаясь съ пашни. Онъ бокомъ сидитъ на бѣломъ меринѣ, мотая спущенными внизъ ногами и ерзая, при каждомъ шагѣ лошади, взадъ и впередъ на ея хребтѣ. Ноги лошади звучно чмокаютъ, вылѣзая изъ грязи. Легкій вѣтерокъ чуть задѣваетъ лицо Меркулова, принося съ собой глубокій, свѣжій ароматъ земли, еще не высохшей послѣ снѣга, и хорошо, радостно на душѣ у Меркулова. Усталъ онъ, выбился изъ силъ, взодравъ за нынѣшній день чуть ли не цѣлую десятину земли; ноетъ у него все тѣло, ломитъ руки, трудно разгибать и сгибать спину, а онъ, небрежно болтая ногами, знай заливается во всю грудь:

Вы сады-ы ль, мои са-ады!..

Ахъ, какъ хорошо ему будетъ сейчасъ, когда онъ уляжется въ прохладной ригѣ, на соломѣ, вытянувъ и свободно разбросавъ натруженныя руки и ноги!..

Голова Меркулова опять падаетъ внизъ, чуть не касаясь колѣнъ, и опять Меркуловъ просыпается съ приторнымъ, томящимъ ощущеніемъ въ груди. «Никакъ я вздремалъ? — шепчетъ онъ въ удивленіи. — Вотъ такъ штука!» Ему страшно жаль только-что видѣнной черной весенней дороги, запаха свѣжей земли и нaряднаго отраженія прибрежныхъ ветелъ въ гладкомъ зеркалѣ рѣчки. Но онъ боится спать и, чтобы ободриться, опять начинаетъ ходить по казармѣ. Ноги его замлѣли отъ долгаго сидѣнья, и при первыхъ шагахъ онъ совсѣмъ не чувствуетъ ихъ.

Проходя мимо часовъ, Меркуловъ смотритъ на циферблатъ. Большая стрѣлка уперлась прямо вверхъ, а маленькая отошла отъ нея чуть-чуть вправо. «Послѣ полуночи», — соображаетъ Меркуловъ. Онъ сильно

зѣваетъ, быстрымъ движеніемъ нѣсколько разъ кряду креститъ ротъ и бормочетъ что-то въ родѣ молитвы: «Господи... Царица Небесная... еще, небось, часа два съ половиной осталось... Святые угодники... Петра, Алексѣя, Іоны, Филиппа... добропожившихъ отцовъ и братій нашихъ...»

Керосинъ догораетъ въ ночникахъ, и въ казармѣ становится совсѣмъ темно. Позы у спящихъ мучительно-напряженныя, неестественныя. Должно-быть, у всѣхъ на жесткихъ сѣнникахъ обомлѣли руки и затекли головы. Отовсюду, со всѣхъ сторонъ, раздаются жалобные стоны, глубокіе вздохи, нездоровый, захлебывающійся храпъ. Что-то зловѣщее, удручающее, таинственное слышится въ этихъ нечеловѣческихъ звукахъ, идущихъ среди печальнаго мрака изъ-подъ сѣрыхъ, однообразныхъ вороховъ...

— На дворъ выттить, что ль? — говоритъ Меркуловъ самому себѣ вслухъ и медленно идетъ къ дверямъ.

На дворѣ — густая темень, и льетъ, не переставая, мелкій, частый дождь. На другомъ концѣ двора едва обрисовывается рядъ слабо освѣщенныхъ оконъ: это казармы пятнадцатой и шестнадцатой ротъ. Дождикъ глухо барабанитъ по крышѣ, стучитъ въ оконныя стекла, стучитъ по меркуловской фуражкѣ. Гдѣ-то вблизи вода бѣжитъ со звономъ и торопливымъ журчаніемъ изъ жолоба и потомъ плещется по какимъ-то камнямъ. Сквозь этотъ шумъ Меркулову слышатся порою странные звуки! Точно кто-то идетъ къ нему вдоль казарменной стѣны, часто и тяжело шлепая по лужамъ ногами. Меркуловъ оборачивается въ эту сторону и напрягаетъ зрѣніе. Шлепанье тотчасъ же прекращается. Но едва Меркуловъ отвернется, какъ опять начинаютъ шлепать по водѣ грузные, спѣшные шаги. «Мерещится!» — рѣшаетъ Меркуловъ и подымаетъ кверху голову,

подставляя лицо подъ частыя капли... На небѣ нѣтъ ни одной звѣзды...

Вругъ рядомъ, въ казармѣ тринадцатой роты, быстро раскрывается наружу входная дверь, и дверной блокъ пронзительно взвизгиваетъ на весь дворъ. На секунду въ слабомъ свѣтѣ распахнутой двери мелькаетъ фигура солдата въ шинели и въ шапкѣ. Но дверь тотже захлопнулась, увлекаемая снова взвизгнувшимъ блокомъ, и въ темнотѣ нельзя даже опредѣлить ея мѣста. Вышедшій изъ казармы солдатъ стоитъ на крыльцѣ; слышно, какъ онъ крякаетъ отъ свѣжаго воздуха и сильно потираетъ руками одна о другую.

«Тоже дневальный, должно-быть», — думаетъ Меркуловъ, и его страстно тянетъ подойти къ этому бодрствующему, живому человѣку, посмотрѣть на его лицо или хоть послушать его голосъ.

— Эй, землячокъ! — окликаетъ Меркуловъ невидимаго въ темнотѣ солдата. — А нѣтъ ли у васъ, землячокъ, спички?

— Кажись, должны быть, — отвѣчаетъ съ крыльца глухой и сиплый голосъ. — Постой... я сейчасъ...

И Меркуловъ слышитъ, какъ солдатъ долго охлопываетъ себя по карманамъ, и какъ наконецъ тарахтятъ въ коробкѣ найденныя спички.

Оба солдата сходятся на серединѣ между обѣими казармами, у колодца, отыскивая другъ друга по звуку сапогъ, шлепающихъ по мокрой, скользкой глинѣ.

— Вотъ вамъ спички, — говоритъ солдатъ, и такъ какъ Меркуловъ не можетъ сразу найти его протянутой руки, то онъ слегка погромыхиваетъ коробкой.

Но Меркулову спички вовсе не нужны, — онъ не куритъ, — ему только хотѣлось хоть минуту побыть около живого человѣка, не охваченнаго этой странной, сверхъ естественной силой сна.

— Спасибо вамъ, — говоритъ Меркуловъ: — мнѣ только парочку. У меня въ казармѣ есть коробка, да вотъ спички-то, признаться, вышли.

Оба солдата заходятъ подъ высокій навѣсъ, устроенный надъ колодцемъ. Меркуловъ для чего-то трогаетъ огромное деревянное колесо, приводящее въ движеніе валъ. Колесо жалобно скрипитъ и дѣлаетъ мягкій размахъ. Солдаты облокачиваются на верхній срубъ колодца и, свѣсивъ внизъ головы, пристально глядятъ въ зіяющую темноту.

— Спать хочется, братецъ мой, — страсть! — говоритъ Меркуловъ и громко зѣваетъ.

Зѣваетъ тотчасъ же и другой солдатъ. Ихъ голоса и зѣвки глухо, раскатисто и усиленно отдаются въ пустотѣ глубокаго колодца.

— Часъ, должно, первый въ началѣ? — спрашиваетъ нехотя, вялымъ голосомъ солдатъ тринадцатой роты. — Вы съ какого года?

По измѣнившемуся звуку голоса Меркуловъ догадывается, что солдатъ повернулся къ нему лицомъ. Повертывается и Меркуловъ, но въ темнотѣ не видитъ даже фигуры своего собесѣдника.

— Я съ девяностаго. А вы?

— И я съ девяностаго. Вы — тоже орлоцкіе?

— Мы — кромскіе, — отвѣчаетъ Меркуловъ. — Наша деревня Мокрые Верхи прозывается. Можетъ, слышали?

— Не... Мы дальніе... мы изъ-подъ самаго Ельца. И скука же, братецъ ты мой! — Послѣднія слова онъ произноситъ вмѣстѣ съ зѣвкомъ, глухимъ, нутрянымъ голосомъ и неразборчиво, такъ что у него выходитъ: «ы гугу ы аатецъ ты мой!»

Оба они замолкаютъ на нѣкоторое время. Солдатъ изъ Ельца плюетъ сквозь зубы прямо въ колодецъ. Проходитъ около десяти секундъ, въ теченіе которыхъ

Меркуловъ съ любопытствомъ прислушивается, наклонивъ голову набокъ. Вдругъ изъ темноты доносится необычно чистый и ясный — точно ударъ двухъ гладкихъ камней другъ о друга — звукъ шлепка.

— И глыбоко же тута! — говоритъ солдатъ изъ Ельца и опять плюетъ въ колодецъ.

— Грѣхъ въ воду плевать. Не годится это, — поучительно замѣчаетъ Меркуловъ и тотчасъ же самъ плюетъ въ свою очередь.

Обоихъ солдатъ чрезвычайно занимаетъ то, что между плевкомъ и звукомъ, раздающимся потомъ изъ колодца, проходитъ такъ много времени.

— А что̀, ежели туда сигануть? — вдругъ спрашиваетъ солдатъ изъ Ельца. — Небось, покамѣсть долетишь, такъ объ стѣнки головой изобьешься?

— Какъ не избиться... Изобьешься, — увѣренно отзывается Меркуловъ. — Въ лучшемъ видѣ изобьешься.

— Бяда! — говоритъ другой солдатъ, и Меркуловъ догадывается, что онъ качаетъ головой.

Опять наступаетъ долгое молчаніе, и опять солдаты плюютъ въ колодецъ. Вдругъ Меркуловъ оживляется.

— Вотъ штука-то была, братецъ мой! Сижу я сейчасъ въ казармѣ и того... задремалъ, должно-быть, немножко... И какой мнѣ это... чудной сонъ приснился.

Ему хочется разсказать свой сонъ со всей прелестью мелкихъ поэтическихъ подробностей, съ чарующимъ ароматомъ родной земли и далекой, привычной, любимой жизни. Но у него выходитъ что-то слишкомъ простое, блѣдное и неинтересное.

— Вижу я, будто бы я, значитъ, у себя въ деревнѣ. И какъ будто бы вечеръ... И все мнѣ скрозь видно... то-есть такъ видно, такъ видно, точно и не во снѣ...

— Н-на... это бываетъ, — равнодушно и небрежно вставляетъ другой солдатъ, почесывая щеку.

— А я самъ, какъ будто бы, ѣду верхомъ на лошади... на меринѣ... Есть у насъ такой меринъ бѣлый, годовъ двадцать ему, небось, будетъ... Можетъ, ужъ поколѣлъ теперь...

— Лошадь видѣть — это означаетъ ложь... Оммавнетъ тебя кто-нибудь, — замѣчаетъ солдатъ.

— А я будто бы ѣду на меринѣ, и все мнѣ скрозь видно... Ну вотъ просто, какъ наяву... То-есть такой это чудный сонъ мнѣ приставился...

— Н-на... разные сны бываютъ, — лѣниво вставляетъ солдатъ. — Одначе прощенья просимъ, — говоритъ онъ, подымаясь со сруба. — У насъ фитьфебель — чортъ, по ночамъ шляется. До свиданья вамъ.

— До свиданьичка... Ночь-то, ночь какая... ахъ, ты, Господи, Боже мой... зги не видно.

Со свѣжаго воздуха казарменная атмосфера въ первыя минуты кажется просто невыносимой. Воздухъ весь пропитанъ тяжелыми человѣческими испареніями, ѣдкимъ дымомъ махорки, кислой затхлостью шинельнаго сукна и густымъ запахомъ невыпеченнаго хлѣба. Люди спятъ неспокойно, мечутся, стонутъ и такъ храпятъ, какъ будто бы имъ каждый вздохъ стòитъ громадныхъ усилій. Когда Меркуловъ проходитъ третьимъ взводомъ, какой-то солдатъ быстро вскакиваетъ и садится на нарахъ. Онъ нѣсколько секундъ дико озирается вокругъ, точно въ недоумѣніи, и долго чавкаетъ губами. Потомъ онъ начинаетъ яростно скрести пятерней: сначала голову, затѣмъ грудь, и вдругъ, точно подкошенный сномъ, мгновенно падаетъ на бокъ. Другой деревяннымъ и хриплымъ голосомъ быстро бормочетъ длинную фразу. Меркуловъ прислушивается съ суевѣрнымъ страхомъ и разбираетъ отдѣльныя слова: «Не обрывай!.. Завяжи узломъ!.. Узломъ завяжи, говорятъ тебѣ!..» Въ бредѣ, раздающемся среди ночи, всегда есть что-то ужасное для Меркулова. Ему ка-

жется, что эти отрывочныя, внезапныя слова произноситъ не человѣкъ, а кто-то другой, незримый, вселившійся въ его душу и овладѣвшій ею.

Часы попрежнему тикаютъ неровно, точно задерживая второй ударъ, но стрѣлки ихъ, повидимому, остались все въ томъ же положеніи. Въ головѣ Меркулова вдругъ проносится ужасное, нелѣпое, фантастическое предположеніе, что, можетъ-быть, время совсѣмъ остановилось, и что цѣлые мѣсяцы, цѣлые года — вѣчно будетъ длиться эта ночь; будутъ такъ же тяжело дышать и бредить спящіе, такъ же тускло будутъ свѣтить умирающіе ночники, такъ же равнодушно и медлительно стучать маятникъ. Это темное, быстрое, непонятное самому Меркулову ощущеніе переполняетъ его душу злобой и тоской. И онъ грозитъ въ пространство крѣпко сжатымъ кулакомъ и шепчетъ, не раскрывая стиснутыхъ челюстей:

— У-у, дьяволы!.. Погодите ужо-тко!

Онъ опять садится на то же самое мѣсто, между печкой и ружейной пирамидкой, и почти тотчасъ же мягко и нѣжно сжимаетъ его виски дремота. «О чемъ? О чемъ я теперь? — спрашиваетъ себя шопотомъ Меркуловъ, зная, что теперь въ его власти вызвать передъ глазами что-то очень пріятное и знакомое. — Ахъ, да! Деревня... рѣчка... А ну-ка, ну-ка... Ну, пожалуйста, ну, прошу тебя...»

И снова змѣится въ зеленой свѣжей травѣ рѣчка, то скрываясь за бархатными холмами, то опять блестя своей зеркальной грудью, снова тянется широкая, черная, изрытая дорога, благоухаетъ талая земля, розовѣетъ вода въ поляхъ, вѣтеръ съ ласковой, теплой улыбкой обвѣваетъ лицо, и снова Меркуловъ покачивается мѣрно взадъ и впередъ на остромъ лошадиномъ хребтѣ, между тѣмъ какъ сзади тащится по дорогѣ соха, перевернутая сошникомъ вверхъ.

Вы сады-ы ль, мои са-ды! —

громко, во всю мочь голоса поетъ Меркуловъ и съ удовольствіемъ думаетъ о томъ, какъ сладко ему будетъ сейчасъ вытянуться усталымъ тѣломъ на высоко взбитой охапкѣ соломы. По обѣимъ сторонамъ дороги идутъ вспаханныя поля, и по нимъ ходятъ, степенно переваливаясь съ боку на бокъ, черно-сизые, блестящіе грачи. Лягушки въ болотцахъ и лужахъ кричатъ дружнымъ, звенящимъ, оглушительнымъ хоромъ. Тонко пахнетъ цвѣтущая верба.

Ахъ, и вы сады-ы ль, мои са-ды!..

Одно только кажется Меркулову страннымъ: какъ-то ужъ неровно идетъ сегодня бѣлый меринъ. Такъ и шатаетъ его изъ стороны въ сторону... Ишь, какъ качнуло. Насилу удержался Меркуловъ, чтобы не полетѣть съ лошади впередъ головой. Нѣтъ, надо усѣсться верхомъ, какъ слѣдуетъ. Пробуетъ Меркуловъ перебросить правую ногу на другую сторону, но нога не шевелится, отяжелѣла — точно къ ней кто привязалъ странную тяжесть. А лошадь такъ и ходитъ, такъ и шатается подъ нимъ. — «Но, ты, чо-ртъ! Заcну-улъ?..»

Меркуловъ стремглавъ падаетъ съ лошадиной спины, съ размаху ударяется лицомъ объ землю и... открываетъ глаза.

— Чортъ! Заснулъ! — кричитъ надъ Меркуловымъ чей-то голосъ.

Меркуловъ вскакиваетъ съ табуретки и растерянно нащупываетъ на головѣ фуражку. Передъ нимъ стоитъ со взлохмаченной головой, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, фельдфебель Тарасъ Гавриловичъ. Это онъ разбудилъ сейчасъ Меркулова, ткнувъ его кулакомъ въ щеку.

— Заснулъ! — повторяетъ грозно фельдфебель. — Ахъ, ты!.. Спать на дневальствѣ? Я т-тебѣ покажу, какъ спать!..

Меркуловъ отшатывается назадъ отъ быстраго удара по скулѣ, встряхиваетъ головой и хрипло бормочетъ:

— Намаялся, господинъ фитфебель...

— А-а! Намаялся? Такъ вотъ, чтобы ты не маялся, будешь еще два раза не въ очередь дневалить. Когда смѣняешься?

— Въ два, господинъ фитьфебель.

— Ахъ, мерзавецъ... Ты и смѣну-то свою проспалъ! Ну!.. Живо, буди очередного... Маршъ!..

Фельдфебель уходитъ. Меркуловъ бѣгомъ бросается къ той нарѣ, гдѣ спитъ очередной дневальный — старый солдатъ Рябошапка. «Спать, спать, спать, спать! — кричитъ въ душѣ Меркулова какой-то радостный, ликующій голосъ. — Два лишнихъ дневальства? Это пустяки, это п о т о м ъ, а теперь спать, спать!..»

— Дядька Рябошапка, а, дядька Рябошапка, — пугающимъ шопотомъ вскрикиваетъ Меркуловъ, теребя за ногу спящаго солдата.

— Мрмр... брайсь...

— Дядька Рябошапка, вставайте... Смѣна...

— Поди ссе...

Безсонница такъ измучила Меркулова, что у него больше не хватаетъ терпѣнія будить Рябошапку. Онъ бѣжитъ къ своему мѣсту на нарахъ, торопливо раздѣвается и протискивается между двумя сосѣдями, которые тотчасъ же грузно, безжизненно наваливаются на него боками.

На секунду встаетъ въ воображеніи Меркулова колодецъ, густая темнота ночи, мелкій дождикъ, журчанье воды, бѣгущей изъ жолоба, и шлепанье по грязи чьихъ-то таинственныхъ ногъ. О! Какъ тамъ теперь холодно, непріятно и жутко... Все тѣло, все существо Меркулова проникается блаженной животной радостью. Онъ

крѣпко прижимаетъ локти къ тѣлу, съеживается, уходитъ поглубже головой въ подушку и шепчетъ самому себѣ:

— Ну, а теперь... поскорѣе — дорогу... дорогу...

Снова передъ его глазами отчетливо и красиво извивается черная изрытая дорога, снова смотрится въ зеркало рѣки нѣжная зелень ветелъ... И внезапно Меркуловъ летитъ со страшной, но пріятной быстротой въ какую-то глубокую, мягкую мглу...

БОЛОТО.

Лѣтній вечеръ гаснетъ. Въ засыпающемъ лѣсу стоитъ гулкая тишина. Вершины огромныхъ строевыхъ сосенъ еще алѣютъ нѣжнымъ отблескомъ догорѣвшей зари, но внизу уже стало темно и сыро. Острый, жаркій, сухой ароматъ смолистыхъ вѣтвей слабѣетъ, зато сильнѣе чувствуется сквозь него приторный запахъ дыма, которымъ тянуло весь день съ дальняго лѣсного пожарища. Неслышно и быстро опускается на землю мягкая сѣверная ночь. Птицы замолчали съ заходомъ солнца. Одни только дятлы еще выбиваютъ лѣниво, точно сквозь сонъ, свою глухую, монотонную дробь.

Вольнопрактикующій землемѣръ Жмакинъ и студентъ Николай Николаевичъ, сынъ небогатой вдовы-помѣщицы Сердюковой, возвращаются со съемки. Итти домой, въ Сердюковку, имъ поздно и далеко: они заночуютъ сегодня въ казенномъ лѣсу, у знакомаго лѣсника — Степана. Узкая тропинка вьется между деревьями, исчезая въ двухъ шагахъ впереди. Высокій и худой землемѣръ идетъ, сгорбившись и опустивъ внизъ голову, — идетъ тѣмъ рѣдкимъ, присѣдающимъ, но размашистымъ шагомъ, какимъ ходятъ привычные къ длиннымъ дорогамъ люди: мужики, охотники и землемѣры. Коротконогій, низенькій и полный студентъ едва поспѣваетъ за нимъ. Онъ вспотѣлъ и тяжело дышитъ открытымъ ртомъ; бѣлая фуражка сбита на затылокъ; рыжеватые спутанные волосы упали на лобъ;

пенснэ сидитъ бокомъ на мокромъ носу. Ноги его то скользятъ и разъѣзжаются по прошлогодней, плотно улежавшейся хвоѣ, то съ грохотомъ цѣпляются за узловатыя корневища, протянувшіяся черезъ дорогу. Землемѣръ отлично видитъ это, но нарочно не убавляетъ шагу. Онъ усталъ, золъ и голоденъ. Затрудненія, испытываемыя студентомъ, доставляютъ ему злорадное удовольствіе.

Землемѣръ Жмакинъ дѣлаетъ, по приглашенію г-жи Сердюковой, упрощенный планъ хозяйства въ ея жиденькихъ, потравленныхъ скотомъ и вырубленныхъ крестьянами лѣсныхъ урочищахъ. Николай Николаевичъ добровольно вызвался помогать ему. Помощникъ онъ старательный и толковый, и характеръ у него самый удобный для компаніи: свѣтлый, ровный, безхитростный и ласковый, только въ немъ много еще осталось чего-то дѣтскаго, что̀ сказывается въ нѣкоторой наивной торопливости и восторженности. Землемѣръ же, наоборотъ, человѣкъ старый, одинокій, подозрительный и черствый. Всему уѣзду извѣстно, что онъ подверженъ тяжелымъ, продолжительнымъ запоямъ, и потому на работу его приглашаютъ рѣдко и платятъ скупо.

Днемъ у него еще кое-какъ ладятся отношенія съ молодымъ Сердюковымъ. Но къ вечеру землемѣръ обыкновенно устаетъ отъ ходьбы и отъ крика, кашляетъ и становится мелочно-раздражительнымъ. Тогда ему снова начинаетъ казаться, что студентъ только притворяется, что его интересуетъ съемка и болтовня съ крестьянами на привалахъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ приставленъ помѣщицей съ тайнымъ наказомъ наблюдать, не пьетъ ли землемѣръ во время работы. И то обстоятельство, что студентъ такъ живо, въ недѣлю, освоился со всѣми тонкостями астролябической съемки, возбуждаетъ ревнивую и оскорбительную за-

вистъ въ Жмакинѣ, который три раза проваливался, держа экзаменъ на частнаго землемѣра. Раздражаетъ старика и неудержимая разговорчивость Николая Николаевича, и его свѣжая, здоровая молодость, и заботливая опрятность въ одеждѣ, и мягкая, вѣжливая уступчивость; но мучительнѣе всего для Жмакина сознаніе своей собственной жалкой старости, грубости, пришибленности и безсильной, несправедливой злости.

Чѣмъ ближе подходитъ дневная съемка къ концу, тѣмъ ворчливѣе и безцеремоннѣе дѣлается землемѣръ. Онъ желчно подчеркиваетъ промахи Николая Николаевича и обрываетъ его на каждомъ шагу. Но въ студентѣ такая бездна молодой, неисчерпаемой доброты, что онъ, повидимому, совершенно неспособенъ обижаться. Въ своихъ ошибкахъ онъ извиняется съ трогательной готовностью, а на угловатыя выходки Жмакина отвѣчаетъ оглушительнымъ хохотомъ, который долго и раскатисто гуляетъ между деревьями. Точно не замѣчая мрачнаго настроенія землемѣра, онъ засыпаетъ его шутками и разспросами съ тѣмъ же веселымъ, немного неуклюжимъ и немного назойливымъ добродушіемъ, съ какимъ жизнерадостный щенокъ теребитъ за ухо большого, стараго, угрюмаго пса.

Землемѣръ шагаетъ молча и понуро. Николай Николаевичъ старается итти рядомъ съ нимъ, но такъ какъ онъ путается между деревьями и спотыкается, то ему часто приходится догонять своего спутника вприпрыжку. Въ то же время, несмотря на одышку, онъ говоритъ громко и горячо, съ оживленными жестами и съ неожиданными выкриками, отъ которыхъ идетъ гулъ по заснувшему лѣсу.

— Я живу въ деревнѣ недолго, Егоръ Иванычъ, — говоритъ онъ, стараясь сдѣлать свой голосъ проникновеннымъ, и убѣдительно прижимаетъ руки къ груди. — И я согласенъ, я абсолютно согласенъ съ вами въ томъ,

что я не знаю деревни. Но во всемъ, что̀ я до сихъ поръ видѣлъ, такъ много трогательнаго, и глубокаго, прекраснаго... Ну да, вы, конечно, возразите, что я молодъ, что я увлекаюсь... Я и съ этимъ готовъ согласиться, но, жестоковыйный практикъ, поглядите на народную жизнь съ философской точки зрѣнія...

Землемѣръ презрительно пожалъ однимъ плечомъ, усмѣхнулся криво и язвительно, но продолжалъ молчать.

— Посмотрите, дорогой Егоръ Иванычъ, какая страшная историческая древность во всемъ укладѣ деревенской жизни. Соха, борона, изба, телѣга — кто ихъ выдумалъ? Никто. Весь народъ скопомъ. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ эти предметы были точка въ точку въ такомъ же видѣ, какъ и теперь. Совсѣмъ такъ же люди тогда и сѣяли, и пахали, и строились. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ!.. Но когда же, въ какія чертовски отдаленныя времена сложился этотъ циклопическій обиходъ? Мы объ этомъ не смѣемъ даже думать, милый Егоръ Иванычъ. Здѣсь мы съ вами проваливаемся въ бездонную пропасть вѣковъ. Мы ровно ничего не знаемъ. Какъ и когда додумался народъ до своей первобытной телѣги? Сколько сотенъ, можетъ-быть, тысячъ лѣтъ ушло на эту творческую работу? Чортъ его знаетъ! — вдругъ крикнулъ во весь голосъ студентъ и торопливо передвинулъ фуражку съ затылка на самые глаза.— Я не знаю, и никто ничего не знаетъ... И такъ — все, чего только ни коснись: одежда, утварь, лапти, лопата, прялка, рѣшето!.. Вѣдь поколѣнія за поколѣніями, милліоны людей послѣдовательно ломали голову надъ ихъ изобрѣтеніемъ. У народа своя медицина, своя поэзія, своя житейская мудрость, свой великолѣпный языкъ, и при этомъ, — замѣтьте, — ни одного имени, ни одного автора! И хотя все это жалко и скудно въ сравненіи съ броне-

носцами и телескопами, но — простите — меня какія-нибудь вилы удивляютъ и умиляютъ несравненно больше!..

— Ту-ру-ру, ти-лю-лю, — запѣлъ фальшиво Жмакинъ и завертѣлъ рукой, подражая шарманщику. — Завели машину. Удивляюсь, какъ это вамъ не надоѣстъ: каждый день одно и то же?

— Нѣтъ, Егоръ Иванычъ, ради Бога! — заторопился студентъ. — Вы только послушайте, только послушайте меня. Мужикъ, куда онъ у себя ни оглянется, на что ни посмотритъ, вездѣ кругомъ него старая-престарая, сѣдая и мудрая истина. Все освѣщено дѣдовскимъ опытомъ, все просто, ясно и практично. А главное — абсолютно никакихъ сомнѣній въ цѣлесообразности труда. Возьмите вы доктора, судью, литератора. Сколько спорнаго, условнаго, скользкаго въ ихъ профессіяхъ! Возьмите педагога, генерала, чиновника, священника...

— Попросилъ бы не касаться религіи, — внушительнымъ басомъ замѣтилъ Жмакинъ.

— Ахъ, не въ этомъ дѣло, Егоръ Иванычъ, — нетерпѣливо и досадливо замахалъ рукой Сердюковъ. — Возьмите наконецъ прокурора, художника, музыканта. Я ничего не говорю, все это лица почтенныя. Но каждому изъ нихъ, навѣрное, хоть разъ приходила въ голову мысль: а вѣдь, чортъ побери, такъ ли ужъ нуженъ человѣчеству мой трудъ, какъ это кажется? У мужика же все удивительно стройно и ясно. Если ты весною посѣялъ, то зимою ты сытъ. Корми лошадь, и она тебя прокормитъ. Что̀ можетъ быть вѣрнѣе и проще? И вотъ этого самаго практическаго мудреца извлекаютъ за шиворотъ изъ нѣдръ его удобопонятной жизни и тычутъ лицомъ къ лицу съ цивилизаціей. «Въ силу статьи такой-то и на основаніи кассаціоннаго рѣшенія за номеромъ такимъ-то, крестьянинъ Иванъ Си-

доровъ, нарушившій интересы черезполоснаго владѣнія, приговаривается», и такъ далѣе. Иванъ Сидоровъ на это весьма резонно отвѣчаетъ: «Ваше благородіе, да вѣдь еще наши дѣды-прадѣды пахали по эту вербу, вотъ и пень отъ нея остался» Но тогда является на сцену землемѣръ Егоръ Иванычъ Жмакинъ.

— Прошу безъ намековъ по моему адресу, — обидчиво прервалъ Жмакинъ.

— Является... ну, скажемъ, землемѣръ Сердюковъ, если это вамъ больше нравится, и изрекаетъ: «Линія А В, отграничивающая владѣнія Ивана Сидорова, идетъ по румбу зюйдъ-остъ, сорокъ градусовъ тридцать минутъ». Очевидно, что Иванъ Сидоровъ, совмѣстно съ дѣдомъ и прадѣдомъ, запахалъ чужую землю. И вотъ Иванъ Сидоровъ сидитъ въ кутузкѣ, сидитъ совершенно правильно, по всѣмъ статьямъ уложенія о наказаніяхъ, но все-таки онъ ровно ничего не понимаетъ и хлопаетъ глазами. Что̀ значитъ для него вашъ румбъ въ сорокъ градусовъ, если онъ съ молокомъ матери всосалъ убѣжденіе, что чужой земли на свѣтѣ не бываетъ, а что вся земля Божья?..

— Къ чему вы все это выражаете? — угрюмо спросилъ Жмакинъ.

— Или вотъ еще: гонятъ Ивана Сидорова на военную службу, — горячо продолжалъ Сердюковъ, не слушая землемѣра. — И вотъ дядька учитъ его: «Доверни прикладъ, втяни животъ, дѣлай — рразъ! Подавайся всѣмъ корпусомъ упередъ...» Да позвольте же, господа! Я самъ прослужилъ отечеству два мѣсяца и охотно вѣрю, что для военной службы эти кунштюки необходимы. Но вѣдь это же для мужика чистая абракадабра, колокольня въ уксусѣ, сапоги всмятку! Какъ хотите, но не можетъ же взрослый человѣкъ, оторванный отъ простой, серьезной и понятной жизни, повѣрить вамъ на слово, что эти фокусы дѣйствительно

необходимы и имѣютъ разумное основаніе. И, конечно, онъ глядитъ на васъ, какъ баранъ на новыя ворота.

— Не довольно ли на сегодняшній разъ, Николай Николаевичъ? — сказалъ землемѣръ. — Мнѣ, по правдѣ говоря, надоѣла уже эта антимонія. Что-то вы такое изъ себя хотите изобразить, но толку у васъ ничего не выходитъ. Какого-то донъ-жуана изъ себя строите! И къ чему весь этотъ разговоръ, не понимаю я.

Огибавшій кустъ студентъ рысцой догналъ мрачно шагавшаго землемѣра.

— Вотъ вы сегодня утромъ говорили, что мужикъ глупъ, что мужикъ лѣнивъ, мужика надо драть, мужикъ раздурачился. Говорили вы это съ ненавистью и потому, конечно, были несправедливѣе, чѣмъ хотѣли бы. Но поймите же, дорогой Егоръ Иванычъ, что у насъ съ мужикомъ разныя измѣренія: онъ съ трудомъ постигаетъ третье, а мы уже начинаемъ предчувствовать четвертое. Сказать, что мужикъ глупъ! Послушайте, какъ онъ говоритъ о погодѣ, о лошади, о сѣнокосѣ. Чудесно: просто, мѣтко, выразительно, каждое слово взвѣшено и прилажено... Но послушайте вы того же мужика, когда онъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ былъ въ городѣ, какъ заходилъ въ театръ и какъ по-благородному провелъ время въ трактирѣ съ машиной... Какія хамскія выраженія, какія дурацкія, исковерканныя слова, что̀ за подлый, лакейскій языкъ. Господа, нельзя же такъ! — воскликнулъ студентъ, обращаясь въ пространство и разводя руками съ такимъ видомъ, какъ будто весь лѣсъ былъ наполненъ слушателями. — Ну да, я знаю, мужикъ бѣденъ, невѣжественъ, грязенъ... Но дайте же ему вздохнуть. У него отъ вѣчной натуги грыжа, — историческая, соціальная грыжа. Накормите его, вылѣчите, выучите грамотѣ, а не пришибайте его вашимъ четвертымъ измѣреніемъ. Потому что я твердо увѣренъ, что, пока вы не просвѣтите народа,

всѣ ваши кассаціонныя рѣшенія, румбы, нотаріусы и сервитуты будутъ для него мертвыми словами четвертаго измѣренія!..

Жмакинъ вдругъ рѣзко остановился и повернулся къ студенту.

— Николай Николаевичъ! Да прошу же я васъ, наконецъ! — воскликнулъ онъ плачущимъ, бабьимъ голосомъ. — Такъ вы много разговариваете, что терпѣніе мое лопнуло. Не могу я больше, не желаю!.. Кажется, интеллигентный человѣкъ, а не понимаете такой простой вещи. Ну, говорили бы дома или съ товарищемъ своимъ. А какой же я вамъ товарищъ, спрашивается? Вы сами по себѣ, я самъ по себѣ и... и не желаю я этихъ разговоровъ. Имѣю полное право...

Николай Николаевичъ бокомъ, поверхъ стеколъ пенснэ, поглядѣлъ на Жмакина. У землемѣра было необыкновенное лицо: спереди узкое, длинное и острое до карикатурности, но широкое и плоское, если глядѣть на него сбоку, — лицо безъ фаса, а съ однимъ только профилемъ и съ унылымъ, висячимъ носомъ. И въ мягкомъ отчетливомъ сумракѣ поздняго вечера студентъ увидѣлъ на этомъ лицѣ такое скучное, тяжелое и сердитое отвращеніе къ жизни, что у него сердце заныло мучительной жалостью. Сразу, съ какой-то проникновенною, больною ясностью онъ вдругъ понялъ и почувствовалъ въ самомъ себѣ всю ту мелочность, ограниченность и безцѣльное недоброжелательство, которыя наполняли скудную и одинокую душу этого неудачника.

— Да вы не сердитесь, Егоръ Иванычъ, — сказалъ онъ примирительно и смущенно. — Я не хотѣлъ васъ обидѣть. Какой вы раздражительный!

— Раздражительный, раздражительный, — съ безтолковою злостью подхватилъ Жмакинъ. — Вполнѣ станешь раздражительнымъ. Не люблю я этихъ разго-

воровъ... вотъ что̀... Да и вообще, какая я вамъ компанія? Вы человѣкъ образованный, аристократъ, а я что̀? Сѣрое существо, и ничего больше.

Студентъ разочарованно замолчалъ. Ему всегда становилось грустно, когда онъ въ жизни натыкался на грубость и несправедливость. Онъ отсталъ отъ землемѣра и молча шелъ за нимъ, глядя ему въ спину. И даже эта согнутая, узкая, жесткая спина, казалось, безъ словъ, но съ мрачною выразительностью говорила о нелѣпо и жалко проволочившейся жизни, о нескончаемомъ рядѣ пошлыхъ обидъ судьбы, объ упрямомъ и озлобленномъ самолюбіи...

Въ лѣсу совсѣмъ стемнѣло, но глазъ, привыкшій къ постепенному переходу отъ свѣта къ темнотѣ, различалъ вокругъ неясные, призрачные силуэты деревьевъ. Былъ тихій, дремотный часъ между вечеромъ и ночью. Ни звука ни шороха не раздавалось въ лѣсу, и въ воздухѣ чувствовался тягучій, медвяный травяной запахъ, плывшій съ далекихъ полей.

Дорога шла внизъ. На поворотѣ въ лицо студента вдругъ пахнуло, точно изъ глубокаго погреба, сырымъ холодкомъ.

— Осторожнѣе, здѣсь болото, — отрывисто и не оборачиваясь, сказалъ Жмакинъ.

Николай Николаевичъ только теперь замѣтилъ, что ноги его ступали неслышно и мягко, какъ по ковру. Вправо и влѣво отъ тропинки шелъ невысокій путаный кустарникъ, и вокругъ него, цѣпляясь за вѣтки, колеблясь и вытягиваясь, бродили разорванные неясно-бѣлые клочья тумана. Странный звукъ неожиданно пронесся по лѣсу. Онъ былъ протяженъ, низокъ и гармонично-печаленъ и, казалось, выходилъ изъ-подъ земли. Студентъ сразу остановился и затрясся на мѣстѣ отъ испуга.

— Что̀ это, что̀? — спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Выпь, — коротко и угрюмо отвѣтилъ землемѣръ. — Идемте, идемте. Это плотина.

Теперь ничего нельзя было разобрать. И справа и слѣва туманъ стоялъ сплошными бѣлыми мягкими пеленами. Студентъ у себя на лицѣ чувствовалъ его влажное и липкое прикосновенiе. Впереди равномѣрно колыхалось темное расплывающееся пятно: это была спина шедшаго впереди землемѣра. Дороги не было видно, но по сторонамъ отъ нея чувствовалось болото. Изъ него подымался тяжелый запахъ гнилыхъ водорослей и сырыхъ грибовъ. Почва плотины пружинилась и дрожала подъ ногами, и при каждомъ шагѣ гдѣ-то сбоку и внизу раздавалось жирное хлюпанье просачивающейся тины.

Землемѣръ вдругъ остановился. Сердюковъ съ размаху уткнулся лицомъ ему въ спину.

— Тише. Экъ васъ несетъ! — сердито огрызнулся Жмакинъ. — Подождите, я покричу лѣсника. Еще ухнешь, пожалуй, въ эту чортову трясину.

Онъ приложилъ ладони трубой ко рту и закричалъ протяжно:

— Степ-а-анъ!

Уходя въ мягкую бездну тумана, голосъ его звучалъ слабо и безцвѣтно, точно онъ отсырѣлъ въ мокрыхъ болотныхъ испаренiяхъ.

— А чортъ его знаетъ, куда тутъ итти! — злобно проворчалъ, стиснувъ зубы, землемѣръ. — Впору хоть на четвереинькахъ ползти. Степ-а-анъ! — крикнулъ онъ еще разъ раздраженнымъ и плачущимъ голосомъ.

— Степанъ! — поддержалъ отрывистымъ и глухимъ басомъ студентъ.

Они долго кричали по очереди, кричали до тѣхъ поръ, пока въ страшномъ отдаленiи отъ нихъ туманъ не засвѣтился въ одномъ мѣстѣ большимъ желтымъ безформеннымъ сiянiемъ. Но это свѣтящееся мутное

пятно, казалось, не приближалось къ нимъ, а медленно раскачивалось влѣво и вправо.

— Степанъ, ты, что ли? — крикнулъ въ эту сторону землемѣръ.

— Гопъ-гопъ! — отозвался изъ безконечной дали задушевный голосъ. — Никакъ Егоръ Иванычъ?

Мутное пятно въ одно мгновеніе приблизилось, разрослось, весь туманъ вокругъ сразу засіялъ золотымъ дымнымъ свѣтомъ, чья-то огромная тѣнь заметалась въ освѣщенномъ пространствѣ, и изъ темноты вдругъ вынырнулъ маленькій человѣкъ съ жестянымъ фонаремъ въ рукахъ.

— Такъ и есть, онъ самый, — сказалъ лѣсникъ, подымая фонарь на высоту лица. — А это кто съ вами? Никакъ сердюковскій барчукъ? Здравія желаемъ, Миколай Миколаичъ. Должно, ночевать будете? Милости просимъ. А я-то думаю себѣ: кто такой кричитъ? Ружье захватилъ на всякій случай.

Въ желтомъ свѣтѣ фонаря лицо Степана рѣзко и выпукло выдѣлялось изъ мрака. Все оно сплошь заросло русыми, курчавыми, мягкими волосами бороды, усовъ и бровей. Изъ этого лѣса выглядывали только маленькіе голубые глаза, вокругъ которыхъ лучами расходились тонкія морщинки, придававшія имъ всегдашнее выраженіе ласковой, усталой и въ то же время дѣтской улыбки.

— Такъ пойдемте, — сказалъ Степанъ и, повернувшись, вдругъ исчезъ, какъ будто растаялъ въ туманѣ. Большое желтое пятно его фонаря закачалось низко надъ землей, освѣщая кусочекъ узкой тропинки.

— Ну, что̀, Степанъ, все еще трясетъ тебя? — спросилъ Жмакинъ, идя вслѣдъ за лѣсникомъ.

— Все трясетъ, батюшка Егоръ Иванычъ, — отвѣтилъ издалека голосъ невидимаго Степана. — Днемъ еще крѣпимся понемногу, а какъ вечеръ, такъ и пошло

трясти. Да вѣдь, Егоръ Иванычъ, ничего не подѣлаешь... Привыкли мы къ этому.

— А Марьѣ не лучше?

— Гдѣ ужъ тамъ лучше. И жена и ребятишки всѣ извелись, просто бѣда. Грудной еще ничего покуда, да къ нимъ, конечно, не пристанетъ... А мальчонку, вашего крестника, на прошлой недѣлѣ свезли въ Никольское... Это ужъ мы третьяго по счету схоронили... Позвольте-ка, Егоръ Иванычъ, я вамъ посвѣчу. Поосторожнѣе тутъ.

Сторожка лѣсника, какъ успѣлъ замѣтить Николай Николаевичъ, была поставлена на сваяхъ, такъ что между ея поломъ и землею оставалось свободное пространство, аршина въ два высотою. Раскосая, крутая лѣстница вела на крыльцо. Степанъ свѣтилъ, поднявъ фонарь надъ головой, и, проходя мимо него, студентъ замѣтилъ, что лѣсникъ весь дрожитъ мелкой, ознобной дрожью, ежась въ своемъ сѣромъ форменномъ кафтанѣ и пряча голову въ плечи.

Изъ отворенной двери пахнуло теплымъ, прѣлымъ воздухомъ мужичьяго жилья вмѣстѣ съ кислымъ запахомъ дубленыхъ полушубковъ и печенаго хлѣба. Землемѣръ первый шагнулъ черезъ порогъ, низко согнувшись подъ притолкой.

— Здравствуй, хозяюшка! — сказалъ онъ привѣтливо и развязно.

Высокая, худая женщина, стоявшая у открытаго устья печи, слегка повернулась въ сторону Жмакина, сурово и безмолвно поклонилась, не глядя на него, и опять закопошилась у шестка. Изба у Степана была большая, но закопченная, пустая и холодная и потому производила впечатлѣніе заброшеннаго, нежилого мѣста. Вдоль двухъ темныхъ бревенчатыхъ стѣнъ, сходясь къ переднему углу, шли узкія и высокія дубовыя скамейки, неудобныя ни для лежанья, ни для сидѣнья. Передній

уголъ былъ занятъ множествомъ совершенно черныхъ образовъ, а вправо и влѣво висѣли, приклеенныя къ стѣнамъ хлѣбнымъ мякишемъ, извѣстныя лубочныя картины: страшный судъ со множествомъ зеленыхъ чертей и бѣлыхъ ангеловъ съ овечьими лицами, притча о Богатомъ и Лазарѣ, ступени человѣческой жизни, русскій хороводъ. Весь противоположный уголъ, тотъ, что̀ былъ сейчасъ же влѣво отъ входа, занимала большая печь, разъѣхавшаяся на треть избы. Съ нея глядѣли, свѣсившись внизъ, двѣ дѣтскія головки, съ такими бѣлыми, выгорѣвшими на солнцѣ волосами, какіе бываютъ только у деревенскихъ ребятишекъ. Наконецъ у задней стѣны стояла широкая, двухспальная кровать съ краснымъ ситцевымъ пологомъ. На ней, далеко не доставая ногами до пола, сидѣла дѣвочка лѣтъ десяти. Она качала скрипучую дѣтскую люльку и съ испугомъ въ огромныхъ свѣтлыхъ глазахъ глядѣла на вошедшихъ.

Въ углу, передъ образомъ, стоялъ пустой столъ, и надъ нимъ на металлическомъ прутѣ спускалась съ потолка висячая убогая лампа съ чернымъ отъ копоти стекломъ. Студентъ присѣлъ около стола, и тотчасъ же ему стало такъ скучно и тяжело, какъ будто бы онъ уже пробылъ здѣсь много-много часовъ въ томительномъ и вынужденномъ бездѣйствіи. Отъ лампы шелъ керосиновый чадъ, и запахъ его вызвалъ въ умѣ Сердюкова какое-то далекое, смутное, какъ сонъ, воспоминаніе. Гдѣ и когда это было? Онъ сидѣлъ одинъ въ пустой, сводчатой, гулкой комнатѣ, похожей на коридоръ; пахло ѣдкимъ чадомъ керосиновой лампы; за стѣной съ усыпляющимъ звономъ, капля по каплѣ, падала вода на чугунную плиту, а въ душѣ Сердюкова была такая длительная, сѣрая, терпѣливая скука.

— Поставь намъ самоварчикъ, Степанъ, и взбодри яишенку, — приказалъ Жмакинъ.

— Сейчасъ, батюшка Егоръ Иванычъ, сейчасъ, — засуетился Степанъ. — Марья, — неувѣренно обратился онъ къ женѣ: — какъ бы ты тамъ постаралась самоваръ? Господа будутъ чай пить.

— Да ужъ ладно. Не толкись, толкачъ, — съ неудовольствіемъ отозвалась Марья.

Она вышла въ сѣни. Землемѣръ покрестился на образа и сѣлъ за столъ. Степанъ помѣстился поодаль отъ господъ, на самомъ краю скамейки, тамъ, гдѣ стояли ведра съ водой.

— А я думаю себѣ, кто такой кричитъ? — началъ добродушно Степанъ. — Ужъ не лѣсничій ли нашъ? Да нѣтъ, думаю, куда ему ночью, — онъ ночью и дороги сюда не найдетъ. Чудно̀й онъ у насъ баринъ. Непременно, чтобы ему лѣсники ружьемъ на караулъ дѣлали, по-солдатски. Первое для него удовольствіе. Выйдешь съ ружьемъ и, конечно, рапортуешь: «Ваше-скородіе, во ввѣренномъ мнѣ обходѣ чернятинской лѣсной дачи все обстоитъ благополучно»... Ну, а впрочемъ, баринъ ничего, справедливый. А что касаемо, что дѣвокъ онъ портитъ, ну, это, конечно, не наше дѣло...

Онъ замолчалъ. Слышно было, какъ рядомъ, въ сѣняхъ, Марья со звономъ накладывала угли въ самоваръ, какъ на печкѣ громко дышали дѣти. Люлька продолжала скрипѣть монотонно и жалобно. Сердюковъ вглядѣлся внимательнѣе въ лицо дѣвочки, сидѣвшей на кровати, и оно поразило его своею болѣзненною красотой и необычайнымъ, непередаваемымъ выраженіемъ. Черты этого лица, несмотря на нѣкоторую одутловатость щекъ, были такъ нѣжны и тонки, что казались нарисованными безъ тѣней и безъ красокъ на прозрачномъ фарфорѣ, и тѣмъ ярче выступали среди нихъ неестественно большіе, свѣтлые, прекрасные глаза, которые глядѣли съ задумчивымъ и наивнымъ удивле-

ніемъ, какъ глаза у святыхъ дѣвственницъ на картинахъ прерафаэлитовъ.

— Какъ тебя зовутъ, красавица? — спросилъ ласково студентъ.

Большеглазая дѣвочка закрыла лицо руками и быстро спряталась за пологъ.

— Боится. Ну, чего ты, глупая? — сказалъ Степанъ, точно извиняясь за дочь. Онъ неловко и добродушно улыбнулся, отчего все его лицо ушло въ бороду и стало похоже на свернувшагося клубкомъ ежа. — Варей ее звать. Да ты не бойся, дурочка, баринъ добрый, — успокаивалъ онъ дѣвочку.

— И она тоже больна? — спросилъ Николай Николаевичъ.

— Что-съ? — переспросилъ Степанъ. Густая щетина на его лицѣ разошлась, и опять изъ нея выглянули добрые, усталые глаза. — Больная, вы спрашиваете? Всѣ мы тутъ больные. И жена, и эта вотъ, и тѣ, что̀ на печкѣ. Всѣ. Во вторникъ третье дитя похоронили. Конечно, мѣстность у насъ сырая, это главное. Трясемся вотъ, и шабашъ!..

— Лѣчились бы, — сказалъ, покачавъ головой, студентъ. — Зайди какъ-нибудь ко мнѣ въ Сердюковку, я хины дамъ.

— Спасибо, Миколай Миколаевичъ, дай вамъ Богъ здоровья. Пробовали мы лѣчиться, да что-то ничего не выходитъ, — безнадежно развелъ руками Степанъ. — Трое вотъ, конечно, умерли у меня... Главная сила, мокреть здѣсь, болото, ну. и духъ отъ него тяжелый, ржавый.

— Отчего же вы не переведетесь куда-нибудь въ другое мѣсто?

— Чего-съ? Да, въ другое мѣсто, вы сказываете? — опять переспросилъ Степанъ. Казалось, онъ не сразу понималъ то, что̀ ему говорятъ, и съ видимымъ уси-

ліемъ, точно стряхивая съ себя дремоту, направлялъ на слова Сердюкова свое вниманіе. — Оно бы, баринъ, чего лучше перевестись. Да вѣдь все равно, кому-нибудь и здѣсь жить надо. Дача, конечно, аграматная, и безъ лѣсника никакъ невозможно. Не мы — такъ другіе. До меня въ этой самой сторожкѣ жилъ лѣсникъ Галактіонъ, трезвый былъ такой человѣкъ, самостоятельный... Ну, конечно, похоронилъ сначала двоихъ ребятокъ, потомъ жену, а потомъ и самъ померъ. Я такъ полагаю, Миколай Миколаичъ, что это все равно, гдѣ жить. Ужъ Батюшка, Царь небесный, Онъ лучше знаетъ, кому гдѣ надлежитъ жить и что̀ дѣлать.

Марья вошла съ самоваромъ, отворивъ и затворивъ за собою дверь локтемъ.

— Усѣлся, трутень безмедовый! — накинулась она на Степана. — Подай хоть чашки-то!..

Она съ такою силой поставила на столъ самоваръ, точно хотѣла бросить его. Лицо у нея было не по лѣтамъ старое, изможденное, землистаго цвѣта; на щекахъ сквозь кору мелкихъ, частыхъ морщинъ горѣлъ нездоровый кирпичный румянецъ, а глаза неестественно сильно блестѣли. Съ такимъ же сердитымъ видомъ она швырнула на столъ чашки, блюдечки и коровай хлѣба.

Сердюковъ отказался отъ чая. Онъ сидѣлъ разстроенный, недоумѣвающій, удрученный всѣмъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ сегодня. Мелочное, безсильно-язвительное недоброжелательство землемѣра, тихая покорность Степана передъ таинственной и жестокой судьбой, молчаливое раздраженіе его жены, видъ дѣтей, медленно, одинъ за другимъ, умирающихъ отъ болотной лихорадки, — все это сливалось въ одно гнетущее впечатлѣніе, похожее на болѣзненную, колючую, виноватую жалость, которую мы чувствуемъ, глядя пристально въ глаза умной больной собаки или въ печальные глаза

идіота, которая овладѣваетъ нами, когда мы слышимъ или читаемъ про добрыхъ, ограниченныхъ и обманутыхъ людей. И здѣсь, казалось Сердюкову, въ этой бѣдной, узкой и скучной жизни, былъ чей-то злой и несправедливый обманъ.

Землемѣръ молча пилъ чашку за чашкой и жадно ѣлъ хлѣбъ, откусывая прямо отъ ломтя большими полукруглыми кусками. Во время ѣды связки сухожилій ходили у него подъ скулами, точно пучки струнъ, обтянутыхъ тонкою кожей, а глаза глядѣли равнодушно и тускло, какъ глаза жующаго животнаго. Изъ всей семьи только одинъ Степанъ согласился, послѣ долгихъ уговоровъ, выпить чашку чаю. Онъ пилъ ее долго и шумно, дуя на блюдечко, вздыхая и съ трескомъ грызя сахаръ. Окончивъ чай, онъ перекрестился, перевернулъ чашку вверхъ дномъ, а оставшійся у него въ рукахъ крошечный кусочекъ сахару бережливо положилъ обратно въ засиженную мухами жестяную коробочку.

Вяло и тоскливо тянулось время, и Сердюковъ думалъ о томъ, какъ много еще будетъ впереди скучныхъ и длинныхъ вечеровъ въ этой душной избѣ, затерявшейся одинокимъ островкомъ въ морѣ сырого, ядовитаго тумана. Потухавшій самоваръ вдругъ запѣлъ тонкимъ воющимъ голосомъ, въ которомъ слышалось привычное безысходное отчаяніе. Люлька не скрипѣла больше, но въ углу за печкой однообразно, черезъ правильные промежутки, кричалъ, навѣвая дремоту, сверчокъ. Дѣвочка, сидѣвшая на кровати, уронила руку между колѣнъ и задумчиво, какъ очарованная, глядѣла на огонь лампы. Ея громадные, съ неземнымъ выраженіемъ глаза еще больше расширились, а голова склонилась набокъ съ безсознательной и покорной граціей. О чемъ думала она, что̀ чувствовала, глядя такъ пристально на огонь? Временами ея худенькія ручки тянулись въ долгой, лѣнивой истомѣ, и тогда въ ея глазахъ

мелькала на мгновеніе странная, едва уловимая улыбка, въ которой было что-то лукавое, нѣжное и ожидающее: точно она знала, тайкомъ отъ остальныхъ людей, о чемъ-то сладкомъ, болѣзненно-блаженномъ, что̀ ожидало ее въ тишинѣ и въ темнотѣ ночи. И въ голову студента пришла странная, тревожная, почти суевѣрная мысль о таинственной власти болѣзни надъ этой семьей. Глядя въ необыкновенные глаза дѣвочки, онъ думалъ о томъ, что, можетъ-быть, для нея не существуетъ обыкновенной, будничной жизни. Медленно и равнодушно проходитъ для нея длинный день, съ его однообразными заботами, съ его безпокойнымъ шумомъ и суетой, съ его назойливымъ свѣтомъ. Но наступаетъ вечеръ, и вотъ, вперивъ глаза въ огонь, дѣвочка томится нетерпѣливымъ ожиданіемъ ночи. А ночью духъ неизлѣчимой болѣзни, измозжившій слабое дѣтское тѣло, овладѣваетъ ея маленькимъ мозгомъ и окутываетъ его дикими, мучительно-блаженными грезами...

Гдѣ-то давнымъ-давно Сердюковъ видѣлъ сепію извѣстнаго художника. Картина эта такъ и называлась «Малярія». На краю болота, около воды, въ которой распустились бѣлыя кувшинки, лежитъ дѣвочка, широко разметавъ во снѣ руки. А изъ болота, вмѣстѣ съ туманомъ, теряясь въ немъ легкими складками одежды, подымается тонкій, неясный призракъ женской фигуры съ огромными дикими глазами и медленно, страшно медленно тянется къ ребенку. Сердюковъ вспомнилъ вдругъ эту забытую картину и тотчасъ же почувствовалъ, какъ мистическій страхъ холодною щеткой проползъ у него по спинѣ отъ затылка до поясницы.

— Ну-съ, въ Америкѣ такой обычай: посидятъ-посидятъ, да и спать, — сказалъ землемѣръ, вставая со стула. — Стели-ка намъ, Марья.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Дѣвочка заложила за голову сцѣпленные пальцы рукъ и сильно потянулась

всѣмъ тѣломъ. Она зажмурила глаза, но губы ея улыбались радостно и мечтательно. Зѣвая и потягиваясь, Марья принесла двѣ большихъ охапки сѣна. Съ лица ея сошло сердитое выраженіе, блестящіе глаза смотрѣли мягче, и въ нихъ было то же странное выраженіе нетерпѣливаго и томнаго ожиданія.

Покуда она сдвигала лавки и стелила на нихъ сѣно, Николай Николаевичъ вышелъ на крыльцо. Ни впереди ни по сторонамъ ничего не было видно, кромѣ плотнаго, сѣраго, влажнаго тумана, и высокое крыльцо, казалось, плавало въ немъ, какъ лодка въ морѣ. И когда онъ вернулся обратно въ избу, то его лицо, волосы и одежда были холодны и мокры, точно они насквозь пропитались ѣдкимъ болотнымъ туманомъ.

Студентъ и землемѣръ легли на лавки, головами подъ образа и ногами врозь. Степанъ устроился на полу, около печки. Онъ потушилъ лампу, и долго было слышно, какъ онъ шепталъ молитвы и, кряхтя, укладывался. Потомъ откуда-то прошмыгнула на кроват Марья, безшумно ступая босыми ногами. Въ избѣ было тихо. Только сверчокъ однообразно, черезъ каждыя пять секундъ, издавалъ свое монотонное, усыпляющее цырканье, да муха билась объ оконное стекло и настойчиво жужжала, точно повторяя все одну и ту же докучную, безконечную жалобу.

Несмотря на усталость, Сердюковъ не могъ заснуть. Онъ лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами и прислушиваясь къ осторожнымъ ночнымъ звукамъ, которые въ темнотѣ, во время безсонницы, пріобрѣтаютъ такую странную отчетливость. Землемѣръ заснулъ почти мгновенно. Онъ дышалъ открытымъ ртомъ, и казалось, что при каждомъ вздохѣ у него въ горлѣ лопалась тоненькая перепонка, сквозь которую быстро и сразу прорывался задержанный воздухъ. Дѣвочка, лежавшая на кровати рядомъ съ матерью, вдругъ про-

говорила торопливо и неясно длинную фразу... Двое дѣтей на печкѣ дышали часто и усиленно, точно стараясь сдунуть со своихъ губъ палящій лихорадочный зной... Степанъ тихо, протяжно стоналъ при каждомъ вздохѣ.

— М-а-а-мка, пи-и-ить! — капризно и сонно запросилъ дѣтскій голосъ.

Марья послушно вскочила съ кровати и зашлепала босыми ногами къ ведру. Студентъ слышалъ, какъ заплескалась вода въ желѣзномъ ковшѣ, и какъ ребенокъ долго и жадно пилъ большими, громкими глотками, останавливаясь, чтобы перевести духъ. И опять все стихло. Размѣренно лопалась въ груди землемѣра тонкая перепонка, жалобно билась о стекло муха, и часто-часто, какъ маленькіе паровозики, дышали дѣтскія грудки. Старшая дѣвочка вдругъ проснулась и сѣла на кровати. Она долго силилась что-то выговорить, но не могла и только стучала зубами въ страшномъ ознобѣ. «Хо-о-ло-дно!» — разслышалъ наконецъ Сердюковъ прерывистые, заикающіеся звуки. Марья со вздохами и нѣжнымъ шопотомъ укутала дѣвочку тулупомъ, но студентъ долго еще слышалъ въ темнотѣ сухое и частое щелканье ея зубовъ.

Сердюковъ напрасно употреблялъ всѣ знакомыя ему средства, чтобы уснуть. Считалъ онъ до ста и далѣе, повторялъ знакомые стихи и jus'ы изъ пандектовъ, старался представить себѣ блестящую точку и волнующуюся поверхность моря. Но испытанныя средства не помогали. Кругомъ часто и жарко дышали больныя груди, и въ душной темнотѣ чудилось таинственное присутствіе кровожаднаго и незримаго духа, который, какъ проклятіе, поселился въ избѣ лѣсника.

Около кровати заплакалъ ребенокъ. Мать спросонья толкнула люльку и, сама борясь съ дремотой,

запѣла подъ жалобный скрипъ веревокъ старинную колыбельную пѣсню:

Аа — аа — аа — а!
И всѣ лю-ю-ди-и спятъ,
И всѣ звѣ-ѣ-ри-и спятъ...

Лѣниво и зловѣще раздавалась въ тишинѣ, переходя изъ полутона въ полутонъ, эта печальная, усыпляющая пѣсня, чѣмъ-то древнимъ, чудовищно-далекимъ вѣяло отъ ея наивной, грубой мелодіи. Казалось, что именно такъ, хотя и безъ словъ, должны были пѣть загадочные и жалкіе полулюди на зарѣ человѣческой жизни, глубоко за предѣлами исторіи. Вымирающіе, подавленные ужасами ночи и своею безпомощностью, сидѣли они голые въ прибрежныхъ пещерахъ, у первобытнаго огня, глядѣли на таинственное пламя и, обхвативъ руками острыя колѣни, качались взадъ и впередъ подъ звуки унылаго, безконечно долгаго, воющаго мотива.

Кто-то постучалъ снаружи въ окно, надъ самой головой студента, который вздрогнулъ отъ неожиданности. Степанъ поднялся съ полу. Онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, чмокалъ губами и, точно жалѣя разстаться съ дремотою, лѣниво чесалъ грудь и голову. Потомъ, сразу очнувшись, онъ подошелъ къ окну, прильнулъ къ нему лицомъ и крикнулъ въ темноту:

— Кто тамъ?

— Гу-у-у, — глухо, черезъ стекло, загудѣлъ чей-то голосъ.

— Въ Кислинской? — спросилъ вдругъ Степанъ невидимаго человѣка. — Ага, слышу. Поѣзжай съ Богомъ, я сейчасъ.

— Что̀? Что̀ такое, Степанъ? — тревожно спросилъ студентъ.

Степанъ шарилъ наугадъ рукой въ печкѣ, ища спичекъ.

— Эхъ... иттить надо-ть, — сказалъ онъ съ сожалѣніемъ. — Ну, да ничего не подѣлаешь... Пожаръ, видишь, перекинулся къ намъ въ Кислинскую дачу, такъ вотъ лѣсничій велѣлъ всѣхъ лѣсниковъ согнать... Сейчасъ объѣзчикъ пріѣзжалъ верхомъ.

Вздыхая, кряхтя и позѣвывая, Степанъ зажегъ лампу и одѣлся. Когда онъ вышелъ въ сѣни, Марья быстро и легко скользнула съ кровати и пошла затворить за нимъ двери. Изъ сѣней вдругъ ворвался въ нагрѣтую комнату вмѣстѣ съ холодомъ, точно чье-то ядовитое дыханіе, гнилой, притворный запахъ тумана.

— Взялъ бы фонарь-то съ собою, — сказала за дверями Марья.

— Чего тамъ! Съ фонаремъ еще хуже дорогу потеряешь, — отвѣтилъ глухо, точно изъ-подъ полу, спокойный голосъ Степана.

Опершись подбородкомъ о подоконникъ, Сердюковъ прижался лицомъ къ стеклу. На дворѣ было темно отъ ночи и сѣро отъ тумана. Изъ отверстій, которыя оставались между рамой и плохо пригнанными стеклами, дулъ острыми, тонкими струйками холодный воздухъ. Подъ окномъ послышались тяжелые, торопливые шаги Степана, но его самого не было видно, — туманъ и ночь поглотили его. Безъ разсужденій, безъ жалобъ, разбитый лихорадкой, онъ всталъ среди ночи и пошелъ въ эту сырую тьму, въ это ужасное, таинственное безмолвіе. Здѣсь было что-то совершенно непонятное для студента. Онъ вспомнилъ сегодняшнюю вечернюю дорогу, мутно-бѣлыя завѣсы тумана по сторонамъ плотины, мягкое колебаніе почвы подъ ногами, низкій протяжный крикъ выпи, — и ему стало нестерпимо, по-дѣтски жутко. Какая загадочная, невѣроятная жизнь копошилась по ночамъ въ этомъ огромномъ, густомъ, мѣстами бездонномъ болотѣ? Какіе уродливые гады извивались и ползали въ немъ между мокрымъ камы-

шомъ и корявыми кустами вербы? А Степанъ шелъ теперь черезъ это болото, совсѣмъ одинъ, тихо повинуясь судьбѣ, безъ страха въ сердцѣ, но дрожа отъ холода, отъ сырости и отъ пожиравшей его лихорадки, отъ той самой лихорадки, которая унесла въ могилу трехъ его дѣтей и, навѣрное, унесетъ остальныхъ. И этотъ простосердечный человѣкъ, съ его наёженной бородой и кроткими, усталыми глазами, былъ теперь непостижимъ, почти жутокъ для Сердюкова.

На студента нашло тяжелое, чуткое забытье. Онъ видѣлъ блѣдные, неясные образы лицъ и предметовъ и въ то же время сознавалъ, что спитъ, и говорилъ себѣ: «Вѣдь это сонъ, это мнѣ только кажется...» Въ смутныхъ и печальныхъ грезахъ мѣшались все тѣ же самыя впечатлѣнія, которыя онъ переживалъ днемъ: съемка въ пахучемъ сосновомъ лѣсу, подъ солнечнымъ припекомъ, узкая лѣсная тропинка, туманъ по бокамъ плотины, изба Степана и онъ самъ съ его женой и дѣтьми. Снилось также Сердюкову, что онъ горячо, до боли въ сердцѣ, споритъ съ землемѣромъ. «Къ чему эта жизнь? — говоритъ онъ со страстными слезами на глазахъ. — Кому нужно это жалкое, нечеловѣческое прозябаніе? Какой смыслъ въ болѣзняхъ и въ смерти милыхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, у которыхъ высасываетъ кровь уродливый болотный вампиръ? Какой отвѣтъ, какое оправданіе можетъ дать судьба въ ихъ страданіяхъ?» Но землемѣръ досадливо морщился и отворачивалъ лицо. Ему давно надоѣли философскіе разговоры. А Степанъ стоялъ тутъ же и улыбался ласково и снисходительно. Онъ тихо покачивалъ головой, какъ будто жалѣя этого нервнаго и добраго юношу, который не понимаетъ, что человѣческая жизнь скучна, бѣдна и противна, и что не все ли равно, гдѣ умереть, — на войнѣ или въ путешествіи, дома или въ гнилой болотной трясинѣ?

И когда Сердюковъ очнулся, то ему показалось, что онъ не спалъ, а только думалъ упорно и безпорядочно объ этихъ вещахъ. На дворѣ уже начиналось утро. Въ туманѣ попрежнему нельзя было ничего разобрать, но онъ былъ уже бѣлаго молочнаго цвѣта и медленно колебался, какъ тяжелая, готовая подняться занавѣсь.

Сердюкову вдругъ жадно, до страданія, захотѣлось увидѣть солнце и вздохнуть яснымъ, чистымъ воздухомъ лѣтняго утра. Онъ быстро одѣлся и вышелъ на крыльцо. Влажная волна густого ѣдкаго тумана, хлынувъ ему въ ротъ, заставила его раскашляться. Низко нагибаясь, чтобы различить дорогу, Сердюковъ перебѣжалъ плотину и быстрыми шагами пошелъ вверхъ. Туманъ садился ему на лицо, смачивалъ усы и рѣсницы, чувствовался на губахъ, но съ каждымъ шагомъ дышать становилось легче и легче. Точно карабкаясь изъ глубокой и сырой пропасти, взбѣжалъ наконецъ Сердюковъ на высокій песчаный бугоръ и задохнулся отъ прилива невыразимой радости. Туманъ лежалъ бѣлой колыхающейся безконечною гладью у его ногъ, но надъ нимъ сіяло глубокое небо, шептались душистыя зеленыя вѣтви, а золотые лучи солнца звенѣли ликующимъ торжествомъ побѣды.

ПОХОДЪ.

Пѣхотный Инсарскій полкъ выступаетъ въ ночной походъ послѣ дневки въ большой деревнѣ Погребищахъ. Въ темнотѣ ненастнаго осенняго вечера идетъ страшная, кипучая и осторожная сутолока. Слышно, какъ вдоль всей широкой и грязной деревенской улицы сотни ногъ тяжело, торопливо, вразбродъ, шлепаютъ по лужамъ, раздаются сердитые, но сдержанные окрики, лязгаетъ и звенитъ желѣзо о желѣзо. Кое-гдѣ мелькаютъ фонари; ихъ желтыя, расплывающіяся въ туманѣ пятна точно сами собой держатся высоко въ воздухѣ, раскачиваясь и вздрагивая.

Солдаты собираются быстро и съ охотой. Утомленные длинными переходами, оборвавшіеся, исхудалые, они рады тому, что завтра съ послѣднимъ корпуснымъ маневромъ кончится давно надоѣвшій лагерный сборъ, и полкъ повезутъ по желѣзной дорогѣ на зимнія квартиры. Хотя днемъ никто не ложился, но всѣ чувствуютъ себя бодро. Той озлобленной, вычурно-скверной ругани, которую только и можно услыхать между матросами, солдатами и арестантами, — сегодня совсѣмъ не слышно.

Подпоручикъ Борисъ Владимировичъ Яхонтовъ, младшій офицеръ седьмой роты, въ первый разъ участвуетъ на большихъ маневрахъ, и они еще не утратили для него своеобразной прелести кочевой жизни. Все

ему продолжаетъ нравиться: ежедневная перемѣна мѣстности, деревень, лицъ и оттѣнковъ въ нарѣчіяхъ; дневки въ опрятныхъ малорусскихъ хатахъ, наполненныхъ душистымъ запахомъ чебреца и полыни, стоящихъ пучками за иконами; ночлеги на голой землѣ, подъ низкой, въ формѣ карточнаго домика, палаткой, сквозь полотно которой нѣжно и неясно серебрятся звѣзды; здоровый аппетитъ на привалахъ подъ затяжнымъ дождемъ, освѣжающимъ тѣло и заставляющимъ щеки пріятно и сильно горѣть. . . Предстоящій сегодня ночной переходъ заранѣе возбуждаетъ Яхонтова своей необычностью. Итти Богъ знаетъ куда, по незнакомымъ мѣстамъ, глухой дождливой ночью, ничего не видя ни впереди ни рядомъ; итти такимъ образомъ не одному, а вмѣстѣ съ тысячью другихъ людей, — представляется ему чѣмъ-то серьезнымъ, немного таинственнымъ, даже жуткимъ, и въ то же время привлекательнымъ.

Вечеромъ онъ провозился надъ отправкой своихъ вещей, опоздалъ въ строй и теперь торопится поспѣть къ ротѣ раньше, чѣмъ его отсутствіе замѣтитъ ротный командиръ. Но найти свою роту ночью гораздо труднѣе, чѣмъ это казалось днемъ, во время пробнаго сбора. На пути то и дѣло попадаются какіе-то заборы и канавы, которыхъ днемъ не было; а ночь такъ темна, что невольно хочется закрыть глаза и итти ощупью, протянувъ впередъ руки, какъ ходятъ слѣпые.

Седьмая рота раньше другихъ подтянулась къ сборному пункту. Послѣдніе запоздавшіе люди, подоткнувъ полы шинелей подъ пояса, сбѣгаются къ строю и протискиваются въ свои ряды, задѣвая товарищей ранцами и гремя мѣдными баклагами о ружейные стволы. Голоса звучатъ глухо, безжизненно и однообразно, точно они выцвѣли, потеряли силу въ этомъ осеннемъ дождѣ.

— Куда прешь? Нешто не видишь, что въ чужой взводъ втесался? Экой какой ты, братецъ, право, косо-

пузый!.. — Да, ну, ворочайся, что̀ ли, орясина. — О, щобъ тоби лысыго батька, трясца твоей матери!..

— И чего ты крутишься, Сѣроштанъ? — укоризненно тонкимъ голоскомъ замѣчаетъ унтеръ-офицеръ Соловьевъ неуклюжему солдатику, который никакъ не попадетъ въ свое мѣсто. — Чего ты все крутишься? Вертитъ тебя, словно навозъ въ проруби, а чего — неизвѣстно. Да обуй глаза-то чо-ортъ!

Нѣкоторые солдаты движеніями плечъ и локтей подкидываютъ на себѣ и поправляютъ удобнѣе ранцы, уминаютъ складки шинелей и туже подпоясываютъ ремни, помогая другъ другу.

— А ну-ка, землякъ, стяни мнѣ сзади шинель! Потуже, потуже, не бойсь, не лопну. Да ты колѣнкой-то, колѣнкой въ спину упрись. О-о-о, такъ, такъ! Ну, вотъ теперь ладно. Спасибо вамъ, землячокъ!

Старый солдатъ, «дядька» Веденяпинъ, запѣвала и общій увеселитель, балагуритъ вполголоса.

— Ну, ребятишки, завтра саба̀шъ маневрамъ. По-оѣхала седьмая рота по чугункѣ. У-у-ухъ! — протягиваетъ онъ, подражая паровозу. — А какая у меня, братцы, въ городѣ баба осталась, — сахаръ! Сейчасъ она мнѣ это пироговъ напекетъ, за водочкой сбѣгаетъ, самоварчикъ взбодритъ. «Пожалуйте, молъ, батюшка, Фролъ Иванычъ, господинъ Сковородинъ, по прозванью Веденяпинъ... откушайте, сдѣлайте милость!..»

— А казалы хлопци, що завтра горилку будутъ давать, — неожиданно произноситъ хриплымъ голосомъ лѣнивый и тупой рядовой Легкоконецъ.

— Горилку? — язвительно подхватываетъ Веденяпинъ. — Это, братецъ, у насъ въ Тулѣ называется: захотѣла кобыла уксусу...

Немного въ сторонѣ отъ роты, на пригорочкѣ стоитъ ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Скибинъ. Около него горнистъ держитъ на высокой палкѣ фонарь,

который бросаетъ на землю нервное, мутное, движущееся пятно. Василій Васильевичъ Скибинъ — мужчина высокій, костлявый, сутуловатый, длиннорукій и весь какой-то неловкій. Отъ его наружности, отъ нерѣшительнаго, близорукаго взгляда, отъ бѣглой улыбки, даже отъ шаткой, присѣдающей походки — вѣетъ чѣмъ-то слабымъ, удрученнымъ, недоброжелательнымъ и жалкимъ. Въ немъ есть что-то бабье, старушечье. Говоритъ онъ тихо, мягкимъ и сиплымъ, точно усталымъ голосомъ, но почти всегда вещи непріятныя и злыя. Всему полку извѣстно, что его жена — худая, гибкая дама, похожая на ящерицу — вотъ уже четыре года, какъ влюблена въ поручика Вержбицкаго, влюблена открыто, ревниво и безтолково. Вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, Василій Васильевичъ съ особенной нелюбовью относится къ молодымъ офицерамъ.

Яхонтовъ подошелъ къ фонарю и, остановившись въ двухъ шагахъ отъ Скибина, приложилъ руку къ фуражкѣ. Ротный командиръ замѣтилъ его и, глядя ему въ кокарду, сказалъ своимъ вялымъ, утомленнымъ голосомъ:

— Если вамъ угодно опаздывать, подпоручикъ, переводитесь въ другую роту. Здѣсь у меня не танцевальный вечеръ, а служба-съ. Иначе я подамъ командиру полка рапортъ, чтобы васъ изъ моей роты убрали. Да-съ! Мнѣ эти мазуристы и дамскіе хвосты не нужны.

Онъ помолчалъ немного, затѣмъ повернулъ къ двумъ другимъ офицерамъ свое унылое, худое лицо съ дряблой кожей и толстыми усами и продолжалъ только-что прерванную рѣчь:

— Гг. офицеровъ прошу на походѣ мѣстъ своихъ не оставлять. Поручика Тумковскаго прошу... Гдѣ вы, поручикъ, я васъ не вижу?.. Ага!.. Такъ вы, поручикъ, пожалуйста, обращайте вниманіе на фонарь въ

хвостѣ шестой роты и держите отъ него дистанцію. Да наблюдайте, господа, за тѣмъ, чтобы солдаты не спали на ходу. А то, знаете, задремлетъ, подлецъ, и полетитъ вмѣстѣ съ ружьемъ. Впрочемъ, я самъ... Грегорашъ! — кидаетъ онъ куда-то въ темноту.

Это восклицаніе услужливо подхватывается въ ближнихъ рядахъ и быстро перекатывается изъ взвода во взводъ.

— Фельдфебеля къ ротному! Фельдфебеля къ командиру! Тарасъ Гаврилычъ, пожалуйте къ ротному!..

Фельдфебель Грегорашъ, преувеличенно спѣша и разбрасывая далеко вокругъ себя грязь, подбѣгаетъ на согнутыхъ ногахъ, точно подплываетъ къ фонарю.

— Я, ваше благородіе!

— Чтобы люди на ходу не спали! Отъ строя чтобы никто не отлучался. Скажешь унтеръ-офицерамъ, чтобы смотрѣли. Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе! Такъ что я ужъ объяснялъ имъ...

— Молчи! Затѣмъ прошу васъ, господа, наблюдать, чтобы люди не курили, не зажигали спичекъ, не разговаривали и вообще не шумѣли... А то насъ можетъ замѣтить непріятель, — прибавляетъ Скибинъ съ едва замѣтной насмѣшкой. — Грегорашъ, ты у меня за это отвѣчаешь. Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе! Такъ что я...

— Молчи! Главное, господа, чтобы люди не спали. Выколятъ канальи другъ другу глаза, а ты потомъ за нихъ отдувайся. Подпрапорщикъ Москвинъ, вы будете замыкать роту. Смотрите, чтобы не было отсталыхъ. Да, вотъ еще что̀. Сзади роты пойдетъ вотъ этотъ болванъ (Скибинъ показываетъ черезъ плечо большимъ пальцемъ на горниста), такъ, пожалуйста, чтобы онъ несъ фонарь свѣтомъ назадъ, къ восьмой ротѣ. Это

тоже... отъ непріятеля. Затѣмъ-съ... Впрочемъ, кажется, все. Прошу васъ, гг. офицеры, по мѣстамъ!

Офицеры расходятся. Скибину подводятъ его лошадь, старую, гнѣдую, одноглазую кобылу, купленную нарочно для маневровъ изъ кавалерійскаго брака. Зовутъ ее «Настасьей». На ходу она держитъ шею гусакомъ, высоко подымаетъ разбитыя шпатомъ ноги и такъ задираетъ назадъ голову, точно что-то разглядываетъ на небѣ (такихъ лошадей зовутъ въ кавалеріи звѣздочетами). Скибинъ долго прыгаетъ вокругъ нея на одной ногѣ, осыпая руганью лошадь и горниста, и наконецъ грузно вваливается въ сѣдло.

Рота готова къ выступленію. Но проходитъ десять, двадцать минутъ, полчаса, а стоящая впереди шестая рота не трогается съ мѣста. Это безпричинное, вынужденное бездѣйствіе въ темнотѣ, подъ дождемъ, начинаетъ тяготить и безпокоить людей. Они нетерпѣливо переминаются съ ноги на ногу, вздыхаютъ и молчатъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, чего они тамъ застряли?! — говоритъ вслухъ, но точно самъ съ собою, Скибинъ, проѣзжая медленно вдоль роты и поталкивая каблуками упирающуюся лошадь. — Вѣчное безобразіе!

Стоящій неподалеку фельдфебель вѣжливо откашливается и тоже, какъ будто бы размышляя вслухъ, говоритъ:

— Должно-быть, мы первую бригаду впередъ пропущаемъ. А то чего же стоять!..

— Первую бригаду! — сердито возражаетъ Скибинъ, останавливая лошадь. — Такъ на то есть расписаніе, кому когда выступать, чтобы потомъ не выходило ерунды. Вообще, постоянно эти «моменты» *) что-нибудь напутаютъ.

---

*) Офицеры главнаго штаба.

Въ его голосѣ Яхонтову слышится всегдашняя зависть пѣхотнаго строевика къ штабнымъ офицерамъ, а также и доля увѣренности въ томъ, что если бы ему, Скибину, было поручено это дѣло, то все устроилось бы очень скоро, просто и хорошо.

Проходитъ еще нѣсколько томительныхъ минутъ. Шестая рота вдругъ зашевелилась, зашлепала ногами и какъ будто бы затопталась, не сходя съ мѣста. Только по движеніямъ фонаря, заколебавшагося вверхъ и внизъ, можно было судить, что она не стоитъ на мѣстѣ, а тронулась впередъ. Скибинъ поворачивается къ строю и произноситъ вполголоса, небрежно сливая слова:

— Ружья-вольно, шагомъ-маршъ!

Черезъ четверть часа весь полкъ медленно вытягивается вдоль широкой почтовой дороги. Ни людей ни лошадей не видно въ ночномъ мракѣ, только еле-еле мерцаетъ впереди длинная цѣпь фонарей, которыми каждая рота показываетъ дорогу слѣдующей за ней части.

Неудобства ночного похода скоро даютъ себя знать. Черезъ каждые двѣсти-триста шаговъ происходятъ задержки. Передніе ряды то и дѣло останавливаются, а задніе не видятъ этого и напираютъ на нихъ. Потомъ вдругъ между взводами образуются слишкомъ большія разстоянія. Тогда заднему взводу приходится догонять передній, и люди бѣгутъ тяжело, съ усиліями, громыхая на бѣгу баклагами, лопатами и патронными сумками, бѣгутъ, ничего не различая въ темнотѣ, наугадъ, до тѣхъ поръ, пока не навалятся на переднихъ. Отдѣленія давно уже перемѣшались, но никому не приходитъ въ голову возстановить порядокъ. Все сильнѣй и сильнѣй сказываются утомленіе, тревога, скука и насильственная безсонница. Люди молчатъ, но въ этомъ молчаньи чувствуется нервная напряженность. Слышно только, какъ множество сапогъ мѣсятъ грязь, влѣзая

въ нее и вылѣзая съ жирнымъ чавканьемъ, сопѣньемъ и чмоканьемъ. И Яхонтову думается, что, должно-быть, точно такимъ же образомъ пятьсотъ, и тысячу, и пять тысячъ лѣтъ тому назадъ водили по ночамъ своихъ плѣнниковъ суровые и равнодушные побѣдители. Вѣроятно, такъ же угрюмо и тревожно молчали усталые люди, такъ же безпорядочно и озлобленно надвигались они другъ на друга при остановкахъ, такъ же чмокала подъ ихъ ногами размякшая земля, и такъ же падала на нихъ частый осенній дождь.

— Эхъ, братики, покурить бы теперь! — вырывается со вздохомъ у «дядьки» Веденяпина.

— Я тебѣ покурю, каналья! — неожиданно отвѣчаетъ откуда-то изъ темноты суровый басъ фельдфебеля. — Ты у меня покуришь, прохвостъ!

Ровная до сихъ поръ дорога начинаетъ опускаться. Яхонтовъ замѣчаетъ это по тому, что его ноги теряютъ устойчивость и скользятъ впередъ, такъ что поневолѣ приходится выворачивать ступню бокомъ. Потянуло острой и холодной сыростью, точно изъ глубокаго подвала, и тотчасъ же подъ ногами заходилъ и задрожалъ деревянный мостъ. Гдѣ-то внизу, въ черной водѣ безъ береговъ, отразился на мгновеніе длиннымъ волнистымъ хвостомъ свѣтъ фонаря.

— Подпоручикъ Яхонтовъ, это вы? — слышитъ Яхонтовъ надъ собой голосъ ротнаго командира. — Не хотите ли сѣсть на лошадь, а я покамѣсть пѣшкомъ пройдусь. Что-то ноги затекли.

Яхонтову кажется подозрительной эта внезапная любезность, но онъ охотно соглашается. Когда онъ опускается въ сѣдло, то внутри лошади что-то глубоко и глухо крякаетъ. Потомъ «Настасья» медленно вздыхаетъ широко разводя боками, точно и ей сообщилось тоскливое безпокойство, нависшее надъ людьми. Яхонтовъ трогаетъ ее каблуками, и она начинаетъ осторожно

перебирать ногами, вытаскивая ихъ изъ вязкой глины съ такими звуками, какіе бываютъ, когда откупориваютъ бутылки.

Вдалекѣ, на самомъ краю темнаго горизонта, вдругъ показывается маленькій огонекъ, который все разрастается по мѣрѣ того, какъ рота подвигается впередъ. Наконецъ можно ясно разобрать, что это — большой двухъэтажный домъ. Весь низъ его освѣщенъ изнутри очень ясно, по-праздничному, а въ верхнемъ этажѣ свѣтятся — но гораздо блѣднѣе — только два крайнихъ лѣвыхъ окна. Яхонтовъ глядитъ на эти свѣтлыя, веселыя пятна и думаетъ о теплѣ, свѣтѣ и довольствѣ, которое испытываютъ живущіе въ этомъ домѣ люди. Воображается ему большая и дружная помѣщичья семья, сытая, веселая жизнь, танцы, смѣхъ, общество нарядныхъ и красивыхъ женщинъ. И его собственная жизнь кажется ему въ эти минуты такой же тяжелой, скучной и однообразной, какъ эта дождливая ночь, какъ эта безконечная незнакомая дорога.

Впереди опять останавливаются. Слышно, что въ рядахъ шестой роты происходитъ какая-то странная возня. Нѣсколько голосовъ говорятъ быстро, громко и разомъ. Словъ нельзя разобрать, но замѣтно, что кто-то бранится и кто-то оправдывается. Яхонтовъ продвигается впередъ и по отблеску фонаря, скользнувшему по офицерскимъ погонамъ, узнаетъ Тумковскаго.

— Что̀ тамъ такое, Иванъ Мартиньяновичъ? — спрашиваетъ онъ, наклоняясь съ лошади.

— А, дуся моя, это вы? — говоритъ сладко, какъ всегда, Тумковскій, и по звуку его голоса видно, что онъ поднялъ голову вверхъ. — Не знаю, золото мое! Какой-то олухъ на штыкъ напоролся. Да вотъ его тащатъ въ линейку.

Фонарь на секунду освѣщаетъ двухъ солдатъ, ведущихъ подъ мышки третьяго, который отрывисто, точно съ натугой, стонетъ и держится руками за лицо.

— Въ глазъ, что ли? — вяло спрашиваетъ Скибинъ. — Чего же ты молчишь, дуракъ?

Трое солдатъ останавливаются.

— Слышишь, тебя спрашиваютъ, въ глазъ, что ли? — громко, какъ къ глухому, обращается къ раненому одинъ изъ провожатыхъ.

— Такъ что... не мо̀жу знать, — тусклымъ, надсаженнымъ голосомъ, съ запинками отвѣчаетъ тотъ и отнимаетъ ладони отъ лица. — Дуже больно, ваше благородіе, не можно вытерпѣть...

— Чего же ты лѣзъ на штыкъ, идіотъ? — такъ же вяло замѣчаетъ Скибинъ. — Самъ и виноватъ, дурень. Ну, проходи, проходи!

И онъ прибавляетъ поучительнымъ тономъ, обращаясь къ Тумковскому:

— Вотъ теперь изъ-за такого ротозѣя влетитъ ротному командиру. А чѣмъ, спрашивается, ротный виноватъ?.. Порядки!..

Яхонтовъ низко нагибается къ раненому и вглядывается въ его лицо. Въ темнотѣ нельзя даже разобрать отдѣльныхъ чертъ, но молодому офицеру кажется, что у солдата вмѣсто праваго глаза — огромное, съ кулакъ величиною, черное отверстіе. И, вмѣстѣ съ чувствомъ брезгливой жалости, Яхонтовъ ощущаетъ у себя въ пальцахъ ногъ и въ низу живота какую-то противную, щекочущую и раздражающую боль.

Солдата уводятъ, и опять возобновляется тягостное, молчаливое движеніе. Изъ всей роты энергію сохранилъ только одинъ фельдфебель. Время отъ времени Яхонтовъ слышитъ, какъ онъ пробираетъ въ серединѣ роты задремавшаго солдатика:

— Заснулъ? Деревню бачилъ во снѣ? Можетъ, подушку тебѣ принести?

И затѣмъ приговариваетъ шипящимъ голосомъ, сквозь стиснутые зубы:

— А вотъ не спи, не спи, не спи, не спи!

Между тѣмъ Яхонтовъ уже давно начинаетъ испытывать странное и чрезвычайно непріятное ощущеніе. Ему все кажется, что лошадь не идетъ подъ нимъ, а только качаетъ взадъ и впередъ спиной и топчется ногами на одномъ и томъ же мѣстѣ. Напрасно онъ старается увѣрить себя въ ложности этаго удивительнаго ощущенія, наклоняясь внизъ и напрягая зрѣніе, чтобы увидѣть дорогу, — лошадь продолжаетъ раскачиваться и вытаскивать ноги изъ грязи, не сходя съ мѣста и не дѣлая ни одного шага впередъ.

— Чортъ! Да мы идемъ или стоимъ? — воскликнулъ Яхонтовъ и вдругъ самъ похолодѣлъ отъ своего испуганнаго голоса.

Изъ рядовъ кто-то отвѣтилъ ему коротко и угрюмо:

— Полземъ.

Въ этомъ грубомъ, совсѣмъ не солдатскомъ отвѣтѣ Яхонтову послышалось что-то новое и зловѣщее, какая-то покорная и безнадежная усталость, какой-то общій упадокъ духа, который точно окончательно уничтожилъ всякую разницу между солдатомъ и офицеромъ. И Яхонтовъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать выговоръ, только растерянно обернулся въ ту сторону, откуда послышался этотъ отвѣтъ.

А лошадь все такъ же безцѣльно качала спиной и тыкала въ одно мѣсто ногами. Яхонтову стало жутко. Это ощущеніе такъ походило на одинъ изъ нелѣпыхъ, изнуряющихъ лихорадочныхъ сновъ, въ которыхъ торопишься куда-нибудь и съ отчаяніемъ чувствуешь, что не можешь шевельнуть ни рукой ни ногой. И едва только Яхонтову пришло въ

голову это сравненіе, какъ все вдругъ стало похожимъ на сонъ. Весь этотъ ночной переходъ, и безмолвно-покорные солдаты, и уходящая далеко-далеко цѣпь фонарей, и давешній раненый солдатъ, и вялая озлобленность Скибина, и тоскливая дорога съ ея тьмой, сыростью и холодомъ, — все это представилось ему какимъ-то грознымъ, давно забытымъ бредомъ, который повторяется теперь съ прежней силой и прежнимъ ужасомъ.

— Ахъ, вѣдь все это было, было... — прошепталъ Яхонтовъ. — Господи, что̀ же это такое!

Онъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее горнисту и, перегоняя солдатъ, прошелъ на правый флангъ. Тамъ, въ промежуткѣ между ротами, гдѣ было свѣтлѣе отъ фонаря и просторнѣе, шли рядомъ, разговаривая вполголоса, Скибинъ и Тумковскій.

— Я отдалъ лошадь горнисту, — сказалъ Яхонтовъ.

— Отлично, — бросилъ ему разсѣянно Скибинъ. — А я вамъ скажу, поручикъ, — повернулся онъ торопливо къ Тумковскому: — что эти маневры — одинъ только развратъ и антимонія. Можетъ-быть, для генеральнаго штаба оно и нужно, а солдаты только распускаются и теряютъ выправку. Да и для офицеровъ лишнее. Какой къ чорту это непріятель, когда вы отлично видите, что это поручикъ Сидоровъ, у котораго вы вчера заняли три рубля? Вы командуете: «Прямо, по колоннѣ, пальба взводомъ», а вамъ рѣшительно наплевать, какъ солдаты цѣлятся, и укрыты ли они отъ огня, и все такое...

— Совершенно вѣрно, дорогой Василій Васильевичъ, — согласился Тумковскій. — А я вотъ читалъ гдѣ-то или, кажется, слышалъ, что одинъ генералъ предложилъ раздавать во время маневровъ въ числѣ холо-

стыхъ патроновъ какой-то тамъ процентъ боевыхъ. Что-то такое одинъ на десять тысячъ, не помню хорошенько...

— Ахъ, глупости! — досадливо протянулъ Скибинъ. — Никакіе тутъ патроны не нужны. Какіе тутъ къ чорту патроны, когда теперь солдаты въ родѣ институтокъ стали: пальцемъ его тронуть не смѣй. А по-моему, бить ихъ, подлецовъ, нужно, вотъ что̀ нужно! Прежде у насъ и Суворовы были и Севастополь, а почему? Потому что десятерыхъ засѣкали, а изъ одиннадцатаго дѣлали солдата. Прежде, батенька, солдатъ пять лѣтъ служилъ, а все еще молодымъ солдатомъ считался. Вотъ это была служба-съ!.. А теперь... Эхъ!

— Теперь прямо — пансіонъ благородныхъ дѣвицъ, — услужливо подхватилъ Тумковскій: — гуманисты какіе-то пошли, либералы̀. Попробовали бы эти либерали съ нашими скотами повозиться, небось, у самихъ руки бы опухли отъ битья. А то, изволите ли видѣть: ударишь какую-нибудь сволочь, да и ударишь-то не больно, почти въ шутку, а онъ сейчасъ: «Охъ!» — «Что̀ такое?» — «Ничего не слышу на правое ухо...» И сейчасъ тебя подъ судъ. За истязаніе нижняго чина, имѣвшее послѣдствіемъ и т. д. А онъ, мерзавецъ, лучше нашего слышитъ.

— Потому что дураки! — возразилъ презрительно Скибинъ. — Кто же такъ дѣлаетъ, при свидѣтеляхъ? Нѣтъ, ты его сначала позови въ цейхгаузъ или къ себѣ на квартиру, да тамъ и поговори, какъ слѣдуетъ. Повѣрьте, потомъ самъ всю жизнь благодарить будетъ, что подъ судъ не отдали. Судъ-то его куда законопатитъ, а ты начистилъ ему морду, и все тутъ. А что̀ ему морда?..

Они еще долго тянутъ этотъ разговоръ, точно стараясь не уступить другъ другу въ равнодушной жестокости къ солдату, въ презрительномъ отношеніи къ

своему дѣлу, въ пренебрежительной насмѣшкѣ надъ высшимъ начальствомъ. Въ этихъ пошлыхъ, холодныхъ и злыхъ фразахъ Яхонтову опять слышится что-то похожее на тотъ страшный бредъ, который онъ испыталъ нѣсколько минутъ тому назадъ, и на душѣ у него дѣлается пусто и противно до тошноты. Тѣмъ же тусклымъ, утомительнымъ, давно-давно знакомымъ бредомъ представляется ему и вся его военная карьера, и безрадостное дѣтство, прошедшее въ большихъ казенныхъ домахъ, и ждущая впереди сѣренькая жизнь, и его собственныя, теперешнія мысли — такія блѣдныя, безсильныя и тоскливыя.

А рота все идетъ и идетъ по грязной почтовой дорогѣ, и кажется, что никогда не будетъ конца этому движенію, что какая-то чудовищная сила овладѣла тысячами взрослыхъ, здоровыхъ людей, оторвала ихъ отъ родныхъ угловъ, отъ привычнаго, любимаго дѣла и гонитъ — Богъ вѣсть куда и зачѣмъ — среди этой ненастной ночи...

Недалеко до разсвѣта. Понемногу вырисовываются изъ темноты сѣрыя, измятыя, глянцовитыя отъ тумана и отъ безсонницы солдатскія лица. Всѣ они похожи одно на другое и выглядятъ еще суровѣе и покорнѣе въ слабомъ и невѣрномъ утреннемъ полусвѣтѣ.

ОДИНОЧЕСТВО.

Послѣ полудня стало такъ жарко, что пассажиры I-го и II-го классовъ одинъ за другимъ перебрались на верхнюю палубу. Несмотря на безвѣтріе вся поверхность рѣки кипѣла мелкой дрожащей зыбью, въ которой нестерпимо ярко дробились солнечные лучи, производя впечатлѣніе безчисленнаго множества серебряныхъ шариковъ, невысоко подпрыгивающихъ на водѣ. Только на отмеляхъ, тамъ, гдѣ берегъ длиннымъ мысомъ врѣзался въ рѣку, вода огибала его неподвижной лентой, спокойно синѣвшей среди этой блестящей ряби. На небѣ, поблѣднѣвшемъ отъ солнечнаго жара и свѣта, не было ни одной тучки, но на пыльномъ горизонтѣ, какъ разъ надъ сизой и зубчатой полосой дальняго лѣса, кое-гдѣ протянулись тонкія бѣлыя облачка, отливавшія по краямъ, какъ мазки расплавленнаго металла. Черный дымъ, не подымаясь надъ низкой закоптѣлой трубой, стлался за пароходомъ длиннымъ грязнымъ хвостомъ.

Покромцевы, мужъ и жена, тоже вышли на палубу. Ихъ вовсе не стѣсняло окружавшее многолюдное и совершенно незнакомое общество; наоборотъ, они въ немъ чувствовали себя еще ближе, еще тѣснѣе другъ къ другу. Они были женаты уже три мѣсяца — именно такой срокъ, послѣ котораго молодые супруги

особенно охотно посѣщаютъ театры, гулянья и балы, гдѣ, затерявшись въ толпѣ чужихъ людей, они глубже и острѣе чувствуютъ взаимную близость, обратившуюся въ привычку за время медоваго мѣсяца. Лишь изрѣдка они обмѣнивались незначительнымъ односложнымъ замѣчаніемъ, улыбкой или долгимъ взглядомъ. И онъ и она испытывали то полное, лѣнивое и сладкое счастье, которое даетъ только путешествіе, сопровождаемое молодостью и беззаботной удовлетворенной любовью.

Снизу, изъ машиннаго отдѣленія, вмѣстѣ съ теплымъ запахомъ нефти, доносилось непрерывное шипѣніе, мягкіе удары работающихъ поршней и какіе-то глубокіе, правильные вздохи, въ тактъ которымъ такъ же размѣренно вздрагивала деревянная палуба «Ястреба». Подъ колесами парохода клокотала вода, выбрасивая сердитые бугры бѣлой пѣны. За кормой, торопливо догоняя ее, бѣжали ряды длинныхъ, широкихъ волнъ; бѣлые курчавые гребни неожиданно вскипали на ихъ мутно-зеленой вершинѣ и, плавно опустившись внизъ, вдругъ таяли, точно прятались подъ воду. Расходясь по рѣкѣ все шире, все дальше, волны набѣгали на берегъ, колебали и пригибали къ землѣ жидкіе кусты ивняка и, разбившись съ шумнымъ плескомъ и пѣною объ откосъ, бѣжали назадъ, обнажая мокрую песчаную отмель, всю изъѣденную прибоемъ.

Кое-гдѣ на кустахъ висѣли длинныя рыбачьи сѣти. Чайки съ пронзительнымъ крикомъ летѣли навстрѣчу пароходу, сверкая на солнцѣ при каждомъ взмахѣ своихъ широкихъ, изогнутыхъ крыльевъ. Изрѣдка на болотистомъ берегу виднѣлась сѣрая цапля, стоявшая въ важной и задумчивой позѣ на своихъ длинныхъ красноватыхъ ногахъ.

Но это однообразіе не прискучивало Вѣрѣ Львовнѣ и не утомляло ее, потому что на весь Божій міръ она глядѣла сквозь радужную пелену тихаго очарованья, переполнявшаго ея душу. Ей все казалось милымъ и

дорогимъ: и «нашъ» пароходъ — необыкновенно чистенькій и быстрый пароходъ! — и «нашъ» капитанъ — здоровенный толстякъ въ парусинной парѣ и клеенчатомъ картузѣ, съ багровымъ лицомъ, сизымъ носомъ и звѣринымъ голосомъ, давно охрипшимъ отъ непогодъ, оранья и пьянства, — «нашъ» лоцманъ — красивый, чорнобородый мужикъ въ красной рубахѣ, который вертѣлъ въ своей стеклянной будочкѣ колесо штурвала, въ то время, какъ его острые, прищуренные глаза твердо и неподвижно смотрѣли вдаль. Слегка облокотившись на проволочную сѣтку, Вѣра Львовна съ наслажденіемъ глядѣла, какъ играли въ волнахъ бѣлые барашки, а въ головѣ ея подъ размѣренные вздохи машины звучалъ мотивъ какой-то самодѣльной польки, и съ этимъ мотивомъ въ странную гармонію сливались и шумъ воды подъ колесами и дребезжаніе чашекъ въ буфетѣ...

Иногда навстрѣчу «Ястребу» попадался буксирный пароходъ, тащившій за собою на толстомъ канатѣ длинную вереницу низкихъ, неуклюжихъ барокъ. Тогда оба парохода начинали угрожающе ревѣть, что̀ заставляло Вѣру Львовну съ испуганнымъ видомъ зажмуривать глаза и затыкать уши...

Вдали показывалась пристань — маленькій красный домикъ, выстроенный на баркѣ. Капитанъ, приложивши ротъ къ мѣдному рупору, проведенному въ машинное отдѣленіе, кричалъ командныя слова, и его голосъ казался выходящимъ изъ глубокой бочки. «Самый малый! Ступъ! Задній ходъ! Сту-упъ!..» Съ нижней палубы выбрасывали канатъ, и онъ, развиваясь въ воздухѣ, съ грохотомъ падалъ на крышу пристани. Матросы по дрожащимъ сходнямъ выносили на берегъ громадные кули и мѣшки, сгибаясь подъ ихъ тяжестью и придерживая ихъ желѣзными крюками. Около станціи толпились бабы и дѣвчонки въ красныхъ сарафанахъ; онѣ

навязчиво предлагали пассажирамъ вялую малину, бутылки съ кипяченымъ молокомъ, соленую рыбу и баранину. Ямскія лошади, надъ которыми вились тучи слѣпней, нетерпѣливо позвякивали бубенчиками и колокольцами. . .

Жара понемногу спадала. Отъ воды поднялся легкій вѣтерокъ. Солнце садилось въ пожарѣ пурпурнаго пламени и растопленнаго золота; когда же яркія краски зари потухли, то весь горизонтъ освѣтился ровнымъ пыльнорозовымъ сіяніемъ. Наконецъ и это сіяніе померкло, и только невысоко надъ землей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ закатилось солнце, осталась неясная длинная розовая полоска, незамѣтно переходившая наверху въ нѣжный голубоватый оттѣнокъ вечерняго неба, а внизу въ тяжелую сизоватую мглу, подымавшуюся отъ земли. Воздухъ сгустился, похолодѣлъ. Откуда-то донесся и скользнулъ по палубѣ слабый запахъ меда и сырой травы. На востокѣ, за волнистой линіей холмовъ, разрастался темно-золотой свѣтъ луны, готовой взойти. Она показалась сначала только однимъ краешкомъ и потомъ выплыла — большая, огненно-красная и какъ будто бы приплюснутая сверху.

На пароходѣ зажгли электричество и засвѣтили на бортахъ сигнальные фонари. Изъ трубы валили длиннымъ снопомъ и стлались за пароходомъ, тая въ воздухѣ, красныя искры. Вода казалась свѣтлѣе неба и уже не кипѣла больше. Она успокоилась, затихла, и волны отъ парохода расходились по ней такія чистыя и гладкія, какъ будто бы онѣ рождались и застывали въ жидкомъ стеклѣ. Луна поднялась еще выше и поблѣднѣла; дискъ ея сдѣлался правильнымъ и блестящимъ, какъ отполированный серебряный щитъ. По водѣ протянулся отъ берега къ пароходу и заигралъ золотыми блестками и струйками длинный дрожащій столбъ.

Становилось свѣжо. Покромцевъ замѣтилъ, что

жена его два раза содрогнулась плечами и спиной подъ своимъ шерстянымъ платкомъ, и, нагнувшись къ ней, спросилъ:

— Птичка моя, тебѣ не холодно? Можетъ-быть, пойдемъ въ каюту?

Вѣра Львовна подняла голову и посмотрѣла на мужа. Его лицо при лунномъ свѣтѣ стало блѣднѣе обыкновеннаго, пушистые усы и остроконечная бородка вырисовывались рѣзче, а глаза удлинились и приняли странное, нѣжное выраженіе.

— Нѣтъ, нѣтъ... не безпокойся, милый... Мнѣ очнь хорошо, — отвѣтила она.

Она не чувствовала холода, но ее охватила та щемящая темная жуть, которая овладѣваетъ нервными людьми въ яркія лунныя ночи, когда небо кажется холодной и огромной пустыней. Низкіе берега, бѣжавшіе мимо парохода, были молчаливы и печальны, прибрежные лѣса, окутанные влажнымъ мракомъ, казались страшными.

У Вѣры Львовны вдругъ явилось непреодолимое желаніе прильнуть какъ можно ближе къ своему мужу, спрятать голову на сильной груди этаго близкаго человѣка, согрѣться его теплотой...

Онъ, точно угадывая ея мимолетное желаніе, тихо обвилъ ее половиной своего широкаго пальто, и они оба затихли, прижавшись другъ къ другу, и, касаясь другъ друга головами, слились въ одинъ граціозный темный силуэтъ, между тѣмъ какъ луна бросала яркія серебряныя пятна на ихъ плечи и на очертаніе ихъ фигуръ.

Пароходъ сталъ двигаться осторожнѣе, изъ боязни наткнуться на мель... Матросы на носу измѣряли глубину рѣки, и въ ночномъ воздухѣ отчетливо звучали ихъ протяжныя восклицанія: «Ше—есть!.. Шесть съ полови—иной!.. Во—осемь!.. По-одъ таба-акъ!..

Се—мь!» Въ этихъ высокихъ стонущихъ звукахъ слышалось то же уныніе, какимъ были полны темные, печальные берега и холодное небо. Но подъ плащомъ было очень тепло, и, крѣпко прижимаясь къ любимому человѣку, Вѣра Львовна еще глубже ощущала свое счастье.

На правомъ берегу показались смутныя очертанія высокой горы съ легкой, рѣзной, деревянной бесѣдкой на самой вершинѣ. Бесѣдка была ярко освѣщена, и внутри ея двигались люди. Видно было, какъ, услышавъ шумъ приближающагося парохода, они подходили къ периламъ и, облокотившись на нихъ, глядѣли внизъ.

— Ахъ, Володя, посмотри, какая прелесть! — воскликнула Вѣра Львовна. — Совсѣмъ кружевная бесѣдка... Вотъ бы намъ съ тобой здѣсь пожить...

— Я здѣсь провелъ цѣлое лѣто, — сказалъ Покромцевъ.

— Да? Неужели? Это, навѣрно, чье-нибудь имѣніе?

— Князей Ширковыхъ. Очень богатые люди...

Она не видѣла его лица, но чувствовала, что, произнося эти слова, онъ слегка разглаживаетъ концами пальцевъ свои усы, и что въ его голосѣ звучитъ улыбка воспоминанія.

— Когда же ты былъ тамъ? Ты мнѣ ничего о нихъ не разсказывалъ... Что̀ они за люди?

— Люди?.. Какъ тебѣ сказать?.. Ни дурные, ни хорошіе... Веселые люди...

Онъ замолчалъ, продолжая улыбаться своимъ воспоминаніямъ. Тогда Вѣра Львовна сказала:

— Ты смѣешься... Ты, вѣрно, вспомнилъ что-нибудь интересное?

— О, нѣтъ... Ничего... Ровно ничего интереснаго, — возразилъ Покромцевъ и крѣпче обнялъ талію жены. — Такъ... маленькія глупости... не сто̀итъ и вспоминать.

Вѣра Львовна не хотѣла больше разспрашивать, но Покромцевъ началъ говорить самъ. Ему пріятно было, что его жена узнàетъ, въ какой широкой барской обстановкѣ ему приходилось жить. Это щекотало мелочнымъ, но пріятнымъ образомъ его самолюбіе. Ширковы жили лѣтомъ въ своемъ имѣніи, точь въ точь, какъ англійскіе лорды. Правда, самъ Покромцевъ былъ тамъ только репетиторомъ, но онъ сумѣлъ себя поставить такъ, что съ нимъ обращались какъ со своимъ, даже больше того, — какъ съ близкимъ человѣкомъ. Вѣдь настоящихъ свѣтскихъ людей всего скорѣе и узнаёшь именно по ихъ очаровательной простотѣ. Лѣто промелькнуло удивительно быстро и весело: лаунъ-теннисъ, пикники, шарады, спектакли, прогулки верхомъ... Къ обѣду всѣ собирались по звуку гонга, непремѣнно во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, — однимъ словомъ, самое утонченное соединеніе строгаго этикета съ простотой и прекрасныхъ манеръ съ непринужденнымъ весельемъ. Конечно, въ такой жизни есть и свои недостатки, но пожить ею хоть одно лѣто — и то чрезвычайно пріятно.

Вѣра Львовна слушала его, не прерывая ни однимъ словомъ и въ то же время испытывая нехорошее, похожее на ревность, чувство. Ей было больно думать, что у него въ памяти остался хоть одинъ счастливый моментъ изъ его прежней жизни, не уничтоженный, не сглаженный ихъ теперешнимъ общимъ счастьемъ.

Бесѣдка вдругъ точно спряталась за поворотомъ. Вѣра Львовна молчала, а Покромцевъ, увлеченный своими воспоминаніями, продолжалъ:

— Ну, конечно, играли въ любовь, безъ этого на дачѣ нельзя. Всѣ играли, начиная со стараго князя и кончая безусыми лицеистами, моими учениками. И всѣ другъ другу покровительствовали, смотрѣли сквозь пальцы.

— А ты? Ты тоже... ухаживалъ за кѣмъ-нибудь? — спросила Вѣра Львовна неестественно-спокойнымъ тономъ.

Онъ повелъ рукой по усамъ. Этотъ самодовольный, такъ хорошо знакомый Вѣрѣ Львовнѣ жестъ вдругъ показался ей пошлымъ.

— Н-да... и я тоже. У меня вышелъ маленькій романъ съ княжной Кэтъ. Очень смѣшной романъ и, пожалуй, если хочешь, даже немного безнравственный. Понимаешь: дѣвицѣ еще и 16-ти лѣтъ не исполнилось, но развязность, самоувѣренность и прочее — просто удивительныя. Она мнѣ прямо изложила свой взглядъ. «Мнѣ, говоритъ, здѣсь скучно, потому что я ни одного дня не могу прожить безъ сознанія, что въ меня всѣ кругомъ влюблены. Вы одинъ здѣсь только мнѣ и нравитесь. Вы недурны собой, съ вами можно разговаривать, ну и такъ далѣе. Вы, конечно, понимаете, что женой вашей я быть не могу, но почему же намъ не провести это лѣто весело и пріятно?»

— Ну и что̀ же? Было весело? — спросила Вѣра Львовна, стараясь говорить небрежно, и сама испугалась своего внезапно охрипшаго голоса.

Этотъ голосъ заставилъ Покромцева насторожиться. Какъ бы извиняясь за то, что причинилъ ей боль, онъ притянулъ къ себѣ голову жены и прикоснулся губами къ ея виску. Но какое-то подлое, неудержимое влеченіе, копошившееся въ его душѣ, какое-то смутное и гадкое чувство, похожее на хвастливое молодечество, тянуло его разсказывать дальше.

— Вотъ мы и играли въ любовь съ этимъ подлѣткомъ и въ концѣ лѣта разстались. Она совсѣмъ равнодушно благодарила меня за то, что я помогъ ей не скучать, и жалѣла, что не встрѣтилась со мною, уже выйдя замужъ. Впрочемъ, она, по ея словамъ, не теряла надежды встрѣтиться со мною впослѣдствіи.

И онъ прибавилъ съ дѣланнымъ смѣхомъ:

— Вообще, эта исторія составляетъ для меня одно изъ самыхъ непріятныхъ воспоминаній. Вѣдь правда, Вѣрочка, гадко̀ все это?

Вѣра Львовна не отвѣтила ему. Покромцевъ почувствовалъ къ ней жалость и сталъ раскаиваться въ своей откровенности. Желая загладить непріятное впечатлѣніе, онъ еще разъ поцѣловалъ жену въ щеку...

Вѣра Львовна не сопротивлялась, но и не отвѣтила на поцѣлуй... Странное, мучительное и самой ей неясное чувство овладѣло ея душой. Тутъ была отчасти и ревность къ прошедшему, — самый ужасный видъ ревности, — но была только отчасти. Вѣра Львовна давно слышала и знала, что у каждаго мужчины бываютъ до женитьбы интрижки и связи, что то, что̀ для женщины составляетъ огромное событіе, для мужчины является простымъ случаемъ, и что съ этимъ ужаснымъ порядкомъ вещей надо поневолѣ мириться. Было тутъ и негодованіе на ту унизительную и развратную роль, которая выпала въ этомъ романѣ на долю ея мужа, но Вѣра Львовна вспомнила, что и ея поцѣлуи съ нимъ, когда они еще были женихомъ и невѣстой, не всегда носили невинный и чистый характеръ. Страшнѣе всего въ этомъ новомъ чувствѣ было сознаніе того, что Владимиръ Ивановичъ вдругъ сдѣлался для своей жены чужимъ, далекимъ человѣкомъ, и что ихъ прежняя близость никогда уже не можетъ возвратиться.

«Зачѣмъ онъ мнѣ разсказывалъ всю эту гадость? мучительно думала она, стискивая и терзая свои похолодѣвшія руки. — Онъ перевернулъ всю мою душу и наполнилъ ее грязью, но что̀ же я могу ему сказать на это? Какъ я узна̀ю, что̀ онъ испытывалъ во время своего разсказа? Сожалѣніе о прошломъ? Нехорошее волненіе? Гадливость? (Нѣтъ, ужъ во всякомъ случаѣ не гадливость: тонъ у него былъ самодовольный, хотя

онъ и старался это скрыть)... Надежду опять встрѣтиться когда-нибудь съ этой Кэтъ? А почему же и не такъ? Если я спрошу его объ этомъ, онъ, конечно, поспѣшитъ меня успокоить, но какъ проникнуть въ самую глубь его души, въ самые отдаленные изгибы его сознанія? Почему я могу узнать, что, говоря со мной искренно и правдиво, онъ въ то же время не обманываетъ — и, можетъ-быть, совершенно невольно — своей совѣсти? О! Чего бы я ни дала за возможность хоть одинъ только мигъ пожить его внутренней, чужой для меня жизнью, подслушать всѣ оттѣнки его мысли, подсмотрѣть, что̀ дѣлается въ *этомъ* сердцѣ...

И это страстное влеченіе слиться мыслью, отожествиться съ другимъ человѣкомъ, приняло такіе огромные размѣры, что Вѣра Львовна, нечаянно для самой себя, крѣпко прижалась головой къ головѣ мужа, точно желая проникнуть, войти въ его существо. Но онъ не понялъ этого невольнаго движенія и подумалъ, что жена просто хочетъ къ нему приласкаться, какъ озябшая кошечка. Онъ пощекоталъ ее усами по щекѣ и сказалъ тономъ, какимъ говорятъ съ балованными дѣтьми:

— Вѣруся бай-бай хочетъ? Вѣрусенька озябла? Пойдемъ въ каютку, Вѣрусенька?

Она молча поднялась, кутаясь въ свой платокъ.

— Вѣрусенька на насъ ни за что не сердится? — спросилъ Покромцеввъ тѣмъ же сладкимъ голосомъ.

Вѣра Львовна отрицательно покачала головой. Но передъ трапомъ, ведущимъ въ каюты, она остановилась и сказала:

— Послушай, Володя, тебѣ ни разу не приходило въ голову, что никогда, понимаешь, никогда двое людей не поймутъ вполнѣ другъ друга?.. Какими бы тѣсными узами они ни были связаны?..

Онъ чувствовалъ себя немного виноватымъ и потому пробормоталъ со смѣхомъ:

— Ну вотъ, Вѣрунчикъ, какую философію развела... Развѣ мы съ тобой не понимаемъ другъ друга?

Въ каютѣ онъ скоро заснулъ тихимъ сномъ здороваго сытаго человѣка. Его дыханія не было слышно, и лицо приняло дѣтское выраженіе.

Но Вѣра Львовна не могла спать. Ей стало душно въ тѣсной каютѣ, и прикосновеніе бархатной обивки дивана раздражало кожу ея рукъ и шеи. Она встала, чтобы опять выйти на палубу.

— Ты куда, мамуся? — спросилъ Покромцевъ, разбуженный шелестомъ ея юбокъ.

— Лежи, лежи, я сейчасъ приду. Я еще минутку посижу на палубѣ, — отвѣтила она, дѣлая ему рукою знакъ, чтобы онъ не вставалъ.

Ей хотѣлось остаться одной и думать. Присутствіе мужа, даже спящаго, стѣсняло ее. Выйдя на палубу, она невольно сѣла на то же самое мѣсто, гдѣ сидѣла раньше. Небо стало еще холоднѣе, а вода потемнѣла и потеряла свою прозрачность. То и дѣло легкія тучки, похожія на пушистые комки ваты, набѣгали на свѣтлый кругъ луны и вдругъ окрашивались причудливымъ золотымъ сіяніемъ. Печальные, низкіе и темные берега такъ же молчаливо бѣжали мимо парохода.

Вѣрѣ Львовнѣ было жутко и тоскливо. Она впервые въ своей жизни натолкнулась сегодня на ужасное сознаніе, приходящее рано или поздно въ голову каждаго чуткаго вдумчиваго человѣка, — на сознаніе той неумолимой непроницаемой преграды, которая вѣчно стоитъ между двумя близкими людьми. «Чтò же я о немъ знаю? — шопотомъ спрашивала себя Вѣра Львовна, сжимая руками горячій лобъ. — Чтò я знаю о моемъ мужѣ, объ этомъ человѣкѣ, съ которымъ я вмѣстѣ и ѣмъ, и пью, и сплю, и съ которымъ всю жизнь должна пройти вмѣстѣ? Положимъ, я знаю, что онъ красивъ, что онъ любитъ свою физическую силу и хо-

литъ свои мускулы, что онъ музыкаленъ, что онъ читаетъ стихи нараспѣвъ, знаю даже больше, — знаю его ласковыя слова, знаю, какъ онъ цѣлуется, знаю пять или шесть его привычекъ... Ну, а больше? Что же я больше-то знаю о немъ? Извѣстно ли мнѣ, какой слѣдъ оставили въ его сердцѣ и умѣ его прежнія увлеченія? Могу ли я отгадать у него тѣ моменты, когда человѣкъ во время смѣха внутренно страдаетъ, или когда наружной, лицемѣрной печалью прикрываетъ злорадство? Какъ разобраться во всѣхъ этихъ тонкихъ изворотахъ чужой мысли, въ этомъ чудовищномъ вихрѣ чувствъ и желаній, который постоянно, быстро и неуловимо несется въ душѣ посторонняго человѣка?»

Внезапно она почувствовала такую глубокую внутреннюю тоску, такое щемящее сознаніе своего вѣчнаго одиночества, что ей захотѣлось плакать. Она вспомнила свою мать, братьевъ, меньшую сестру. Развѣ и они не такъ же чужды ей, какъ чуждъ этотъ красивый брюнетъ съ нѣжной улыбкой и ласковыми глазами, который называется ея мужемъ? Развѣ сможетъ она когда-нибудь такъ взглянуть на міръ, какъ они глядятъ, увидѣть то, что они видятъ, почувствовать, что они чувствуютъ?..

Около четырехъ часовъ утра Покромцевъ проснулся и былъ очень удивленъ, не видя на противоположномъ диванѣ своей жены. Онъ быстро одѣлся и, позѣвывая и вздрагивая отъ утренняго холодка, вышелъ на палубу.

Солнце еще не всходило, но половина неба уже была залита блѣднымъ розовымъ свѣтомъ. Прозрачная и спокойная рѣка лежала точно громадное зеркало въ зеленой, влажной рамѣ ожившихъ, орошенныхъ луговъ. Легкія розовыя морщины слегка бороздили ея гладкую поверхность, а пѣна подъ пароходными колесами казалась молочно-розовой. На правомъ берегу молодой березовый лѣсъ съ его частымъ строемъ тонкихъ, пря-

мыхъ, бѣлыхъ стволовъ былъ окутанъ, точно тонкой кисеей, легкимъ покровомъ тумана. Сизая, тяжелая туча, низко повисшая на востокѣ, одна только боролась съ сіяющимъ торжествомъ наряднаго лѣтняго утра. Но и на ней уже брызнули, точно кровавые потоки, темно-красные штрихи.

Вѣра Львовна сидѣла на томъ же мѣстѣ, облокотясь руками на рѣшетку и положивъ на нихъ отяжелѣвшую голову. Покромцевъ подошелъ къ ней и, обнявъ ее, напыщенно продекламировалъ голосомъ, разбухшимъ отъ здороваго сна:

— «Вышла изъ мрака младая, съ перстами пурпурными, Эосъ»...

Но, когда онъ увидѣлъ ея серьезное, заплаканное лицо, онъ точно поперхнулся послѣднимъ словомъ.

— Вѣрусенька, что̀ съ тобой? Что̀ такое, моя дорогая?

Но она уже приготовилась къ этому вопросу. Она такъ много передумала за эту ночь, что пришла къ единственному разумному и холодному рѣшенію: надо жить, какъ всѣ, надо подчиняться обстоятельствамъ, надо даже лгать, если нельзя говорить правду.

И она отвѣтила, виновато и растерянно улыбаясь:

— Ничего, мой милый. Просто — у меня безсонница...

НОЧЛЕГЪ.

Въ послѣднихъ числахъ августа, во время большихъ маневровъ, N — скій пѣхотный полкъ совершалъ большой сорокаверстный переходъ отъ села Большихъ Зимовецъ до деревни Нагорной. День стоялъ жаркій, палящій, томительный. На горизонтѣ, серебряномъ отъ тонкой далекой пыли, дрожали прозрачныя волнующіяся струйки нагрѣтаго воздуха. По обѣимъ сторонамъ дороги, куда только хваталъ глазъ, тянулось все одно и то же пространство сжатыхъ полей, съ торчащими на немъ желтыми, колючими остатками соломы.

Слѣдъ отряда издали обозначался длинной извилистой и узкой лентой желтоватой пыли. Солдаты шли, совершенно окутанные ею. Пыль скрипѣла во рту, садилась на вспотѣвшія лица и дѣлала ихъ черными. Только зубы да бѣлки глазъ сверкали своею бѣлизною на этихъ измученныхъ, исхудавшихъ, казавшихся суровыми лицахъ. Согнувшись подъ тяжестью ранцевъ и надѣтыхъ поверхъ ихъ, скатанныхъ въ кольца шинелей, солдаты шли молча, враздробь, едва волоча усталыя ноги. Лишь изрѣдка, когда чей-нибудь штыкъ съ лязганьемъ задѣвалъ о сосѣдній штыкъ, изъ рядовъ слышалось грубое, озлобленное ругательство. Люди не высыпались и томились отъ зноя, усталости и жажды. Нѣкоторые вяло, безъ всякаго аппетита, чтобы только

чѣмъ-нибудь сократить время длиннаго и скучнаго перехода, жевали на ходу розданный утромъ хлѣбъ.

Офицеры шли не въ рядахъ, — вольность, на которую высшее начальство смотрѣло въ походѣ сквозь пальцы, — а обочиною, съ правой стороны дороги. Ихъ бѣлые кителя потемнѣли отъ пота на спинахъ и на плечахъ. Ротные командиры и адъютанты дремали, сгорбившись и распустивъ поводья, на своихъ худыхъ, бракованныхъ лошадяхъ. Каждому хотѣлось какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало, дойти до привала и лечь въ тѣни.

Поручикъ Авиловъ, болѣзненный, молчаливый и нервный молодой человѣкъ, шелъ противъ перваго ряда своей 11-й роты. Новые сапоги сильно жали ему ноги, портупея оттягивала плечо, въ головѣ мягко и тяжело билась кровь. Но болѣе всего угнетала Авилова всегда овладѣвавшая имъ во время похода тупая скука, отъ которой онъ старался избавиться какимъ-нибудь мелкимъ занятіемъ. То онъ срывалъ съ придорожной ивы гибкій хлыстъ и отчищалъ его зубами и ногтями отъ коры, то старательно сшибалъ шашкою пунцовыя головки колючаго репейника, то, намѣтивъ вдали какой-нибудь пунктъ, старался угадать, сколько до него шаговъ, и потомъ провѣрялъ себя. Наконецъ, когда все это ему надоѣдало, онъ принимался «мечтать», какъ бывало, дѣлалъ еще въ корпусѣ, за всенощной, чтобы убить время. Онъ мысленно спрашивалъ себя: «Ну, о чемъ же теперь?» — и начиналъ перебирать въ умѣ все, что̀ могло бы ему доставить удовольствіе, или что̀ раньше заинтересовало его воображеніе въ слышанномъ и прочитанномъ. Иногда онъ представлялъ себя извѣстнымъ путешественникомъ, въ родѣ Пржевальскаго или Елисѣева. Онъ собиралъ экспедицію изъ отважныхъ, закаленныхъ въ перенесеніи трудовъ и опасностей авантюристовъ, которые трепетали передъ од-

нимъ его взглядомъ. Онъ открывалъ неизвѣданные еще острова и земли и водружалъ на нихъ русскій флагъ. Имя его гремѣло по всему свѣту. Когда онъ возвращался въ Россію, ему устраивали шумныя встрѣчи. Женщины бросали ему цвѣты и въ восхищеніи шептали одна другой: «Вотъ онъ, вотъ тотъ, самый знаменитый!». Иногда онъ воображалъ, что маневры уже окончились, и онъ идетъ со своей ротой на вольныя работы къ какому-нибудь помѣщику, баснословно богатому и непремѣнно съ аристократическимъ именемъ. У помѣщика есть дочь — блѣдная, задумчивая красавица. Свѣтскіе кавалеры давно опротивѣли ей своей безцвѣтной пустотой, и она съ перваго взгляда же влюбляется въ простого пѣхотнаго поручика, бѣднаго и гордаго, постоянно замкнутаго въ себѣ, «съ печатью разочарованія на челѣ». Лунная ночь, свиданіе въ старомъ запущенномъ саду, пламенныя признанія въ любви... «Намъ необходимо разстаться, — говоритъ мрачно Авиловъ: — ты богата, а я нищій, мы не будемъ никогда счастливы». Помѣщичья дочь плачетъ у него на груди, онъ утѣшаетъ ее. Изъ-за кустовъ неожиданно появляется самъ помѣщикъ, растроганный, со слезами на глазахъ. «Дѣти мои, — говоритъ помѣщикъ: — я хочу, чтобы вы любили другъ друга. Не деньги, а истинная любовь приноситъ людямъ счастье». Съ этими словами онъ благословляетъ влюбленныхъ; всѣ трое обнимаются и плачутъ. Черезъ нѣсколько дней въ приказѣ по полку товарищи съ удивленіемъ и завистью читаютъ, что поручикъ Авиловъ, рапортомъ за № такимъ-то, проситъ разрѣшенія на вступленіе въ первый законный бракъ съ дѣвицею, княжною Зэтъ...

Порою фантазія такъ ярко рисовала ему эти сцены, что и дорога, и пыль, и сѣрые, однообразно шагающіе ряды солдатъ переставали для него существовать. Онъ шелъ съ низко опущенной головой, съ неопредѣленной

улыбкой на губахъ, съ расширившимися и потемнѣвшими неподвижными глазами. Нѣсколько верстъ уходили незамѣтно, и, когда Авиловъ просыпался отъ своихъ грезъ, передъ нимъ уже разстилалась совершенно новая мѣстность.

Вечернія тѣни удлинились. Солнце стояло надъ самой чертой земли, окрашивая пыль въ яркій пурпуровый цвѣтъ. Дорога пошла подъ гору. Далеко на горизонтѣ показались неясныя очертанія лѣса и жилыхъ строеній.

Навстрѣчу отряду тянулся безконечный крестьянскій обозъ. При приближеніи солдатъ, хохлы медленно, одинъ за другимъ, сворачивали своихъ громадныхъ, сѣрыхъ, круторогихъ, лѣнивыхъ воловъ съ дороги и снимали шапки. Всѣ они, какъ одинъ, были босикомъ, въ широчайшихъ холщевыхъ штанахъ, въ холщевыхъ рубахахъ. Изъ разстегнутыхъ воротовъ рубахъ выглядывали обнаженныя шеи, темно-бронзовыя отъ загара и покрытыя безчисленными мелкими морщинами.

По мѣрѣ того, какъ солдаты проходили мимо обоза, изъ рядовъ сыпались нетерпѣливые вопросы:

— Дядька, а далеко еще до Нагорной?

— Землякъ, сколько верстъ осталось до Нагорной?

— Что̀, братцы, это тамъ Нагорная видна?

Хохлы лѣниво, съ разстановкой отвѣчали, что до Нагорной «версты три, або четыре, мабудь, е, съ гакомъ». Солдаты ободрялись, поднимали выше головы и невольно прибавляли шагу.

Черезъ четверть часа внизу, въ глубокой лощинѣ блеснула синяя широкая лента рѣки. Солнце сѣло. Западъ пылалъ цѣлымъ пожаромъ ярко-пурпуровыхъ и огненно-золотыхъ красокъ; немного выше эти горячіе тона переходили въ дымно-красные, желтые и оранжевые оттѣнки, и только извилистые края прихотливыхъ облаковъ отливали расплавленнымъ серебромъ; еще

выше смугло-розовое небо незамѣтно переходило въ нѣжный зеленоватый, почти бирюзовый цвѣтъ. Тонкій серпъ молодого мѣсяца, блѣдный, едва замѣтный, стоялъ посреди неба; первыя звѣзды начинали робко поблескивать въ вышинѣ.

— Господа офицеры, по мѣстамъ! Барабанщики, походъ! — закричалъ въ головѣ отряда раскатистый начальническій голосъ.

Одинъ за другимъ, въ разныхъ мѣстахъ длинной колонны, глухо зарокотали барабаны. Солдаты бѣгомъ заскакивали въ ряды, поправляя на ходу толчкомъ спины и плечъ ранецъ и подпрыгивая, чтобы попасть въ ногу. Офицеры, обнажая на ходу шашки, поспѣшно отыскивали свои мѣста.

Наклонъ дороги сдѣлался еще круче. Отъ рѣки сразу повѣяло сырой прохладой. Скоро старый, дырявый деревянный мостъ задрожалъ и заходилъ подъ тяжелымъ, дробнымъ топотомъ ногъ. Первый батальонъ уже перешелъ мостъ, взобрался на высокій крутой берегъ и шелъ съ музыкой въ деревню. Гулъ разговоровъ стоялъ въ оживившихся и выровнявшихся рядахъ.

— Федорчукъ, не пыли. . . Подымай, бисовъ сынъ, ноги.

— А что̀, Шаповаловъ, ловкая у тебя въ Зимовицахъ была хозяйка? А? Какъ она яво, братцы мои, уфатомъ!

— Не лѣзь.

— Очень просто. Потому что онъ сичасъ съ руками.

— Ужъ это безпремѣнно, ребята: какъ вечеромъ небо красное — къ завтрашнему жди вѣтра.

— Эй, третій взводъ, кто за хлѣбомъ? Смотри, черти, опять прозѣваете!

— Подержи, землякъ, ружье, я шинель поправлю. А любезная эта самая вешшь — маневра! Куда лучше, чѣмъ, напримѣръ, ротная школа.

— Не отставай, четвертый взводъ! Дохлые!

Съ пригорка была видна вся деревня. Бѣлыя мазанныя хатенки, тонущія въ вишневыхъ садкахъ, раскинулись широко въ огромной долинѣ и по ея склонамъ. За крайнія хаты высыпала пестрая толпа, большею частью бабъ и ребятишекъ, посмотрѣть на «москалей». Запѣвала 11 роты, ефрейторъ Нога, самый голосистый во всемъ полку, не дожидаясь приказанія начальства, выскочилъ впередъ, попалъ въ тактъ, оглянулся на идущихъ сзади, сбилъ шапку на затылокъ и, принявъ небрежно-хмурый видъ, преувеличенно-широко размахивая правой рукой, запѣлъ:

Зима люта-ая проходить,
Весына-красна настаеть,
Весна-красна д'настаеть,
У солдата сердце мреть.

Сто здоровыхъ голосовъ оглушительно подхватили припѣвъ, и каждый солдатъ, проходя съ притворно-равнодушнымъ видомъ передъ глазами изумленной толпы, чувствовалъ себя героемъ въ эту минуту. «Это все мужичье, развѣ они что-нибудь понимаютъ? Имъ военная служба страшнѣе самого чорта: и бьютъ, молъ, тамъ, и на ученьи морятъ, и изъ ружья стрѣляютъ, и въ походы на турковъ водятъ. А я вотъ ничего этого не боюсь, и мнѣ на все наплевать, и никакого я на васъ, мужиковъ, вниманія не обращаю, потому что мнѣ некогда, я своимъ солдатскимъ дѣломъ занятъ, самымъ важнымъ и серьезнымъ дѣломъ въ мірѣ». Эту мысль Авиловъ читалъ на всѣхъ лицахъ, начиная отъ запѣвалы и кончая послѣднимъ штрафованнымъ татариномъ, и самъ онъ, противъ воли, проникался созна-

ніемъ какой-то суровой лихости и шелъ легкой, плывущей походкой, высоко поднявъ голову и выпрямивъ грудь.

Намъ ученье чижало,
Между проч-чимъ ничего! —

пѣлъ Нога, коверкая изъ молодечества слова и подкрикивая хору жесточайшимъ фальцетомъ. Никто не думалъ больше о натертыхъ ногахъ и объ ранцахъ, наломившихъ спины. Люди давно уже, издали, замѣтили четырехъ «своихъ» квартирьеровъ, идущихъ ротѣ навстрѣчу, чтобы сейчасъ же развести ее по заранѣе назначеннымъ дворамъ. Еще нѣсколько шаговъ, и взводы разошлись, точно растаяли, по разнымъ переулкамъ деревни, слѣдуя съ громкимъ хохотомъ и неумолкающими шутками каждый за своимъ квартирьеромъ.

Авиловъ нехотя, лѣнивыми шагами доплелся до воротъ, на которыхъ мѣломъ была сдѣлана крупная надпись: «кватера Поручика авелова». Домъ, отведенный Авилову, замѣтно отличался отъ окружающихъ его хатенокъ и размѣрами, и бѣлизною стѣнъ, и желѣзной крышей. Половина двора заросла густой, выше человѣческаго роста кукурузой и гигантскими подсолнечниками, низко гнувшимися подъ тяжестью своихъ желтыхъ шапокъ. Около оконъ, почти закрывая простѣнки между ними, подымались длинныя, тонкія мальвы со своими блѣдно-розовыми и красными цвѣтами.

Денщикъ Авилова, Никифоръ Чурбановъ — ловкій, веселый и безобразный, точно обезьяна, солдатъ — уже раздувалъ на крыльцѣ снятымъ съ ноги сапогомъ самоваръ. Увидя барина, онъ бросилъ сапогъ на землю и вытянулся.

— Сколько разъ я тебѣ повторялъ, чтобы ты не раздувалъ сапогомъ, — сказалъ брезгливо Авиловъ. — Покажи, гдѣ здѣсь пройти.

Денщикъ отворилъ дверь изъ сѣней направо. Комната была просторная и свѣтлая; на окнахъ красныя ситцевыя гардинки; диванъ и стулья, обитые тѣмъ же дешевымъ ситцемъ; на чисто побѣленныхъ стѣнахъ множество фотографическихъ карточекъ въ деревянныхъ ажурныхъ рамахъ и два олеографическихъ «приложенія»; маленькій пузатый комодъ съ висящимъ надъ нимъ квадратнымъ тусклымъ зеркаломъ и наконецъ въ углу необыкновенно высокая двухспальная кровать съ цѣлой пирамидой подушекъ — отъ громадной, во всю ширину кровати, до крошечной думки. Пахло мятою, любисткомъ и чебрецомъ. Въ Малороссіи пучки этихъ травъ всегда втыкаются «для духу» за образа.

Авиловъ стянулъ съ себя объ спинку кровати сапоги и легъ, закинувъ руки за голову. Теперь ему стало еще скучнѣе, чѣмъ на походѣ. «Ну, вотъ и пришли, ну и что̀ же изъ этого? — думалъ онъ, глядя въ одну точку на потолкѣ. — Читать нечего, говорить не съ кѣмъ, занятія нѣтъ никакого. Пришелъ, растянулся, какъ усталое животное, выспался, а опять завтра иди, а тамъ опять спать, и опять итти, и опять, и опять... Развѣ заболѣть да отправиться въ госпиталь?»

Темнѣло. Гдѣ-то близко за стѣной торопливо тикалъ маятникъ часовъ. Со двора слышалось, какъ всей грудью и подолгу не переводя духу, раздувалъ Никифоръ уголья въ самоварѣ. Вдругъ Авилову пришла въ голову мысль искупаться.

— Никифоръ! — крикнулъ онъ громко.

Никифоръ поспѣшно вошелъ, хлопая дверьми и стуча надѣтыми уже сапогами, и остановился у порога.

— Здѣсь рѣка есть? — спросилъ Авиловъ.

— Такъ точно!

— А что̀, если бы выкупаться? Какъ ты думаешь?

— Такъ точно, можно, вашбродь, — немедленно согласился денщикъ.

— Да ты навѣрное говори. Можетъ-быть, грязно?

— Такъ точно, страсть — грязно, вашбродь. Такъ что — прямо болото. Даве кавалерія лошадей поила, такъ лошади пить не хотятъ.

— Ну и куракъ! А ты вотъ что̀ скажи мнѣ...

Авиловъ запнулся. Онъ и самъ не зналъ, что̀ спросить. Ему просто не хотѣлось оставаться одному.

— Скажи мнѣ... Хозяйка хорошенькая?

Денщикъ засмѣялся, отеръ рукавомъ губы и съ конфузливымъ видомъ отвернулъ голову къ стѣнѣ.

— Ну? — нетерпѣливо поощрилъ Авиловъ.

— Такъ что... Не могу знать... Онѣ — ничего, вашбродь, хорошенькія... въ родѣ какъ монашки.

— А мужъ старый? Молодой?

— Не очень старый, вашбродь. Такъ точно, молодой. Онъ писаремъ здѣсь, мужъ евонный, служитъ.

— Писаремъ? А почему же, какъ монашка? Ты съ ней разговаривалъ?

— Такъ точно, разговаривалъ. Я говорю, смотрите, сейчасъ баринъ мой придетъ, такъ чтобы у васъ все въ порядкѣ было...

— Ну, а она?

— Она что̀ жъ? Она повернулась, да и пошла себѣ. Сердитая.

— А мужъ ея дома?

— Дома. Только теперь его нѣтъ, — ушелъ куда-то.

— Ну, хорошо. Давай самоваръ, да поди, скажи хозяйкѣ, что я прошу ее на чашку чаю. Понимаешь?

Черезъ нѣсколько минутъ Никифоръ внесъ самоваръ и зажегъ свѣчи. Заваривая чай, онъ произнесъ:

— Ходилъ я сейчасъ... къ хозяйкѣ-то...

— Ну и что̀ же?

— Сказалъ.

— Ну?

— Она говоритъ: оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ. Никакого, говоритъ, мнѣ вашего чая не надо.

— И чортъ съ ней! — рѣшилъ Авиловъ, зѣвая. — Наливай чай!

Онъ молча поужиналъ холодной говядиной и яйцами и напился чаю. Никифоръ такъ же молча ему прислуживалъ. Когда офицеръ кончилъ чай, денщикъ унесъ самоваръ и остатки ужина къ себѣ въ сарай.

Авиловъ раздѣлся и легъ. Какъ всегда послѣ сильной усталости — ему не спалось. Изъ-за стѣны попрежнему слышалось однообразное тиканье часовъ и какой-то странный шумъ, похожій на то, какъ будто бы два человѣка разговаривали быстрымъ и сердитымъ шопотомъ. Въ окнѣ, прямо передъ глазами Авилова, на темно-синемъ небѣ отчетливо рисовался недалекій пирамидальный тополь, стройный, тонкій и темный, а рядомъ съ нимъ, сбоку, ярко-желтый мѣсяцъ. Едва Авиловъ закрывалъ вѣки, передъ нимъ тотчасъ же назойливо вставала скучная картина похода: сѣрыя, комковатыя поля, желтая пыль, согнутыя подъ ранцами фигуры солдатъ. На мгновеніе онъ забывался, и, когда опять открывалъ глаза, ему казалось, что онъ только-что спалъ, но сколько времени — минуту или часъ — онъ не зналъ. Наконецъ ему удалось на самомъ дѣлѣ заснуть легкимъ, тревожнымъ сномъ, но и во снѣ онъ слышалъ быстрое тиканье маятника за стѣной и видѣлъ скучную дневную дорогу.

Часа черезъ полтора Авиловъ вдругъ опять почувствовалъ себя лежащимъ съ открытыми глазами и опять спрашивалъ себя: спалъ онъ, или это только была одна секунда полнаго забвенія, отсутствія мысли? Мѣсяцъ, уже не желтый, а серебряный, поднялся къ самой верхушкѣ тополя. Небо стало еще синѣе и холоднѣе. Порою на мѣсяцъ набѣгало бѣлое, легкое, какъ паутина, облачко, и вдругъ все оно освѣщалось оранжевымъ

сіяніемъ. Быстрый сердитый шопотъ, который Авиловъ слышалъ давеча за стѣною, перешелъ въ сдержанный, но довольно громкій разговоръ, похожій на ссору, вотъ-вотъ готовую прорваться въ озлобленныхъ крикахъ. Авиловъ прислушался. Спорили два голоса: мужской — низкій, то дребезжащій, то глухой, точно изъ бочки, какой бываетъ только у чахоточныхъ пьяницъ, и женскій — очень нѣжный, молодой и печальный. Голосъ этотъ на мгновеніе вызвалъ въ головѣ Авилова какое-то смутное, отдаленное воспоминаніе, но такое неясное, что онъ даже и не остановился на немъ.

— Спать я тебѣ не даю? — спрашивалъ мужчина съ желчной ироніей. — Спать тебѣ хочется? А если ты меня, можетъ-быть, на цѣлую жизнь сна рѣшила? Это ничего? А? У, под-длая! Спать хочется? Да ты, дрянь ты этакая, ты еще дышать-то смѣешь ли на бѣломъ свѣтѣ? Ты...

Мужчина внезапно раскашлялся глухимъ, задыхающимся кашлемъ. Авиловъ долго слышалъ, какъ онъ плевалъ, хрипѣлъ и ворочался на постели. Наконецъ ему удалось справиться съ кашлемъ.

— Тебѣ спать хочется, а я, какъ овца, по твоей милости кашляю... Вотъ, погоди, ты меня и въ гробъ скоро вгонишь... Тогда выспишься, змѣя.

— Да вольно же вамъ, Иванъ Сидорычъ, водку пить, — возразилъ печальный и нѣжный женскій голосъ. — Не пили бы, и грудь бы не болѣла.

— Не пить? Не пить, ты говоришь? Да ты это что̀ же? Я твои деньги, что ли, въ кабакѣ оставляю? А? Отвѣчай, твои?

— Свои, Иванъ Сидорычъ, — покорно и тихо отвѣтила женщина.

— Ты въ домъ принесла хоть грошъ какой-нибудь, когда я тебя бралъ-то? А? Хоть гривенникъ дырявый ты принесла?

— Да вы вѣдь сами знали, Иванъ Сидорычъ, я дѣвушка была бѣдная, взять мнѣ было неоткуда. Кабы у меня родители богатые...

Мужчина вдругъ засмѣялся злобнымъ, презрительнымъ, долгимъ хохотомъ и опять раскашлялся.

— Бѣ-ѣдная? — спросилъ онъ ядовитымъ шопотомъ, едва переводя дыханіе. — Бѣдная? Это мнѣ все равно, что бѣдная. А ты знаешь, какое у дѣвушки богатство? Ты это знаешь?

Женщина молчала.

— Ежели она себя соблюла, вотъ ея богатство! Че-е-есть! Ты этого слова не слыхала? Что̀? Я тебя спрашиваю, ты это слово слыхала или нѣтъ? Ну?

— Слыхала, Иванъ Сидорычъ...

— Врешь, не слыхала. Кабы ты слыхала, ты сама бы честная была. А я тебя развѣ честную замужъ взялъ? Ну?

— Что̀ же, Иванъ Сидорычъ, я какъ передъ Богомъ... Моя вина... Пятый годъ прошу прощенія у васъ.

Она заплакала тихо, тоненько и жалобно. Но ея слезы только еще болѣе раздражили мужа. Онъ отъ нихъ пришелъ въ ярость.

— И десять лѣтъ проси — не прощу. Никогда я тебя, развратница, не прощу. Слышишь, никогда!.. Зачѣмъ ты мнѣ не призналась? Зачѣмъ ты меня обманывала? Ага! Ты думала, я чужіе грѣхи буду покрывать? Вотъ, молъ, дуракъ, слава Богу, нашелся, за честь сочтетъ чужими объѣдками пользоваться. Да ты знаешь ли, тварь, я на купеческой дочкѣ могъ бы жениться, если бы не ты... Я бы карьеру свою теперь сдѣлалъ. Я бы...

— Да вѣдь не сама я, Иванъ Сидорычъ, — отвѣчала, всхлипывая, женщина: — не своей охотой я пошла

то за васъ. Вы сами знаете, какъ меня маменька била въ то время.

Это оправданіе довело мужчину до бѣшенства. Онъ опять страшно закашлялся, и въ промежуткахъ между приступами кашля Авиловъ услышалъ цѣлый потокъ озлобленной скверной ругани. Потомъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался рѣзкій и сухой звукъ пощечины, за нимъ другой, третій, четвертый, и въ ночной тишинѣ посыпались безпощадные, разсчитанные, ожесточенные удары. А затѣмъ какъ-то все сразу смолкло. Стало такъ тихо, что можно было разслышать пискъ червяка, точившаго дерево. Авиловъ лежалъ, широко раскрывъ глаза; сердце его учащенно билось отъ какого-то жуткаго, грустнаго и жалостливаго чувства. Потомъ онъ услышалъ тихій голосъ женщины, заглушаемый сдержаннымъ плачемъ.

— Боже мой, Господи, — причитала она, рыдая, скрежеща зубами и захлебываясь отъ слезъ: — отчего Ты мнѣ не пошлешь смерти мучительной? Вѣдь пять лѣтъ... пять лѣтъ каждая ночь не обойдется безъ попрековъ. Хотя убилъ бы меня сразу, извергъ! За что ты меня терзаешь? За что? Развѣ я не слуга тебѣ? Развѣ я не твоя раба? Ну, хоть бы одну ноченьку ты изъ меня души моей не выматывалъ. Одну только ночь! Что̀ же ты думаешь, я т о г о, проклятаго, любила? Пусть его Господь покараетъ за меня позорной смертью. Если бы я встрѣтила его, задушила бы, вотъ такъ, пальцами бы своими задушила!.. Жизнь онъ мою загубилъ, негодяй! Двадцать пять лѣтъ мнѣ, я ужъ старухой стала... Моченьки моей нѣтъ!

Долго Авиловъ слушалъ эти страстныя, отчаянныя жалобы, все стараясь припомнить, гдѣ онъ раньше слышалъ похожій голосъ, и вдругъ неожиданно, сразу, заснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ, безъ всякихъ видѣній.

Подъ утро онъ опять проснулся. Мѣсяца уже не было видно. Небо изъ темно-синяго сдѣлалось свѣтло-сѣрымъ. Авиловъ съ удивленіемъ опять услышалъ за стѣнкою тѣ же голоса.

— Милая моя, дорогая, — говорилъ мужчина растроганнымъ, ослабѣвшимъ голосомъ: — если бы не это, какъ бы я тебя любилъ-то! То-есть вѣтру на тебя дохнуть не позволилъ бы. Барыней бы у меня была, вотъ что̀.

— Ахъ, Иванъ Сидорычъ, ну, простите вы меня наконецъ. Ну, будемъ, какъ люди, какъ всѣ... На что ужъ я вамъ послушна, а тогда вотъ, кажется, мысли бы ваши угадывала...

Наступило молчаніе, а Авиловъ услышалъ за стѣною звуки продолжительныхъ поцѣлуевъ.

— Ну хорошо, ну хорошо, — заговорилъ ласково и успокоительно мужчина. — Ну будетъ, будетъ... Ты думаешь, мнѣ самому сладко? У меня сердце кровью обливается, а не то что... Голубка моя.

И опять до ушей Авилова донесся долгій поцѣлуй.

— Да, вотъ вы говорите — хорошо, — прошептала женщина, слегка задыхаясь: — а завтра опять... Ужъ сколько разъ вы обѣщались не попрекать больше, а сами... Передъ образа̀ми божились сколько разъ...

— Ну будетъ, ну перестань... Ты мнѣ только скажи, ты т о г о - т о, тогдашняго, не любишь вѣдь? Правда?

— Ахъ, Иванъ Сидорычъ, ну что̀ вы спрашиваете? Да я зарѣзала бы его своими руками, если бы только встрѣтила гдѣ!..

Разговоръ за стѣной затихъ, понизился до шопота, все чаще слышались поцѣлуи и подавленный, счастливый смѣхъ Ивана Сидоровича.

Сонъ опять началъ сковывать Авилова, но онъ боролся съ нимъ и все старался припомнить, гдѣ онъ

слышалъ такой же голосъ? Порою онъ уже вотъ-вотъ готовъ былъ вспомнить, но мысли его разсѣивались и путались, какъ всегда у засыпающаго человѣка... Наконецъ, совершенно засыпая, онъ вспомнилъ.

Это было лѣтъ шесть тому назадъ. Онъ — только-что произведенный тогда въ офицеры — пріѣхалъ на лѣто къ своему дядѣ въ имѣніе, въ Тульскую губернію. Скука была въ деревнѣ страшная, и Авиловъ постоянно и усиленно искалъ хоть какого-нибудь развлеченія. Охота, рыбная ловля — давно надоѣли, ѣздить верхомъ было слишкомъ жарко.

Вѣроятно, отъ скуки, онъ однажды обратилъ вниманіе на дядину горничную Харитину, высокую, сильную дѣвушку, тихую и серьезную, съ большими синими, постоянно немного грустными глазами. Какъ-то вечеромъ, встрѣтившись съ Харитиной въ сѣняхъ, Авиловъ обнялъ ее. Дѣвушка молча отбросила его руки отъ своей груди и такъ же молча ушла. Офицеръ смутился и, озираясь, на цыпочкахъ, съ краснымъ лицомъ и бьющимся сердцемъ прошелъ въ свою комнату.

Недѣли двѣ спустя, въ жаркій, истомный іюньскій полдень Авиловъ лежалъ на краю громаднаго густого сада, на сѣнѣ, и читалъ. Вдругъ онъ услышалъ совсѣмъ близко за своею спиной легкіе шаги. Онъ обернулся и увидѣлъ Харитину, которая, повидимому, его не замѣчала.

— Ты куда собралась, Харитина? — окликнулъ ее Авиловъ.

Она сначала испугалась, потомъ сконфузилась.

— Я тутъ... вотъ... купалась сейчасъ...

Авиловъ подошелъ къ ней, тревожно оглянулся по сторонамъ и обнялъ ее. Она молча, опустивъ глаза и покраснѣвъ, уперлась руками въ его грудь и дѣлала

усилія оттолкнуть его. Офицеръ все крѣпче притягивалъ дѣвушку къ себѣ, тяжело дыша и торопливо цѣлуя ея волосы и щеки.

Харитина сопротивлялась долго, съ молчаливымъ упорствомъ и озлобленіемъ. Она была очень сильна. Авиловъ началъ изнемогать и хотѣлъ уже выпустить дѣвушку, какъ вдругъ она страшно поблѣднѣла, руки ея безсильно упали внизъ, глаза закрылись.

Очнувшись, она принялась истерично плакать. Всѣ утѣшенія и обѣщанія Авилова были напрасны. Онъ такъ и ушелъ изъ сада, оставивъ Харитину бившейся въ рыданіяхъ на травѣ.

Она объ этомъ случаѣ никому не сказала ни слова и только старательно избѣгала встрѣчъ съ Авиловымъ.

Да, впрочемъ, и самъ Авиловъ черезъ четыре дня уѣхалъ изъ деревни, по телеграммѣ матери, неожиданно заболѣвшей.

Съ тѣхъ поръ онъ не видалъ Харитины, и только сейчасъ голосъ женщины за стѣною слегка ему ее напомнилъ, слегка, — потому что Авиловъ не успѣлъ еще разобраться въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ уже опять заснулъ крѣпкимъ утреннимъ сномъ.

— Вашбродь, вставайте! Вставайте, вашбродь. Ужъ ротный командиръ пошодши къ ротѣ! — будилъ Никифоръ разоспавшагося Авилова, тряся его, съ должнымъ однако почтеніемъ, за плечо.

— Мм... а самоваръ? — промычалъ Авиловъ, съ трудомъ раскрывая глаза.

Никакъ нѣтъ! Вещи всѣ отправлены: фельдфебель приказали. Я ужъ васъ, почитай, цѣлый часъ будилъ: изволили ругаться и сказали, что чаю не будете пить.

Авиловъ сдѣлалъ наконецъ надъ собою усиліе, быстро вскочилъ съ постели и сталъ поспѣшно одѣваться. Онъ боялся опоздать. Поспѣшно плеснулъ нѣсколько разъ на лицо водою, едва застегнувъ сюртукъ,

онъ побѣжалъ къ сборному мѣсту, на ходу надѣвая шарфъ съ кобуромъ и шашку.

Батальоны уже стояли правильными черными четырехугольниками вдоль широкой улицы, рядомъ, одинъ около другого. Авиловъ поспѣшно вступилъ въ свое мѣсто, стараясь не встрѣчаться глазами съ укоризненнымъ взглядомъ командира.

Небо было ясно, чистое, нѣжно-голубого цвѣта. Легкія бѣлыя облака, освѣщенныя съ одной стороны розовымъ блескомъ, лѣниво плыли въ прозрачной вышинѣ. Востокъ алѣлъ и пламенѣлъ, отливая въ иныхъ мѣстахъ перламутромъ и серебромъ. Изъ-за горизонта, точно гигантскіе растопыренные пальцы, тянулись вверхъ по небу золотые полосы отъ лучей еще не взошедшаго солнца.

Черезъ десять минутъ изъ-за праваго фланга выѣхалъ на своемъ громадномъ сѣромъ churinѣ полковой командиръ. Его голосъ оживленно и явственно раздался въ утреннемъ воздухѣ:

— Здорово, первый ба-тальо-онъ!

— Здра-жла-ва-со!.. — весело и бодро крикнули четыреста молодыхъ голосовъ.

Онъ объѣхалъ такимъ образомъ всѣ батальоны, затѣмъ выѣхалъ передъ серединой полка, шаговъ на пятьдесятъ, откинулся тѣломъ назадъ и, закинувъ вверхъ голову, молодцоватымъ, радостнымъ голосомъ скомандовалъ:

— Подъ знамена! Ша-а-ай! На кра-у-улъ!

Батальоны брякнули ружьями и замерли. Прозрачно и рѣзко разносясь въ воздухѣ, раздались звуки встрѣчнаго марша. Знамя, обернутое сверху кожаннымъ футляромъ, показалось надъ рядами, мѣрно колыхаясь подъ звуки музыки. Того, кто его несъ, не было видно. Потомъ оно остановилось, и музыка замолкла.

Полкъ вытянулся въ длинную, узкую колонну и двинулся. Солдаты шли бодро, радуясь свѣжему, веселому утру, отдохнувшіе и сытые. Всѣмъ хотѣлось пѣть, и, когда Нога своимъ звонкимъ, сильнымъ голосомъ затянулъ:

Ой да изъ-подъ горки, ой изъ-подъ крутой
Ѣхалъ майоръ молодой,

солдаты подхватили припѣвъ особенно дружно и согласно.

Извиваясь длинной лентой, полкъ одну за другой проходилъ улицы большого села. Авиловъ издали узналъ домъ, въ которомъ онъ провелъ ночь. У калитки его стояла какая-то женщина съ коромысломъ на плечѣ, въ темномъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. «Это, должно-быть, моя хозяйка, — подумалъ Авиловъ: — интересно на нее взглянуть».

Когда онъ сровнялся съ нею, женщина быстро, точно отъ внезапнаго толчка, обернулась назадъ и встрѣтилась глазами съ Авиловымъ. Онъ сразу узналъ ее. Это была, несомнѣнно, Харитина: тѣ же глубокіе, кроткіе глаза, то же серьезное и печальное лицо...

И она его тотчасъ же узнала. Въ глазахъ ея попеременно отразились и изумленіе, и гнѣвъ, и страхъ, и презрѣніе... она поблѣднѣла, и ея ведра упали вмѣстѣ съ коромысломъ на землю, дребезжа и катясь.

Авиловъ обернулся. Тяжелая, острая скорбь внезапно охватила его: точно кто-то сжалъ грубой рукой его сердце. И почему-то въ то же время онъ показался себѣ такимъ маленькимъ-маленькимъ, такимъ подленькимъ трусишкой. И, чувствуя на своей спинѣ взглядъ Харитины, онъ весь съеживался и приподнялъ вверхъ плечи, точно ожидая удара.

А рядомъ съ нимъ справа, слѣва, впереди, сзади — здоровые голоса орали съ гиканьемъ, визгомъ и пронзительнымъ свистомъ:

Здравствуй, Саша, здравствуй, Маша,
Здравствуй, милая моя...

ЛѢСНАЯ ГЛУШЬ.

Середина апрѣля. Вечеръ. Я иду по узкой, твердой, корчеватой лѣсной дорожкѣ, которая двумя глубокими песчаными колеями вьется среди хвойнаго молодняка, выросшаго вокругъ сѣрыхъ дряблыхъ пней. Рядомъ со мною идетъ Кирила, сотскій изъ Зульни, впереди — полѣсовщикъ Талимонъ. Оба они шагаютъ рѣдко, но размашисто: подъ ихъ ногами, обутыми въ лыковыя постолы, не треснетъ ни одна сухая вѣточка. Время отъ времени Талимонъ сходитъ съ тропинки, нагибается и шаритъ руками въ буреломѣ. Онъ разыскиваетъ лучину, которую еще утромъ нащипалъ для костра, и никакъ не можетъ найти ее. Вѣроятно, онъ забылъ мѣсто, но сознаться ему въ этомъ, какъ старому охотнику, особенно передъ своимъ всегдашнимъ соперникомъ — сотскимъ, не хочется, и я слышу, какъ онъ, не выпуская изо рта короткой трубки, ворочитъ что-то про «злодіевъ» и «бисовыхъ сыновъ».

Сегодня мы разложимъ въ лѣсу костеръ и около него вздремлемъ часа три-четыре, до той поры, когда начнетъ чуть-чуть брезжить разсвѣтъ. Къ зарѣ мы уже должны быть въ «будкахъ», чтобы не прозѣвать перваго тетеревинаго тока.

Сотскій Кирила и Талимонъ — мои всегдашніе спутники по охотѣ. Кирила — высокій, костлявый и

весь какой-то развинченный мужикъ. У него худое, желтое лицо, впалыя щеки, плохо выбритый острый подбородокъ и огромный лобъ, по обѣ стороны котораго падаютъ прямые, длинные волосы; въ общемъ его голова напоминаетъ голову опереточнаго математика или астронома. На немъ надѣтъ поверхъ кожуха войлочный «латунъ», уже старенькій, но чистый и франтоватый, — правая сторона у латуна коричиевая, а лѣвая — сѣрая, и всѣ швы оторочены краснымъ шнуркомъ. Баранью шапку, отправляясь на охоту, Кирила надѣваетъ набекрень такъ, что она закрываетъ ему одинъ глазъ, и тогда вся деревня знаетъ, что «сотникъ иде на пановку».

Кирила служилъ въ «москаляхъ», былъ подъ Плевной и получилъ георгіевскій крестъ, — за что получилъ? — добиться отъ него толкомъ невозможно. Изъ его же собственнаго разсказа выходитъ только, что «Якъ турци насъ забрали въ плинъ, то разомъ узяли съ нами и майора Птицына, а потомъ, якъ мы вси стали утекать, то майора Птицына турци забили геть до смерти»... Въ настоящее время онъ уже десятый годъ подъ рядъ служитъ по выборамъ сотскимъ, получаетъ за это восемь рублей въ годъ, исполняетъ свои обязанности съ неугасаемымъ «административнымъ восторгомъ» и въ душѣ чрезмѣрно преувеличиваетъ размѣры облекающей его власти. Арестанты изъ его села отправляются до слѣдующаго этапа не иначе, какъ со связанными назадъ руками, между которыми продѣта длинная веревка; за каждый изъ концовъ этой веревки держатся конвоирующіе двое мужиковъ, что̀ придаетъ всей процессіи внушительный и комическій видъ. Сотскій ведетъ очередь, кому изъ хозяевъ итти на какія общественныя работы, и хотя увѣряетъ, что у него на это есть какая-то «ханстрюкція», но, кажется, руководствуется при распредѣленіи наряда болѣе симпатіями, заключенными за чаркой, нежели указаніями таинственной инструкціи.

Онъ до нѣкоторой степени предводительствуетъ общественнымъ мнѣніемъ, и по праздникамъ въ толпѣ, собравшейся на лужайкѣ около монопольнаго забора (эта лужайка — своеобразный сельскій клубъ), особенно громко раздается его голосъ. До моего окна доносятся неизмѣнно однѣ и тѣ же задорныя фразы: «Я ему докàжу»... «Законъ не позволяетъ»... «Якъ мене поставили начальствомъ»... Пьянъ онъ бываетъ рѣдко, но, выпивши, безобразничаетъ. Тогда онъ ходитъ непремѣнно по самой серединѣ улицы и требуетъ, чтобы передъ нимъ снимали шапки. — «Що жъ ты? Не бачишь, що начальство иде?» — кричитъ онъ, подпираясь руками въ бока. Въ эти пьяныя минуты случается, что ему приходитъ въ голову какая-нибудь сумасбродно-административная затѣя, напримѣръ, отдать приказъ, чтобы завтра же все село выѣзжало строить новый мостъ черезъ Горынь, и съ непремѣннымъ условіемъ окончить постройку къ вечеру. Крестьяне ему не противорѣчатъ, отлично зная, что на другой день сотскій даже и не вспомнитъ о своемъ вдохновенномъ предпріятіи.

Кирила ужасно любитъ разговаривать со всякимъ начальствомъ. При этомъ разговорѣ онъ отъ излишняго усердія вихляетъ всѣмъ туловищемъ, подергиваетъ бедрами и отчаянно жестикулируетъ большимъ пальцемъ правой руки, оттопыреннымъ въ сторону отъ остальныхъ пальцевъ, сжатыхъ въ кулакъ. Многословная его рѣчь такъ и пестритъ кудреватыми выраженіями, въ родѣ: «какая разница!»... «окончательно совсѣмъ»... «безъ никакого вниманія». Титулы, которыми онъ величаетъ исправника и станового, всегда разнообразны и нелѣпо преувеличены. Если же въ присутствіи властей сотскому приходится вести разговоръ съ лицомъ, ему самому подчиненнымъ, то, хотя голова сотскаго и обращена къ этому подчиненному, но глаза устремлены все время на власть съ заигрывающимъ выраженіемъ, а въ

тонѣ его словъ слышится угодливая пренебрежительность, — дескать, «видите, пане, какая мужицкая необразованность, и какъ мы съ вами все это хорошо и тонко понимаемъ»...

Въ комнатѣ съ нимъ разговаривать неудобно, потому что онъ кричитъ, какъ на пожарѣ (голосъ у него — фальцетъ, — осипшій и надсаженный), тотчасъ же перебиваетъ всякаго, кто при немъ заговоритъ, самъ тараторитъ безъ умолку и ничего не слышитъ, кромѣ своихъ собственныхъ витіеватыхъ фразъ. Дома у себя и съ крестьянами онъ гораздо проще, естественнѣе, но съ начальствомъ и съ господами почему-то считаетъ необходимымъ быть какъ можно безтолковѣе и при первомъ же удобномъ случаѣ охотно впадаетъ въ роль шута. Начальство, кажется, любитъ его, но при каждомъ проѣздѣ не преминетъ собственноручно прибить, о чемъ Кирила потомъ разсказываетъ со всѣми признаками хвастливаго удовольствія: «Отъ якъ мини врядникъ въ пыку запалилъ! Бѣда!..» Получивъ служебную бумагу, онъ, прежде чѣмъ ее распечатать, со значительнымъ видомъ надѣваетъ на носъ огромныя, круглыя, прадѣдовскія очки въ роговой оправѣ и затѣмъ уже, наморщивъ лобъ и сжавъ губы, разсматриваетъ документъ, держа его нерѣдко вверхъ ногами. Конечно, эти внушительные пріемы никого не обманываютъ, потому что всякому извѣстно, что ни въ Зульнѣ, ни въ Крешевѣ, ни въ Яблонномъ, съ его окрестностями, ни одинъ человѣкъ не умѣетъ читать, кромѣ бывшаго шинкаря Лейбы Фикуса, къ которому потомъ сотскій и отнесетъ бумагу для прочтенія.

Кирила недурной стрѣлокъ, но охотникъ — несчастливый, а, главное дѣло, хвастунъ. Отправляясь на охоту и заломивъ шапку набокъ, онъ кричитъ на весь лѣсъ и божится, что сегодня ужъ навѣрняка принесетъ домой полную сумку, а сумка у него чудовищныхъ

размѣровъ. При промахѣ онъ сначала съ изумленіемъ смотритъ на ружье, пожимаетъ плечами и въ недоумѣніи спрашиваетъ: «Що це таке съ моей стрѣльбой зробилось?», — потомъ идетъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла дичь, и тщательно разыскиваетъ перья или слѣды крови. Если же ему случится убить что-нибудь, то онъ несетъ дичь на ксендзовскій дворъ или къ органисту и продаетъ тамъ. Каждый разъ послѣ охоты онъ доводитъ меня до калитки и, снявъ шапку и склонивъ просительно набокъ свою водевильную голову, говоритъ заискивающимъ, тихимъ голосомъ:

— Панычу, а якъ бы вы сотнику пожаловали на крючокъ водки?..

Талимонъ — человѣкъ другого склада. Онъ совсѣмъ плохой хозяинъ, и его хату можно безошибочно найти, потому что она самая худшая во всемъ селѣ: драни на крышѣ дырявая, еле держится, стекла въ окнахъ почти всѣ повыбиты и замѣнены тряпками, стѣны ушли въ землю и покосились. Кожухъ у Талимона испещренъ заплатами и разодранъ подъ мышками, изъ шапки кое гдѣ повылѣзли клочья ваты, но вся одежда сидитъ на немъ хорошо, почти изящно. Онъ невысокъ ростомъ, поджаръ и очень ловокъ въ движеніяхъ. Все его лицо отъ самыхъ глазъ заросло волосами; черные усы сливаются съ черной бородой, короткой, но чрезвычайно густой и жесткой. Подъ широкими черными бровями глубоко сидятъ большіе круглые черные глаза, которые смотрятъ сурово, недовѣрчиво и немного испуганно: я это странное выраженіе не разъ подмѣчалъ у людей, проводящихъ большую часть жизни въ лѣсу. Голосъ у Талимона глуховатый, носового тембра, не лишенный пріятности, но говоритъ онъ рѣдко и мало, — тоже какъ всѣ лѣсные люди. Смѣется онъ еще рѣже, но зато улыбка совершенно измѣняетъ его лицо: оно вдругъ становится такимъ

ласковымъ и добродушнымъ, что на него просто залюбуешься.

Талимонъ скроменъ, застѣнчивъ и уступчивъ. Онъ ни про кого не отзывается дурно, развѣ только, если при немъ похвалятъ плохого охотника, то онъ слабо и презрительно махнетъ рукой. Про свои охотничьи успѣхи онъ никогда не говоритъ безъ особеннаго повода, но разсказъ его, при всей суровой сжатости, всегда занимателенъ и картиненъ. Когда сотскій съ крикомъ и нелѣпыми тѣлодвиженіями начинаетъ руководить порядкомъ охоты, Талимонъ не возражаетъ ему, а дѣлаетъ по-своему, что̀ выходитъ гораздо лучше и чему сотскій безпрекословно подчиняется, приписывая однако успѣхъ охоты своимъ распоряженіямъ.

У Талимона есть одна дорогая и трогательная общественная черта: онъ охотно беретъ на себя самыя непріятныя, хлопотливыя обязанности и безропотно становится на охотѣ на худшія мѣста. Онъ первый лѣзетъ по поясъ въ болото, первый переправляется по жидкому весеннему льду, строитъ шалаши, разводитъ костры, чиститъ ружья... Здоровье у него плохое. Часто, идя вмѣстѣ на охоту, я слышу его кашель, такой странный, отрывистый и сухой, что я долго не могъ къ нему привыкнутъ: все мнѣ казалось, что Талимонъ чему-то внезапно разсмѣялся, и я съ любопытствомъ оборачивался въ его сторону. Я думаю, что у него наслѣдственная чахотка, и что онъ не проживетъ долго, особенно при его молчаливой, упорной страсти къ спиртному. Если же кашель начинаетъ его мучить черезчуръ сильно, тогда Талимонъ приходитъ ко мнѣ за лѣкарствомъ. Лѣкарство это, изобрѣтенное едва ли не самимъ Талимономъ, состоитъ изъ большой рюмки водки, куда я капаю четыре или пять капель французскаго скипидару. — «А ну-ка, панычъ, дайте мини трошки тэрпэтыны... що-сь у меня въ грудяхъ зало-

жило», — говоритъ онъ въ этихъ случаяхъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительнаго колебанія на порогѣ моей комнаты. Я боюсь ошибиться, но мнѣ кажется, что, если бы я предложилъ Талимону принимать скипидаръ на водѣ, я бы рисковалъ потерять навсегда единственнаго своего паціента.

Въ хозяйственномъ быту Талимонъ лѣнтяй, какихъ свѣтъ не создавалъ. Вмѣсто самаго необходимаго домашняго дѣла, онъ предпочитаетъ цѣлыя сутки бродить по лѣсу съ ружьемъ за плечами. Когда его тринадцатилѣтняя дочь Варка вмѣстѣ со своимъ братишкой Архипомъ вспахиваетъ кое-какъ, неумѣлыми слабыми руками, жалкій клочокъ поля, Талимонъ только смотритъ на нихъ съ завалинки, равнодушно покуривая трубку, окологоченную мѣдью.

Оба они — и сотскій и Талимонъ — стрѣляютъ изъ такихъ ружей, какихъ я болѣе нигдѣ не встрѣчалъ: фунтовъ по пятнадцати вѣсомъ, около вершка калибромъ, съ самодѣльными ложами и чудовищной отдачей, способной свалить на землю телеграфный столбъ. Эти рѣдкіе предметы достались имъ по наслѣдству, и оба охотника не согласятся промѣнять ихъ ни на какую централку.

— Теперь такой «стрѣльбы» не могутъ сдѣлать, — говоритъ иногда Талимонъ, любовно поглядывая на свой аркебузъ. — Это «стрѣльба» настоящая, бо она ще за Катерыну Великую зроблена. О!..

И надо видѣть, съ какимъ многозначительнымъ видомъ подымается кверху черный палецъ Талимоновъ при этомъ: о!

У нихъ обоихъ есть собаки — отдаленные ублюдки гончихъ, у Кирилы — «Соколъ», а у Талимона — «Свирьга». Собаки, надо отдать имъ справедливость, прескверныя, но меня онѣ интересуютъ въ томъ отношеніи, что на нихъ до смѣшного отразился характеръ

ихъ господъ. Рыжій Кириловъ Соколъ, едва почуя заячій слѣдъ, бросается бѣжать по прямой линіи и громкимъ лаемъ даетъ знать о себѣ звѣрю за цѣлую версту. На убитаго зайца онъ тотчасъ же накидывается и начинаетъ его съ ожесточеніемъ пожирать, и отогнать его удается, только пустивъ въ ходъ ружейный прикладъ. Подходя на зовъ къ человѣку, Соколъ волнообразно изгибается туловищемъ, крутитъ головой, подобострастно взвизгиваетъ, лихорадочно машетъ хвостомъ и, наконецъ, дойдя до вашихъ ногъ, переворачивается на спину. Куски, которые ему даютъ, онъ вырываетъ изъ рукъ и уноситъ ихъ куда-нибудь подальше. Взглядъ у него напряженный, заискивающій и фальшивый.

Свирьга — маленькая черная гладкая сучка, съ остренькой мордочкой и желтыми подпалинами на бровяхъ. Звѣря она гонитъ молча, «нышкомъ», какъ говоритъ Талимонъ. Нравъ у нея нелюдимый, нервный и довольно дикій; ласкъ она, повидимому, терпѣть не можетъ. Она страшно худа. Талимонъ ее никогда не кормитъ, потому что, по его мнѣнію, «песъ и жинка мусятъ сами себя годувать», т.-е. должны сами себя пропитывать. Собака относится къ хозяину съ полнымъ равнодушіемъ, но я знаю, что, несмотря на эту кажущуюся холодность, Свирьга и Талимонъ сильно привязаны другъ къ другу.

Теплый безвѣтреный день угасъ. Только далеко на горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ зашло солнце, небо еще рдѣло багровыми полосами, точно оно было вымазано широкими ударами огромной кисти, омоченной въ кровь. На этомъ странномъ и грозномъ фонѣ зубчатая стѣна казеннаго хвойнаго лѣса отчетливо рисовалась грубымъ, темнымъ силуэтомъ, а кое-гдѣ торчавшія надъ ней прозрачныя круглыя верхушки голыхъ березъ, казалось, были нарисованы на небѣ легкими штрихами

нѣжной зеленоватой туши. Чуть-чуть выше розовый отблескъ гаснущаго заката незамѣтно для глазъ переходитъ въ слабый оттѣнокъ выцвѣтшей бирюзы... Воздухъ уже потемнѣлъ, и въ немъ выдѣлялся стволъ каждаго дерева, каждая вѣточка, съ той мягкой и пріятной ясностью, которую можно наблюдать только раннею весной, по вечерамъ. Слышалось иногда, какъ густымъ басомъ гудитъ, пролетая гдѣ-то очень близко, невидимый жукъ, и какъ онъ, сухо щелкнувшись о какое-то препятствіе, сразу замолкаетъ. Кое-гдѣ сквозь чащу деревьевъ мелькали серебряныя нити лѣсныхъ ручейковъ и болотецъ. Лягушки заливались въ нихъ своимъ торопливымъ, оглушительнымъ крикомъ; жабы вторили имъ болѣе рѣдкимъ, мелодическимъ и грустнммъ уханьемъ. Изрѣдка надъ головой пролетала съ пугливымъ кряканьемъ утка, да слышно было, какъ съ громкимъ и короткимъ блеяньемъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто бекасъ-баранчикъ. Высыпали первыя звѣзды, и никогда ихъ мерцающее сіянье не казалось мнѣ такимъ золотымъ, такимъ чистымъ, кроткимъ и радостнымъ.

— Стойте, панычъ... заждить трошки, — сказалъ вдругъ Талимонъ, присѣвъ на корточки сбоку дороги. — Сдается, здѣсь и заночуемъ...

Дѣйствительно, изъ-подъ густой сосновой вѣтки онъ вытащилъ охапку лучины, загодя наколотой имъ изъ стараго смоляного пня. Я далъ ему спичку, и сухое сосновое дерево тотчасъ же вспыхнуло яркимъ, безпокойнымъ пламенемъ, распространяя сильный запахъ смолы. Затѣмъ онъ навалилъ сверхъ лучины сухой прошлогодней желтой хвои, которая сразу задымилась и затрещала.

Сотскій не утерпѣлъ, чтобы не вмѣшаться.

— Атъ! — крикнулъ онъ съ досадой. — Ничего не умѣешь сдѣлать. Пусти меня.

Талимонъ сейчасъ же уступилъ ему свое мѣсто и только съ застѣнчивымъ видомъ вытеръ носъ рукавомъ латуна.

Но у сотскаго дѣло не спорилось, и начавшій-было разгораться костеръ чуть-чуть совсѣмъ не потухъ.

— Что̀ же ты не помогаешь... стоишь, якъ пень! — крикнулъ онъ съ сердцемъ на Талимона.

Съ помощью Талимона, притащившаго кучи хвороста, костеръ разгорѣлся веселымъ, шумнымъ огнемъ. Я въ это время доставалъ изъ сумки провизію, къ большому удовольствію сотскаго, провожавшаго глазами каждый предметъ, появлявшійся изъ нея. Талимонъ изъ деликатности дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ моихъ движеній. Я предложилъ имъ водки. Сотскій торопливо принялъ изъ моихъ рукъ серебряный стаканчикъ, гаркнулъ своимъ сиплымъ фальцетомъ: «За ваше здоровье, ваше выскородіе», опрокинулъ залпомъ водку въ ротъ, а воображаемые остатки лихо выплеснулъ себѣ черезъ плечо. Талимонъ — хотя я видѣлъ, что ему хочется выпить не меньше сотскаго — сначала немного поцеремонился.

— Пейте, пейте, панычъ, — уговаривалъ онъ меня такимъ ласковымъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что ему ничего, онъ какъ-нибудь потерпитъ, обойдется, но что мнѣ не выпить никакъ нельзя.

Я настаивалъ. Сдавшись наконецъ и взявъ стаканчикъ, онъ снялъ шапку и нѣсколько секундъ нерѣшительно глядѣлъ на водку; потомъ слегка кивнулъ мнѣ головой и промолвилъ: «Ну! Будьте здоровы, панычъ», и съ видимымъ наслажденіемъ выпилъ. Послѣ этого оба мои спутника отрѣзали по толстому куску свиного сала, надѣли его на шомпола и сунули въ огонь. Поджариваемое сало заворчало и, растапливаясь, капало въ огонь синими горящими каплями.

Раскаленные уголки съ трескомъ выпрыгивали изъ костра и, описавъ въ воздухѣ искристую дугу, падали за нами. Становилось жарко. Мы разлеглись поудобнѣе, ногами къ огню, головой наружу, и долго всѣ трое возились, уминая подъ собой мѣсто и выгребая сухія вѣточки и сосновыя шишки, мѣшавшія лежать. Потомъ всѣ притихли и молча глядѣли на пламя, охваченные тѣмъ непонятнымъ, тихимъ очарованіемъ, которое ночью такъ властно и такъ пріятно притягиваетъ глаза къ яркому огню.

Надъ костромъ вдругъ низко и прямо пролетѣла большая сѣрая птица, медленно махая крыльями и жалобно пища. Мы проводили ее глазами, пока она не утонула во мракѣ.

— Это канюка, — сказалъ Талимонъ, поправляя ногой полѣно, выбросившее отъ толчка густой снопъ искръ.

— Чтò такое? — переспросилъ я.

— Канюха, ваше благородіе. . . такая птаха! — закричалъ сотскій и весь заерзалъ на своемъ мѣстѣ. — Звѣсно, такъ мы ее называемъ — канюка. . . То-есть ей, значитъ, такое названіе — канюка.

— А панычъ знаетъ, чего она такъ кричитъ? — спросилъ съ легкой усмѣшкой Талимонъ.

— Нѣтъ, не знаю. . . Почему же?

— Не могу сказать: чи правда тому, чи нѣтъ, а только старые люди кажутъ, что ее Господь проклялъ.

— Атъ! — пренебрежительно мотнулъ головой сотскій: — очень нужно панычу твои байки слушать. . . Какая разница. . .

— Нѣтъ, отчего же, — возразилъ я. — Разскажи, пожалуйста, Талимонъ. Это очень интересно.

— Чтò жъ. . . вѣдь не я ее выдумалъ. . . старые люди говорятъ, — обратился Талимонъ къ сотскому, точно оправдываясь передъ нимъ. — Бачите, панычъ,

якъ это дѣло вышло, — продолжалъ онъ болѣе спокойно. — Случилось одинъ разъ... давно это было... можетъ, сколько сотъ лѣтъ тому назадъ... случилось какъ-то, что зробилась на землѣ великая суша. Дождь не падалъ цѣлое лѣто, и всѣ рѣчки и болота повысыхали... Птицы первыя зажурились... Звѣсно: птаха пьетъ хоть и помалу, але вельми часто, и безъ воды ей кепсько... Вотъ и стали птицы просить у Господа Бога: «Дай Ты намъ, Господи Боже, хоть трошки водицы, а то мы безъ нея всѣ, сколько насъ есть, скоро поумираемъ». Сжалился надъ птицами Богъ и говоритъ имъ: — «Хорошо, дамъ Я вамъ воды. Соберитесь всѣ вы, сколько васъ есть, въ одно мѣсто и ройте землю, и какъ докопаетесь до воды, тогда и напьетесь... на всю вашу братію, пока что, хватитъ»... Какъ услышали эти слова птицы, зàразъ слетѣлись въ одно мѣсто... въ лѣсъ, скажемъ, чи въ долину... и давай копать лапками землю. Всѣ птицы собрались: и бузько, и кныга, и шулякъ, и крукъ, и ворона... роютъ, роютъ, одно передъ другимъ старается... Только одна канюка ничего не хочетъ дѣлать. Сидитъ и смотритъ, какъ другія работаютъ, да перышки свои перебираетъ. Увидѣлъ это Господь Богъ и спрашиваетъ: «Отчего же ты, сѣрая птаха, не хочешь слушать Моего приказа? Развѣ ты не чула, какъ Я всѣмъ птицамъ велѣлъ копать криницу?» А канюка отвѣчаетъ Господу Богу: — «Какъ же, Господи, буду я копать криницу? Бачишь, якія у меня ножки гарненькія. Боюсь я ихъ испачкать землею, не стану я копать криницы». А ножки у нея, панычу, и правда, гарненькія, желтенькія такія. Да... Разсердился тогда Господь Богъ на канюку и сказалъ: «Будь же ты, сѣрая птица, проклята отнынѣ и до вѣка!.. Пусть теперь и ты и весь родъ твой не смѣетъ пить воды: а ни изъ рѣчки, а ни изъ ривчака, а ни изъ болота, а ни изъ криницы или става, ни изъ стоячей воды, ни изъ текучей. А только

позволяю Я тебѣ пить воду послѣ дождя съ зеленаго листика»... Вотъ съ тѣхъ поръ летаетъ эта самая птица и кричитъ, а наибольше лѣтомъ... Хочется ей пить, а напиться нельзя. Подлетитъ къ рѣчкѣ — рѣчка ей воды не даетъ, подлетитъ къ лужицѣ — и та передъ ней разступается. Такъ она отъ воды до воды и летаетъ, и все канючитъ... жалостливо такъ, вотъ какъ сейчасъ, панычъ, слышали... За это самое, что она канючитъ, ее и называютъ канюкой... И это вѣрно, панычъ, — закончилъ онъ убѣжденнымъ тономъ: — я самъ бачилъ, какъ она сидитъ около рѣчки и кричитъ... Хочется ей пить, да, видно, Господне проклятіе крѣпче... Вотъ такъ-то...

— Атъ!.. Байки! — отозвался сотскій.

— Такъ что̀ же, что байки? — заступился я за Талимона. — Байку тоже занятно послушать. Ночь длинна... торопиться намъ некуда.

Кирила тотчасъ же съ обычной неустойчивостью и безтолковостью перемѣнилъ мнѣніе.

— Ну да... воно такъ, — захихикалъ онъ угодливо. — Я жъ понимаю, что панычу любопытно... Панычъ думаетъ, я не понимаю? Я усе понимаю. Звѣсно, что старые люди больше нашего знаютъ... Я жъ могу понимать!..

Мы притихли. Вдругъ Талимонъ быстро приподнялся на локтѣ и, сдвинувъ брови, острымъ неподвижнымъ взглядомъ уставился въ лѣсную чащу.

— Кто-то идетъ, — сказалъ онъ вполголоса.

Сотскій тоже приподнялся и повернулъ голову по направленію взгляда Талимона. Я, какъ ни напрягалъ вниманіе, ничего не могъ разслышать за трескомъ разгорѣвшагося костра.

— Кто тамъ иде-етъ? Что̀ ты бреше-ешь? — протянулъ насмѣшливо Кирила.

— Тихо! — махнулъ на него рукой, не оборачиваясь, Талимонъ.

Дѣйствительно, его не обманулъ тонкій охотничій слухъ. Черезъ минуты двѣ или три послышался легкій трескъ сухихъ вѣтокъ подъ чьими-то ногами, и изъ чащи точно вынырнула высокая фигура мужика въ новомъ кожухѣ и картузѣ.

— Помогай Богъ! — сказалъ онъ глухимъ, сильно простуженнымъ голосомъ и слегка приподнялъ картузъ.

— Здорово! — отвѣтили разомъ Талимонъ и Кирила, прикоснувшись къ своимъ шапкамъ.

— Ишелъ я по лѣсу и вижу вашъ огонь, продолжалъ пришедшій, присаживаясь на корточки. — Дай, думаю, посмотрю, что̀ за люди... Скучно одному.

— Сѣдайте, — проговорилъ изъ вѣжливости Талимонъ, несмотря на то, что гость уже успѣлъ усѣсться.

Этого мужика зовутъ Александромъ. Мнѣ никогда не доводилось съ нимъ разговаривать, но я нерѣдко видѣлъ его и особенно много о немъ слышалъ, благодаря той простой и въ то же время тяжелой крестьянской драмѣ, которая на глазахъ всей деревни разыгрывалась въ его семьѣ. Два года тому назадъ его жена Ониська — хорошенькая, но распутная и глупая бабенка — вернулась изъ ближняго городка, гдѣ она служила въ разныхъ мѣстахъ за кухарку. Вернулась она въ деревню не по своей охотѣ. Уже давно до Александра доходили слухи, что его жена ведетъ себя нехорошо, путается со всѣми городскими господами и съ ихъ мужской прислугой, и что даже проѣзжіе посылаютъ «изъ номерей» мишуреса за Ониськой. Александръ не разъ являлся въ городъ, отнималъ у жены всѣ зажитыя ею платья и вещи и рубилъ ихъ въ мелкіе кусочки на порогѣ, а жену избивалъ и уводилъ въ деревню. Но она улучала минуту и тайкомъ сбѣгала опять въ городъ. Въ послѣднее время ее «водворила на

мѣсто жительства» полиція, къ содѣйствію которой обратился — не знаю ужъ, по чьему совѣту — Александръ.

Вмѣстѣ съ городскимъ гардеробомъ Ониська привезла съ собою легкость городскихъ нравовъ и презрѣніе къ деревенской необразованности. Держала она себя съ сосѣдями заносчиво, употребляла въ разговорѣ никому невѣдомыя слова, ѣла въ постъ скоромное и даже въ одно воскресенье — смѣшно сказать — явилась въ церковь съ синимъ пенснэ на носу, за что Александръ получилъ отъ священника, отца Анатолія, строгій выговоръ.

Поведеніе ея не стало лучше въ деревнѣ. Она таскалась сначала съ сыномъ волостного писаря, потомъ съ конторщиками сосѣдняго лѣсного имѣнія, потомъ съ помѣщичьими кучерами, и, наконецъ, въ настоящее время ея постояннымъ кавалеромъ сдѣлался вольнопрактикующій фельдшеръ Кацѣйовскій, вертлявый и наглый человѣкъ, съ темнымъ прошлымъ, лѣчившій съ одинаковымъ неуспѣхомъ и лошадей, и коровъ, и бабъ съ ихъ ребятами. Зналъ ли обо всемъ этомъ Александръ — трудно сказать. Онъ никогда не отличался общительностью, а за послѣдній годъ сталъ еще больше сторониться отъ людей, но съ лица его не сходило угрюмое выраженіе упорной, затаенной мужицкой тоски. Глядя на него, крестьяне покачивали головами и со свойственнымъ имъ безошибочнымъ инстинктивнымъ чутьемъ говорили: «Не добромъ кончится это дѣло... що-сь буде промежъ Онисьи съ Александромъ...»

— Ты коней, что ли, пасешь? — спросилъ нѣсколько минутъ спустя сотскій.

Александръ, неподвижно глядѣвшій въ огонь, вдругъ встрепенулся, точно его внезапно разбудили.

— Я-то? — протянулъ онъ, съ усиліемъ отрываясь отъ огня и, повидимому, стараясь понять, о чемъ его спрашиваютъ. — Коней, ты говоришь? Да, да, коней.

— Оно дѣйствительно... теперь злодій какъ разъ подкрадется, — поучительно замѣтилъ Кирила.

Александръ опять уставился на огонь. Я вглядѣлся пристальнѣе въ его большое, носатое, изрытое оспой лицо, и меня поразило его равнодушно-тоскливое выраженіе. И поза, въ которой онъ сидѣлъ, сгорбившись, съ головой, ушедшей въ плечи, охвативъ обѣими руками острыя колѣни, показалась мнѣ усталой и безпомощной. Самый голосъ у Александра былъ какой-то жалкій, пришибленный и до страннаго глухой, какъ будто бы онъ раздавался сквозь закрывавшую ротъ мягкую подушку.

Пламя костра трепетало съ бурнымъ ропотомъ, а на лицахъ трехъ крестьянъ бѣгали длинныя дрожащія тѣни отъ носовъ и глазныхъ впадинъ. Когда же огонь вспыхивалъ особенно ярко, эти лица принимали мѣдный оттѣнокъ, а въ глазахъ ярко загорались красныя точки.

Около костра было тепло, свѣтло и уютно, но тамъ, дальше, куда не достигалъ освѣщенный колеблющійся кругъ, тамъ ночь стала непроницаемо черной, и временами до насъ доносилось ея холодное, сырое дыханіе. Обступившія насъ вокругъ деревья слились въ одну сплошную, темную — темнѣе ночи — живую толпу, точно со всего лѣса сбѣжались сюда ночныя тѣни и съ любопытствомъ глядѣли сверху, покачиваясь и перешептываясь. Иногда, на мгновеніе, выдѣлялся изъ этого заколдованнаго круга голый прямой стволъ сосны, внезапно облитый красноватымъ свѣтомъ, но тотчасъ же пугливо прятался въ густую толпу ночныхъ призраковъ.

Я легъ на спину и долго глядѣлъ на темное, спокойное, безоблачное небо, — до того долго, что минутами мнѣ казалось, будто я гляжу въ глубокую пропасть, и тогда у меня начинала слабо, но пріятно

кружиться голова. А въ душу мою сходилъ какой-то томный, согрѣвающій миръ. Кто-то стиралъ съ нея властной рукою всю горечь прошедшихъ неудачъ, мелкую и озлобленную суету городскихъ интересовъ, мучительный позоръ обиженнаго самолюбія, никогда не засыпающую заботу о насущномъ хлѣбѣ. И вся жизнь, со всѣми ея мудреными задачами, вдругъ ясно и просто сосредоточилась для меня на этомъ песчаномъ бугрѣ около костра, въ обществѣ этихъ трехъ человѣкъ, несложныхъ, наивныхъ и понятныхъ, почти какъ сама природа.

Странный звукъ внезапно нарушилъ глубокое ночное молчаніе: точно вдали кто-то вздохнулъ во всю ширину необъятной груди... Даже трудно было опредѣлить, съ какой стороны послышался этотъ звукъ: онъ пронесся по лѣсу низко, надъ самой землею, и стихъ.

— Птаха яка-сь, — замѣтилъ вполголоса Александръ.

— Сова! — рѣшилъ тотчасъ же увѣренно сотскій.

— Нѣтъ, это не птаха, — задумчиво отозвался Талимонъ. — Господь его знаетъ, что̀ оно такое... Трапляется это часомъ въ лѣсу, когда ночь тихая...

— Трапляется, трапляется, — съ задоромъ передразнилъ сотскій: — а что̀ трапляется, и самъ не знаетъ... Ну, что̀ такое трапляется?

— Разное бываетъ... — мягко и уклончиво возразилъ Талимонъ. — Лѣсъ у насъ великій, въ иншее мѣсто никто не заглядаетъ, даже лоси и волки... Одному Богу звѣстно, что̀ тамъ ночью робится... Старые полѣсовщики много чего баютъ, потому что они цѣлый день въ лѣсу да въ лѣсу... все видятъ, все слышатъ... Да что̀ жъ? — обвелъ онъ насъ глазами. — Я и самъ многое слыхалъ...

— Ты слыхалъ... Много ты слыхалъ!..

— А что̀ жъ? — съ добродушной настойчивостью продолжалъ Талимонъ. — Вотъ и слыхалъ. Бываетъ

часомъ такъ, что идешь, примѣрно, въ ночной обходъ. Тихо такъ въ лѣсу... ажъ листикъ не колыхнетъ... А вдругъ какъ зарегочетъ що-сь, какъ зарегочетъ... чудно̀ такъ... не то человѣкъ смѣется, не то конь ржетъ, не то заплакалъ кто-то.

— Атъ!..

— А вотъ еще однажды слыхалъ я въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, какъ печаловскій колоколъ звонитъ. Что̀ жъ скажешь, можетъ-быть, неправду тому? — укоризненно обратился Талимонъ къ сотскому.

— Нѣтъ, это правда. Печаловскій колоколъ звонитъ, я это знаю, — подтвердилъ своимъ глухимъ голосомъ Александръ.

Я заинтересовался: что̀ такое означаетъ звонъ печаловскаго колокола. Сотскій въ ту же минуту завозился туловищемъ, ногами и руками и закричалъ такъ громко, что по лѣсу побѣжало эхо:

— Что̀ вы ихъ слухаете, панычъ! Они вамъ съ три короба наговорятъ. Атъ! Бабья брехня... Не слухайте ихъ, ваше благородіе.

Но я гораздо энергичнѣе, чѣмъ прежде попросилъ сотскаго молчать. Талимонъ принялся разсказывать, но сначала немного стѣснялся и все озирался на своего противника. Александръ попрежнему тупо и печально глядѣлъ на огонь, не измѣняя своей жалкой позы. Время отъ времени онъ коротко кивалъ головой и приговаривалъ: «Да, да... это вѣрно... это такъ». Сотскій съ умышленной небрежностью повернулся спиной къ разсказчику.

— Это тоже, панычъ, дуже старое дѣло, что̀ я вамъ хочу разсказывать, за той самый печаловскій колоколъ. Случилось оно еще тѣ годы коче была у насъ панщица. Давнымъ-давно... лѣтъ... може быть... (онъ задумался и вопросительно посмотрѣлъ на меня). Лѣтъ триста, аль бо четыреста будетъ?.. А мабудь, и больше? Не

могу сказать, не знаю, Богъ его знаетъ, сколько лѣтъ... Собирались одинъ разъ казаки въ походъ. Шли они тогда войной на турецкаго салтана. И вотъ стали они прощаться со своими... Журьба по всему селу, плачъ такой великій... ажъ стонъ стоитъ!.. Тотъ съ батькой своимъ разстается, съ маткой старой, того сестра провожаетъ... Но наибольше голосили дивчата. Звѣсно, у каждой былъ въ войскѣ свой зарученный... И ужъ эти бабы завше одинаковы. Сама плачетъ, якъ рѣка разливается, а все жъ таки не утерпитъ на ухо шепнуть: «Будешь ты, Грицко, аль бо тамъ Павло, чи Юрко, будешь вертаться назадъ изъ Туреччины, привези мнѣ памятку какую-нибудь, чи перстенекъ, чи намисто, чи хустку червонную...»

«Былъ въ томъ селѣ казакъ, по имени Опанасъ: гарный хлопецъ, веселый и шворный такой, але жъ только совсѣмъ бѣдный, якъ собака. Всего у него богатства только и было, что̀ на немъ. Служилъ Опанасъ за наймита у мельника. А у мельника была дочка, такая красивая дивчина, что лѣпше ея нигдѣ на всю округу не было. Полюбилась эта мельничиха Опанасу; такъ онъ ее полюбилъ, что только изъ-за нея одной и жилъ на млынѣ, потому что старый мельникъ былъ человѣкъ гордый и скупой, кормилъ наймитовъ плохо и даже за людей ихъ не считалъ... И дочка его такая жъ была. Знала она, что Опанасъ ее крѣпко любитъ, но только надъ нимъ смѣялась.

«Какъ услышалъ Опанасъ, что идутъ казаки на войну, сталъ и онъ собираться... Вотъ пришло время и въ походъ выступать. Пріѣхалъ Опанасъ въ опушній разъ на млынъ, прощается, бидака, со своей любой. А ей ничего, только смѣется съ него. «Привези, каже, мнѣ изъ турецкой земли такое намисто, чтобъ такого еще ни у кого не было, чтобъ всѣ молодцы и дивчины — и Гапка, и Катерына, и Пруська — чтобы всѣ онѣ съ

зависти пожелтѣли. Тогда, говоритъ, можетъ, и пойду за тебя замужъ. Да помни одно: если твое намисто хоть изъ золотыхъ дукатовъ будетъ, я и то его не приму, а брошу его тебѣ въ твою наймичью пыку. Бо такое намисто я вже у одной проѣзжей пани бачила».

— Ахъ, ты, стерва! — не утерпѣлъ наконецъ сотскій и быстро повернулся лицомъ къ разсказчику. — Я бы ей самой въ пыку за такія слова далъ!..

Сотскій, хотя и старался до сихъ поръ подчеркнуть свое невниманіе къ разсказу, но, очевидно, слушалъ его съ захватывающимъ интересомъ, несмотря на то, что, навѣрно, зналъ его наизусть съ самаго дѣтства. Онъ, какъ многіе крестьяне, новымъ байкамъ предпочиталъ старинныя, давно ему привычныя, уже осиленныя и усвоенныя его тугимъ, короткимъ воображеніемъ.

— Да. Такъ она ему и сказала, — продолжалъ Талимонъ, замѣтно польщенный и подбодренный искренней выходкой сотскаго: — привези мнѣ, говоритъ, такое намисто, какого еще никто и не бачилъ. — «Хорошо, — говоритъ Опанасъ: — хорошо, привезу я тебѣ такое намисто!»... а самъ вельми разсердился, — даже прощаться съ нею больше не сталъ, — вскочилъ на коня и поѣхалъ догонять товарищей.

«Въ ту пору, какъ шли казаки походомъ, подружилъ Опанасъ съ однимъ казакомъ, Левкомъ, — такъ подружилъ, что просто они другъ безъ дружки жить не могутъ, а напослѣдокъ даже крестами помѣнялись. «Будь ты мнѣ, — говоритъ Опанасъ: — за родного брата. Куда ты, туда и я. Будемъ вездѣ стоять другъ за дружку и выручать отъ всякой бѣды».

«Наконецъ пришли наши казаки и въ Туреччину. Долго они тамъ сражались. Сколько селъ и деревень попалили, сколько скота угнали, сколько ихнихъ церквей разорили... а поганыхъ турокъ такъ богацько набили, что даже счетъ потеряли... золотыя монеты

забирали прямо жменями, ажъ казацкія кишени не могли выдержать, лопались... И вездѣ Левко вмѣстѣ съ Опанасомъ: и турокъ вмѣстѣ бьютъ, и кашу изъ одного горшка ѣдятъ, и спятъ подъ однимъ кожухомъ...

«Завоевали одинъ разъ казаки самый великій турецкій городъ — Константиновъ, и стали тотъ городъ разорять. Опанасъ съ Левкомъ забрались въ бо-огатый-пребогатый палацъ и давай хозяевать въ немъ, какъ въ своей хатѣ. Набрали дукатовъ золотыхъ, посуды разной срибной, дорогихъ каменьевъ... Вдругъ бачатъ: лежитъ въ щекатункѣ намисто, и такъ-то блещетъ намисто, что ажъ глаза колетъ. Левко съ Опанасомъ разомъ хвать за намисто!.. Одинъ каже — мое, другой говоритъ — мое. Слово за слово, стали лаяться казаки. Дальше, больше, — вынулъ Левко шаблюку, вынулъ и Опанасъ свою шаблюку. Начали биться. Бились часъ, бились другой: пересилилъ-таки Опанасъ Левка и отрубилъ своему названному брату казацкую голову, и взялъ себѣ то гарное намисто...

«Никому онъ не сказалъ изъ товарищей, что убилъ Левка, а намисто сховалъ у себя на груди, подъ свиткой, чтобъ никто его не замѣтилъ. Такъ всѣ и подумали, что пропалъ Левко безъ вѣсти, чи взяли въ плѣнъ, чи зарѣзалъ его гдѣ-нибудь поганый турка.

«Въ скорости повернули казаки до дому — ужъ больше года прошло, какъ они выѣхали въ походъ. Поѣхалъ съ ними и Опанасъ. Только совсѣмъ не такой поѣхалъ, какъ изъ дому выѣзжалъ. Тогда былъ веселый такой: все пѣсни спѣвалъ да жартовалъ съ товарищами, а теперь ѣдетъ тихій, сумный, пѣсенъ не поетъ, не говоритъ ни съ кѣмъ и все — нѣтъ, нѣтъ, — рукой лапаетъ за грудь, гдѣ у него спрятано намисто.

«На Страстной недѣлѣ вступили казаки на русскую землю. Ѣдутъ они однажды вечеромъ и видятъ въ степи огонь. — «Вотъ здѣсь, говорятъ, и заночуемъ».

Подъѣхали, глядятъ — цыганскій таборъ. Ну, что̀ же? Хоть и цыгане, а все же таки подорожные люди. Говорятъ имъ казаки: «Слава Богу!». Тѣ имъ отвѣчаютъ: «Во вѣки слава». Просятъ сѣдать. Сѣли наши казаки, вынули изъ сумокъ хлѣбъ, соль, цыбулю... стали вечерять, послали за горилкой, — тутъ корчма близко оказалась. Пьютъ и цыганъ частуютъ. Только одна молодая цыганка — красивая такая — замѣтила, что Опанасъ все за грудь тремается, и пытаетъ въ шутку: «Что̀ у тебя, хлопецъ, на груди скрыто? Можетъ, намисто везешь своей дивчинѣ?» Испугался Опанасъ, ажъ весь затрусился. — «А ты почему знаешь? Нема у меня никакого намиста. Отчепись ты отъ меня, ради Бога». Цыганка еще больше смѣется. — «Чего же ты, говоритъ, злякался? Или ты кого зарѣзалъ за то намисто, що такъ побѣлѣлъ?» И пристала эта цыганка къ Опанасу: «Пойдемъ со мной въ мой наметъ... Я тебя виномъ угощу добрымъ, и постель тебѣ постелю, и сама съ тобою ляжу»... Говоритъ она такъ, а сама на Опанаса дивится; очи у нея черныя, блескучія, а лицо темное, а зубы бѣлые, какъ цукаръ. Послушался казакъ, пошелъ съ ней въ наметъ, сѣлъ... Подаетъ она ему великую чару: «пей!», — каже. Выпилъ онъ одну, цыганка ему за̀разъ другую наливаетъ. Выпилъ другую Опанасъ и пытаетъ: — «А что̀ же ты сама не пьешь? Меня поишь, а сама не пьешь?» Усмѣхнулась цыганка, однако выпила трошки; только, какъ выпила, сейчасъ же воды хлебнула. Казакъ спрашиваетъ: — «Ты для чего же воду пьешь?» — «А это у насъ, говоритъ, свычай такой... намъ иньше по нашей вѣрѣ не можно»... И наливаетъ еще одну чарку. Какъ выпилъ Опанасъ третью чару, помѣшалось у него все въ головѣ, обомлѣлъ онъ и упалъ, какъ неживой. Чуетъ онъ, что кто-то мацаетъ его за грудь и свитку раскрываетъ, а поворохнуться не можетъ: точно ему руки и ноги веревками повязали...

«Проснулся на утро Опанасъ и первымъ дѣломъ лапъ-лапъ по пидъ свиткой: нема намиста! Онъ къ товарищамъ: «Гдѣ цыгане?» А тѣхъ цыганъ уже давно и званія нема, еще до солнца поднялись, погыгортали-погыгортали что-то по-своему и всѣмъ таборомъ подались на полдень. «Нѣтъ, — думаетъ казакъ: — я ей, бисовой дочкѣ, моего намиста не подарю». Вскочилъ на коня и поѣхалъ вдогонку за цыганами.

«Ѣдетъ онъ милю, другую, десять миль, и все людей пытаетъ: — «А что̀, добрые люди, не видали вы, не проходилъ ли здѣсь цыганскій таборъ?» — «Какъ же, говорятъ, видѣли: вотъ только-только передъ тобой проѣхали по шляху». Опять ѣдетъ казакъ, погоняетъ коня со всѣхъ силъ, а догнать никакъ не можетъ, и вездѣ ему люди кажутъ: — «Бачили мы цыганъ, всего только часъ какой назадъ, вонъ въ ту сторону потянули». А тѣмъ временемъ вечеръ зашелъ, стало темно. А когда казакъ черезъ Печаловку проѣзжалъ, то уже дѣло подходило близко полуночи. Сталъ онъ и въ Печаловкѣ пытать: «Бачили цыганъ, добры люди?» — «Бачили, кажутъ, ѣзжай скорійше, они еще двухъ верстовъ не успѣли сдѣлать».

«Только-что опять выѣхалъ Опанасъ въ поле, видитъ — стоитъ церковь, а въ церкви малый огонекъ чуть-чуть мигаетъ. Посмотрѣлъ Опанасъ и думаетъ: «А вѣдь нынче у людей Страстная суббота, и сейчасъ настаетъ Христово Воскресеніе. Богъ вѣсть, когда я еще до церкви доберусь. Треба зайти, хоть лба перекрестить». Слѣзъ съ коня и зашелъ въ церкву. Звѣсно, *такъ себѣ* зашелъ, бо у него на душѣ совсѣмъ не молитва была.

«Зашелъ онъ въ церкву и видитъ, что тамъ всего только одна свѣча горитъ передъ иконой Божьей Матери, а людей въ церкви нема. Даже сторожъ, и тотъ куда-сь на минутку вышелъ. Подошелъ казакъ къ об-

разу, да такъ и захололъ. Смотритъ онъ, а у Божьей Матери округъ сіянія надѣто намисто, аккуратъ такое, какъ у него цыганка украла, только еще краше. Всего одна свѣчечка въ церкви, а намисто такъ и горитъ, такъ и горитъ, — аже въ глазахъ больно... А коло образа, какъ на грѣхъ, лѣсенка маленькая приставлена... Звѣсно, что все это дѣло злой наробилъ. Потомъ оказалось, что и цыгане тѣ, что̀ намисто украли, совсѣмъ не цыгане были, а ма̀ра.

«Обернулся Опанасъ въ одну сторону, въ другую... видитъ — никого въ церкви нѣтъ. Влѣзъ онъ на лѣсенку и протянулъ руку. И ледве онъ доторкнулся рукой до намиста, — загремѣлъ громъ, заблискала блискавица, и вся церковь, какъ стояла, такъ и провалилась скризь землю... Сбѣжались изъ села люди, смотрятъ, а на мѣстѣ церкви стоитъ великое озеро, а въ озерѣ колоколъ звонитъ...»

— Да... это вѣрно... это такъ, — тихо замѣтилъ Александръ.

— И съ той самой поры, — продолжалъ въ торжественномъ тонѣ Талимонъ: — съ той самой поры каждый разъ въ Свѣтлое Воскресенье слышатъ люди звонъ изъ того о̀зера. То звонитъ колоколъ въ потонувшей церкви. И это все правда... я самъ чулъ одинъ разъ. Не такъ, чтобы вельми громко, но, якъ притулить ухо до земли, то совсѣмъ добре чутно.

Талимонъ замолчалъ, выбросилъ изъ костра уголекъ и, перекинувъ его нѣсколько разъ съ ладони на ладонь, сталъ раскуривать свою короткую трубку. Я спросилъ, что̀ сталось потомъ съ жестокой мельничихой?

Талимонъ сплюнулъ въ сторону.

— Этого ужъ я не знаю, панычъ. Чего не знаю, того не можу казать. За мельникову дочку я больше ничего не чулъ.

— А что́ же съ ней зробилось? Погубила, трясьца ея собачьей матери, христіанскую душу, и все тутъ, — съ горькой злобой вставилъ Александръ. — Нѣтъ на свѣтѣ ни одного такого поскуднаго гада, якъ баба!..

— Всѣ хороши: и бабы и чоловики, — равнодушно сказалъ Талимонъ.

Александръ вдругъ какъ-то разомъ заволновался.

— Нѣтъ, ты этого не говори, Талимонъ... Это ты напрасно такъ говоришь, — заторопился онъ, суетливо и неловко тыча передъ собою руками. — Хоть мы, чоловики, и пьемъ, и сво́римся, и воруемъ часомъ, але все же таки мы Бога не забываемъ... А баба? Або она что́ понимаетъ? Або она что́ чувствуетъ?..

— Это ты правильно, поддакнулъ сотскій. — У бабы замѣсто души паръ, якъ у собаци. Это даже въ двѣнадцати викторіяхъ сказано.

— Чи паръ, чи другое що, я ужъ за то не знаю, — нетерпѣливо отмахнулся отъ него Александръ. — А только я одно скажу, что всякая шкода, всякая швара, — все черезъ нихъ робится. Какъ въ святыхъ книгахъ сказано? Черезъ кого Господь прогналъ Адама изъ раю? Черезъ бабу... Шкодливы, пакостницы, сокотухи *). Плетутъ не вѣсть что́... Вотъ ужъ это вправду сказано: лучше желѣзо варить, чѣмъ съ злою женою жить.

Вѣроятно, еще и раньше, до разсказа Талимона про намисто, Александръ находился въ томъ состояніи, когда накипѣвшія въ человѣкѣ и долго сдерживаемыя чувства ищутъ себѣ исхода, и тогда достаточно ничтожнаго предлога, чтобы они прорвались въ самой необузданной формѣ. Видно было, глядя на неожиданную горячность Александра, что теперь ему уже трудно остановиться, разъ онъ началъ высказываться. И хотя, по-

*) Болтуньи. Когда кричитъ сорока, про нее говорятъ, что она «сокочетъ».

видимому, онъ громилъ всѣхъ женщинъ вообще, но какъ-то невольно чувствовалось, что всѣ его проникнутыя жестокой ненавистью слова относятся къ одной Ониськѣ.

— Стыда онѣ въ себѣ никакого не имѣютъ! — продолжалъ еще возбужденнѣе Александръ. — У суки, и у той стыда больше, чѣмъ у бабы... Только одна мерзость у нея на думкѣ. А этого ей ничего, что изъ-за нея чоловику нельзя на селю показаться, что отъ страму не знаешь, куда голову спрятать. Мужей бросаютъ, сволочи, даромъ, что въ церкви Божьей присягали на вѣрность... Хуже кошекъ онѣ, эти бабы! Кошка хоть къ хатѣ своей призвычайна, а баба ни къ чему ни привыкнетъ. Развѣ ей дѣти нужны? Мужъ нуженъ? Страмъ ей нуженъ... Тьфу! — Александръ съ омерзѣніемъ плюнулъ на землю: — вотъ что̀ ей нужно!..

— Батога ей треба! — сочувственно и серьезно замѣтилъ Талимонъ.

Сотскій поддержалъ это мнѣніе.

— Да и до- obраго батога. Старики кажутъ не даромъ: якъ больше бабу бьешь, то борщъ вкуснѣе.

Но Александръ какъ будто бы не замѣтилъ словъ сотскаго. Во все время своей безпорядочной, злобной рѣчи онъ обращался къ Талимону, въ черныхъ печальныхъ глазахъ котораго отражалось настоящее сострадание.

— Эхъ! Або она боится батога? — махнулъ безнадежно рукой Александръ. — Баба какъ гадюка: пополамъ ее перерви, а она все вертится. Да и не можно все бить да бить. Ты вотъ на нее серчаешь, а она подсунулась къ тебѣ теплая да ласая... такъ, стерва, душу изъ тебя руками и вынетъ. Нѣтъ, это что̀ жъ, бить-то... А вотъ такъ зробить, какъ Семенъ Башмуръ въ позапрошломъ годѣ зробилъ...

— Ну, братъ, этого тоже начальство не одобряетъ... какая разница! — многозначительно сказалъ сотскій.

— А что̀ такое Башмуръ сдѣлалъ съ женой? — полюбопытствовалъ я.

На этотъ вопросъ долго не было отвѣта, точно каждый изъ мужиковъ дожидался, чтобы заговорилъ другой. Наконецъ сотскій началъ медленно и неохотно:

— Жинка его... Башмурова жинка, значитъ... связалась тутъ съ однимъ хлопцемъ... Петро его зовутъ... онъ и теперь на селѣ живетъ... женился на Покрову. Ну, и застукалъ онъ ее одинъ разъ съ этимъ съ самымъ Петромъ въ хлѣвѣ...

Соцкій замолчалъ, точно ему непріятно было продолжать. Александръ и Талимонъ какъ-то ужъ черезчуръ равнодушно уставились глазами на свои лапти.

— Ну, и что̀ же дальше? — спросилъ я.

— Да что̀ же? Повалилъ ее на землю и засунулъ ей квача *) съ дегтемъ въ ротъ... ну, и того... задохнулась. Атъ! Да что̀ объ этомъ толковать!.. Ты куда же, Александръ? — спросилъ сотскій, видя, что тотъ всталъ со своего мѣста и оправляетъ ремень, стягивающій кожухъ. — Идешь, что ли?

— Пойду, — коротко отвѣтилъ Александръ, ни на кого не глядя. — Что̀ жъ сидѣть... скоро утро. Ну, бывайте здоровы...

Пока онъ былъ виденъ, мы всѣ трое провожали его глазами. Въ его вялой, тяжелой и медленной походкѣ, въ очертаніяхъ его натруженной, полусогнутой спины было что-то удрученное, жалкое... Глядя на эту походку и на эту спину, я невольно подумалъ, что еще долго онъ будетъ бродить сегодня по лѣсу со своей одинокой, молчаливой тоской.

---

*) Квачъ — тряпка, туго свернутая, кляпъ.

Послѣ его ухода мы долго молчали. Такъ всегда бываетъ, если изъ компаніи уйдетъ одинъ человѣкъ: пусть даже онъ молчалъ все время, но остальные безъ него нѣсколько минутъ чувствуютъ себя неловко, точно отъ нихъ отняли что-то, подогрѣвающее бесѣду.

Сотскій первый заговорилъ:

— А все черезъ свою Ониську человѣкъ сохнетъ... Совсѣмъ извела его, подлюка.

— Что̀ жъ... не наше это дѣло, — осторожно, какъ бы вскользь, замѣтилъ Талимонъ.

— Какъ это не мое дѣло? — вскипѣлъ сотскій. — Ежели, примѣрно, я начальствомъ здѣсь состою?.. Какая разница!..

Талимонъ немного смутился.

— Ну, да... оно такъ, конечно... а все жъ таки...

— То-то вотъ — «все жъ таки». Какъ это ты могъ сказать: не мое дѣло? А если, упаси Господи, бѣда якая случится?.. Жаль мужика, пропадаетъ ни за грошъ, — совсѣмъ ужъ другимъ тономъ обратился сотскій ко мнѣ. — Трудящій онъ, старательный человяка... И ужъ чего-чего онъ ни дѣлалъ: къ попу водилъ свою Ониську отчитывать, господину вряднику жалобу приносилъ... ничего пользы нѣтъ. Онъ и къ Недилькѣ даже ходилъ...

— Къ какой это Недилькѣ? — спросилъ я.

— А тутъ, бачите, есть у насъ одна ворожка, Недилькой мы ее зовемъ... такъ онъ къ ней и ходилъ. Велѣла, говорятъ, она ему поймать кожана *) и сварить его живого, а потомъ закопать на ночь въ муравельникѣ, чтобъ муравли его обглодали до костей. А въ тѣхъ костяхъ, каже, есть такія маленькія грабельки и вилочка. Якъ ты, каже, захочешь, чтобъ тебя дивчина, чи моло-

*) Летучая мышь.

дица полюбила, то ты только этими граблями проведи ей по спидницѣ, чи по камизелькѣ. А если хочешь, чтобы она тебя разлюбила, то вилами ее торкни легонько...

— Ну что же, и Недилька не помогла?

— Э, какія теперь ворожки! — сдѣлалъ сотскій презрительную гримасу. — Або теперешнія ворожки что-нибудь знаютъ? Вотъ прежнія — тѣ, дѣйствительно, много могли. Кровь, зубы заговаривали, отмовляли, если кого бѣшеная собака укуситъ или гадюка... узнавали, гдѣ злодій вещи спряталъ...

— Ну да... Бо имъ раньше черти вспособляли, — пояснилъ Талимонъ.

— А звѣсно, помогали... У иньшей даже не одинъ и не два, а скольконадцать чертякъ служило въ наймитахъ. Ну, а теперь совсѣмъ нема чертей...

— Какъ нема? Куда же они дѣлись? — спросилъ я, заинтересованный судьбой чертей.

Признаться, я не ожидалъ, да и не могъ ожидать хоть сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта, но, къ моему чрезвычайному удивленію, Талимонъ и Кирила тотчасъ же, нимало не задумавшись, отвѣтили въ одинъ голосъ:

— На машину ушли.

— Что-о? На машину? На какую машину?

— А на зализную дорогу, — хладнокровно и увѣренно объяснилъ сотскій. — Имъ тамъ теперь вельми добре жить... Вотъ, какъ разобьется вагоновъ съ пятнадцать, тутъ сейчасъ чертякамъ и работа. Богацько тогда умираетъ людей безъ причастія, а это злому и потѣха, потому что человѣкъ весь въ грѣхахъ, якъ въ кожухѣ. А чертяка его разомъ цапъ за комиръ и въ пекло. Може, за одну недѣлю душъ съ тысячу приставитъ. Ну, а ему, звѣсно, отъ самаго главнаго сатаны за это награда... А въ селѣ ему что за польза? Коли-николи одну якую-сь душонку зловитъ, да и то стару-

шечью, лядащую. Вотъ потому-то они всѣ изъ села и поутекали. А что̀, Талимонъ? Развидняетъ? — обратился онъ къ Талимону, пристально смотрѣвшему на востокъ.

— Уже. Ну, панычъ, давайте собираться, сказалъ Талимонъ, подымаясь. — Какъ придемъ на токъ, за̀разъ и день будетъ.

Мы наскоро собрали свои вещи, растащили костеръ и тронулись. Небо еще не измѣнило своего темнаго цвѣта, но востокъ уже поблѣднѣлъ, и звѣзды потеряли яркость. Легкій утренній вѣтерокъ, суетливый и холодный, набѣгалъ изрѣдка и чуть трепеталъ въ вершинахъ деревьевъ.

До тока намъ пришлось итти около трехъ четвертей часа. Самый токъ представляетъ изъ себя большую, десятинъ въ двадцать, полянку, окруженную молодымъ лѣскомъ. Кое-гдѣ по ней были разбросаны небольшія группы кустовъ.

Въ темнотѣ, въ полузнакомомъ мѣстѣ, я скоро потерялся и покорно шелъ за Талимономъ, то и дѣло попадая ногами въ какія-то ямы. Наконецъ Талимонъ остановился и шепнулъ мнѣ на ухо:

— Сѣдайте, панычъ, вонъ въ ту будку. Сидите «нышкомъ», не ворошитесь. А якъ стрѣлите тетерука, то, спаси Господи, не вылѣзайте изъ кучки... За̀разъ другіе прилетятъ на то же мѣсто.

Онъ указалъ мнѣ на нѣсколько маленькихъ березокъ, едва бѣлѣвшихъ шагахъ въ пяти отъ насъ, а самъ пошелъ въ другую сторону и тотчасъ же безшумно пропалъ въ темнотѣ.

Я съ трудомъ отыскалъ свою будку. Она состояла изъ двухъ тонкихъ березокъ, связанныхъ верхушками и густо закрытыхъ съ боковъ сосновыми вѣтками. Раздвинувъ вѣтки, я влѣзъ въ будку на четверенькахъ, усѣлся поудобнѣе, прислонилъ ружье къ стволу и сталъ оглядываться.

Прямо передо мною тянулись ровныя сѣрыя широкія грядки прошлогодней нивы (въ борозды между этими грядами я все и проваливался, когда шелъ за Талимономъ). Востокъ уже началъ розовѣть. Деревья и кусты вырисовывались блѣдными, неясными, однотонными пятнами. Къ смолистому крѣпкому запаху сосновыхъ вѣтвей, изъ которыхъ была сдѣлана моя будка, пріятно примѣшивался запахъ утренней, сыроватой свѣжести. Пахла и молодая травка, сѣрая отъ росы...

Гдѣ-то очень близко — мнѣ показалось, что надъ самой моей головой — робко чирикнула птичка, ей отвѣтила другая, третья... Въ лѣсу пронзительно захохотала сова, и ея крикъ звучно и рѣзко пронесся между деревьевъ. Утка пролетѣла стороной, и долго не смолкало ея кряканье, все тише и тише доносясь до меня. Высоко на деревьяхъ томно застонали дикіе голуби.

Вдругъ совсѣмъ около меня, на землѣ, раздалось громкое хлопанье крѣпкихъ крыльевъ. Я невольно вздрогнулъ. Не далѣе, какъ въ шагѣ отъ моей будки, упалъ тетеревъ; если бы я протянулъ руку, я могъ бы дотронуться до того мѣста, гдѣ онъ опустился. Весь черный, съ красными мясистыми бровями и короткимъ острымъ клювомъ, онъ стоялъ неподвижно, какъ каменный, показываясь мнѣ всѣмъ своимъ стройнымъ, красивымъ профилемъ. Его блестящій черный глазокъ тревожно и зорко заглядывалъ въ будку. Я затаилъ дыханіе и замеръ, не отводя отъ него глазъ. Но тетеревъ уже замѣтилъ меня. Онъ вдругъ поднялся и, громко хлопая крыльями, полетѣлъ низко надъ землею.

«Ну, пропала сегодня охота», — подумалъ я съ досадой, но въ ту же секунду съ двухъ сторонъ — впереди меня и справа — такъ же громко и коротко захлопали крылья. Нѣсколько минутъ оба тетерева мол-

чали, должно-быть, внимательно оглядываясь кругомъ и прислушиваясь. Но вотъ одинъ изъ нихъ, тотъ, что̀ упалъ справа, издалъ громкій боевой крикъ: «чу! чшшш. . .» — странный звукъ, который трудно передать, похожій отчасти на испорченный, осипшій пѣтушиный крикъ, отчасти на шипѣніе, а также на свистъ ножа подъ колесомъ точильщика. «Чу! чшшш. . .» — тотчасъ же отозвался другой. Какъ мнѣ ни хотѣлось увидѣть самихъ тетеревовъ, но я боялся пошевелиться и только слушалъ.

Такъ они перекликнулись нѣсколько разъ. Вдругъ первый, закричавъ особенно задорно и громко, подпрыгнулъ вверхъ и забилъ крыльями; то же самое немедленно сдѣлалъ и второй. Самцы подходили одинъ къ другому все ближе и ближе, возбуждая себя передъ битвой воинственными криками. . .

Но, еще не сойдясь, они оба сердито заболботали: совсѣмъ какъ индюки, только нѣжнѣе, продолжительнѣе и не такъ отрывисто. Иногда они прерывали свое болботаніе, чтобы закричать и перелетѣть поближе къ противнику. Я осторожно, стараясь не шумѣть одеждой, повернулся и сталъ всматриваться сквозь просвѣты вѣтвей.

Сначала я увидѣлъ только одного. До него было не больше тридцати шаговъ. Онъ токовалъ, вытянувъ надъ самой землей шею, и медленно, плавно поворачивался то въ одну, то въ другую сторону. Когда онъ становился ко мнѣ задомъ, я видѣлъ только изнанку его поднятаго вверхъ хвоста, похожую на развернутый бѣлый пушистый вѣеръ. Скоро я увидѣлъ и другого: онъ токовалъ отъ перваго шагахъ въ десяти, такъ же сердито и плавно топчась на мѣстѣ. Иногда оба они, одинъ вслѣдъ за другимъ, подымали свои головы и прямо и широко растопыривали крылья, что̀ придавало имъ надутый, гнѣвный и комическій видъ.

Вдругъ недалеко отъ меня грянулъ оглушительный, точно пушечный выстрѣлъ. Эхо подхватило его, бросило въ лѣсъ, и онъ, разбившись отъ деревья на тысячи звуковъ, долго, то стихая, то усиливаясь, грохоталъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Оба тетерева, насторожившись, замерли на нѣсколько секундъ, но потомъ, закричавъ съ новымъ ожесточеніемъ, разомъ подпрыгнули вверхъ и съ такой силой ударились въ воздухѣ грудь объ грудь, что нѣсколько маленькихъ перышекъ полетѣло отъ нихъ въ разныя стороны. Упавъ на землю, тетерева опять принялись за свое сердитое болботанье.

Я осторожно просунулъ ружье между вѣтвями и, страшно волнуясь, слыша ускоренное біеніе своего сердца, сталъ цѣлить. Одна хвоинка закрывала мнѣ мушку. Едва переводя дыханіе, я отщипнулъ ее, сѣлъ поудобнѣе и приложился... Выстрѣлъ вышелъ неожиданный и очень громкій. За облакомъ дыма я ничего не могъ разсмотрѣть, но уже услышалъ судорожное хлопанье крыльевъ и зналъ, что не промахнулся. Дѣйствительно, когда дымъ разсѣялся, я увидалъ тетерева; онъ свалился въ борозду и лежалъ въ ней неподвижной черной грудкой. Противникъ его не сорвался, онъ только застылъ на мѣстѣ въ чуткой и недоумѣвающей позѣ. Принимая ружье, я нечаянно произвелъ едва слышный шорохъ. Тетеревъ испуганно поднялся и быстро полетѣлъ по направленію къ лѣсу.

Вокругъ меня со всѣхъ сторонъ еще токовали невидимые мнѣ тетерева, но все тише, все слабѣе. Наступало затишье, которое бываетъ всегда между первымъ и вторымъ токомъ... Заря разгорѣлась въ полъ-неба. Солнца еще не было видно, но верхушки высокихъ деревьевъ уже подернулись точно золотой пылью...

Черезъ часъ мы возвращались домой. Талимонъ, который стрѣлялъ два раза — одинъ разъ передо мною, а другой во время второго тока — убилъ двухъ тетеревовъ, я одного, а сотскій возвращался съ пустыми руками и потому замѣтно дулся и не хотѣлъ глядѣть на дичь. Талимонъ изъ крыльевъ каждой птицы выдернулъ по два пера, просунулъ ихъ толстыми концами въ носовыя отверстія тетеревовъ, тонкіе концы связалъ, и несъ такимъ образомъ дичь какъ бы на петляхъ.

Намъ оставалось до деревни не болѣе полуверсты, и мы подходили уже къ большому деревянному кресту, стоявшему на пересѣченіи зуленской и печаловской дорогъ. Эти кресты, съ прибитыми на верху ихъ, сдѣланными изъ дерева орудіями страданій Христовыхъ — копьемъ, лѣстницей, молоткомъ и тридцатью сребрениками — всегда можно увидѣть на перекресткахъ полѣсскихъ дорогъ. Снизу на эти кресты молодицы и дѣвки вѣшаютъ сшитые ими по обѣту пестрые фартуки и полотенца, что̀ придаетъ кресту своеобразный — дикій и живописный видъ.

Когда мы поровнялись съ крестомъ, то всѣ трое замѣтили фигуру какого-то человѣка, бѣжавшаго намъ навстрѣчу изъ деревни. Талимонъ своимъ зоркимъ глазомъ первый узналъ его и сказалъ, обращаясь къ сотскому:

— Это вашъ Грицко бѣжитъ, сотникъ.

Дѣйствительно, это былъ Грицко, сынъ сотскаго, малый лѣтъ восемнадцати, уже женатый, большой весельчакъ, вѣчно скалившій свои огромные бѣлые, какъ у молодой собаки, зубы.

— Тату! Тату! — закричалъ онъ еще на ходу. — Бѣжите скорѣй... у насъ на селѣ бѣда!..

— Что̀ тамъ за бѣда? — недовольнымъ голосомъ отозвался сотскій. — Яка така бѣда?..

Грицко добѣжалъ до насъ и продолжалъ, съ трудомъ переводя духъ:

— Великая бѣда, тату... чоловикъ одинъ... жинку свою убилъ...

Мы переглянулись, и одна и та же мысль мелькнула у насъ въ глазахъ. Мнѣ показалось, что Талимонъ поблѣднѣлъ.

— Атъ! Что̀ ты брешешь! — воскликнулъ сотскій, дѣлая строгое и важное начальническое лицо. — Какой чоловикъ? Когда убилъ?..

— Александръ, тату, Ониськинъ чоловикъ...

— Да когда? Когда, я тебя спрашиваю? — закричалъ сотскій. Онъ прибавилъ шагу, и Грицко едва поспѣвалъ за нимъ, пускаясь по временамъ вприпрыжку. Мы съ Талимономъ тоже пошли скорѣе.

— Ахъ, Боже мой, Боже жъ мой, — растерянно причиталъ Грицко. — Вотъ только, только — и часу не будетъ... Самъ пришелъ подъ хату къ Кузьмѣ Борійчуку, вызвалъ Кузьму и каже: вяжите меня, бо я свою жинку забилъ геть до смерти!.. сѣкирой... Я и Ониську бачилъ, тату... Ку-у-да!.. Вже и не дышитъ... Мозги вывалились... Люди говорятъ, что онъ фершала съ ней засталъ...

Подходя къ деревнѣ, мы еще издали увидали большую толпу, собравшуюся на монопольной лужайкѣ. Всѣ галдѣли разомъ и безъ толку. Бабы, подперши ладонью лѣвой руки щеку, а правой поддерживая лѣвую за локоть, стояли сзади мужиковъ, въ этихъ неизмѣнныхъ позахъ русскаго женскаго горя и всхлипывали.

При нашемъ приближеніи толпа разступилась на обѣ стороны, образовавъ родъ широкой дорожки. Въ серединѣ круга на деревянномъ обрубкѣ сидѣлъ Александръ. Онъ былъ безъ шапки, съ блѣднымъ, испачканнымъ чѣмъ-то темнымъ — можетъ-быть, даже кровью — лицомъ. Увидя насъ, онъ поднялъ голову и вдругъ

улыбнулся. Странная это была улыбка — мучительная, болѣзненная, невыносимо тяжелая... Я поспѣшно прошелъ мимо, дальше отъ этой ненавистной мнѣ толпы, которая всегда съ такой омерзительной жадностью слетается на кровь, на грязь и на падаль...

Уже подходя къ своей квартирѣ, я слышалъ, какъ сотскій безобразно оралъ пронзительнымъ начальническимъ фальцетомъ.

— Ты людей убивать, сукинъ сынъ! Я тебѣ покажу, иродъ проклятый. Грицко, бѣжи за веревками... Я т-тебѣ покажу-у!..

НА ПОКОѢ.

I.

Когда единственный сынъ купца I-й гильдіи Нила Овсянникова, послѣ долгихъ безпутныхъ скитаній изъ труппы въ труппу, умеръ отъ чахотки и пьянства въ наровчатской городской больницѣ, то отецъ, не только отказывавшій сыну при его жизни въ помощи, но даже грозившій ему торжественнымъ проклятіемъ при отверстыхъ царскихъ вратахъ, основалъ въ годовщину его смерти «Убѣжище для престарѣлыхъ и немощныхъ артистовъ, имени Алексѣя Ниловича Овсянникова». Оттого ли, что учрежденіе это находилось въ глухомъ губернскомъ городѣ, или по другимъ причинамъ, но жильцовъ въ немъ всегда бывало мало. Убѣжище помѣщалось въ опустѣвшемъ барскомъ особнякѣ, всѣ комнаты котораго давнымъ-давно пришли въ ветхость, за исключеніемъ громадной залы съ паркетнымъ поломъ, венеціанскими окнами и бѣлыми, крашеными известкой, кривыми отъ времени колоннами. Въ этой залѣ и ютились осенью 1899-го года пятеро старыхъ, бездомныхъ актеровъ, загнанныхъ сюда нуждой и болѣзнями.

Посрединѣ залы стоялъ овальный обѣденный столъ, обтянутый желтой, подъ мраморъ, клеенкой, а у стѣнъ между колоннами размѣщались кровати, и около каждой

по шкапчику, совершенно такъ же, какъ это заведено въ больницахъ и пансіонахъ. Венеціанскихъ оконъ никогда не отворяли, изъ боязни сквозняка, отъ этого въ комнатѣ прочно установился запахъ нечистоплотной, холостой старости, — запахъ застоявшагося табачнаго дыма, грязнаго бѣлья и больницы. Вверху, между стѣнами и потолкомъ, всегда висѣла сѣрая, пыльная бахрома прошлогодней паутины.

Лучшимъ мѣстомъ считался уголъ около большой голландской печи, старинные изразцы которой были разрисованы синими тюльпанами. Здѣсь зимой бывало очень тепло, а широкая печь, отгораживая съ одной стороны кровать, придавала ей, до нѣкоторой степени, видъ отдѣльнаго жилья. Въ этомъ привилегированномъ мѣстѣ устроился самый давній обитатель
рованномъ мѣстѣ устроился самый давній обиватель Овсянниковскаго дома, бывшій опереточный теноръ Лидинъ-Байдаровъ, слабоумный, тупой и необыкновенно спѣсивый мужчина, съ трудомъ носившій на тонкихъ, изуродованныхъ подагрой ногахъ свое грузное и немощное тѣло. Попавъ въ убѣжище съ самаго дня его основанія, онъ держалъ себя въ немъ хозяиномъ и первый далъ тонъ сквернымъ анекдотамъ и циничнымъ ругательствамъ, никогда не прекращавшимся въ общихъ разговорахъ. Онъ же покрывалъ бѣлыя колонны залы и стѣнки уборной тѣми гнусными рисунками и омерзительными изреченіями въ стихахъ и прозѣ, на которые было неистощимо его болѣзненное воображеніе тайнаго эротомана.

По другую сторону печи, ближе къ окнамъ, помѣщался бывшій суфлеръ Иванъ Степановичъ, — плѣшивый, беззубый, сморщенный старикашка. Въ былыя времена весь театральный міръ звалъ его фамильярно «Стаканычемъ»; это прозвище сохранилось за нимъ и въ убѣжищѣ. Стаканычъ былъ человѣкъ кроткій, на-

божный, сильно глуховатый на оба уха и, какъ всѣ глухіе, застѣнчивый. Ежедневно, по нѣскольку разъ, Лидинъ-Байдаровъ развлекался тѣмъ, что, сохраняя на лицѣ озабоченное выраженіе, говорилъ старому суфлеру издали всякія сальности, на что Стаканычъ улыбался ласковой смущенной улыбкой, торопливо кивалъ головой и отвѣчалъ невпопадъ, къ великому удовольствію бывшаго опереточнаго премьера, которому эта шутка никогда не надоѣдала.

Съ утра до вечера Стаканычъ мастерилъ изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, тонкой проволоки и бисера какія-то удивительно хитрыя коробочки. Разъ или два въ годъ онъ отсылалъ ихъ партіями своему сыну Васѣ, служившему гдѣ-то въ уѣздномъ театрѣ, «на выходахъ». Если же онъ не клеилъ коробочекъ, то раскладывалъ на своей кровати пасьянсы, которыхъ зналъ чрезвычайно много.

По ту же сторону, но совсѣмъ у оконъ, обиталъ старый трагикъ Славяновъ-Райскій. Изо всѣхъ пятерыхъ онъ одинъ пользовался нѣкогда широкой и шумной извѣстностью. Въ продолженіе семи лѣтъ его имя, напечатанное въ афишахъ аршинными буквами, гремѣло по всѣмъ провинціальнымъ городамъ Россіи. Но черезъ годъ послѣ его угарнаго заката публика и печать сразу и совершенно позабыли о немъ. За кулисами, впрочемъ, старые актеры долго еще вспоминали о небывалыхъ и безумныхъ успѣхахъ его гастролей, о бѣшеныхъ деньгахъ, которыя онъ разбрасывалъ въ своихъ легендарныхъ кутежахъ, и о скандалахъ и дракахъ, которые онъ устраивалъ въ каждомъ городѣ.

Съ товарищами по общежитію Славяновъ-Райскій держался надменно и былъ презрительно неразговорчивъ. По цѣлымъ днямъ онъ лежалъ на кровати, молчалъ и безъ перерыва курилъ огромныя самодѣльныя папиросы. Иногда же, внезапно вскочивъ, онъ прини-

мался ходить взадъ и впередъ по залѣ, отъ оконъ къ дверямъ и обратно, мелкими и быстрыми шагами. И во время этой лихорадочной бѣготни онъ дѣлалъ руками передъ лицомъ короткія негодующія движенія и отрывисто бормоталъ непонятныя фразы. . .

Напротивъ стояла кровать «дѣдушки», котораго, такъ же, какъ и Стаканыча, весь актерскій міръ зналъ больше по этому прозвищу, чѣмъ по фамиліи. Уже цѣлыхъ три мѣсяца дѣдушка не вставалъ съ постели и, обросшій бѣлыми мягкими длинными волосами, лежалъ изсохшій и благообразный, напоминая въ своей бѣлой рубашкѣ иконописное изображеніе отходящаго угодника. Онъ говорилъ мало, съ передышками, глухимъ и тонкимъ старческимъ голосомъ и съ такимъ трудомъ, какъ будто бы стоналъ на каждомъ словѣ. У него болѣла грудь, но кашлять по-настоящему ему было трудно, и онъ только кряхтѣлъ слабо и жалобно. Дѣдушка былъ очень старъ, вѣроятно, старше всѣхъ современныхъ русскихъ актеровъ. Въ прежнее же время онъ былъ извѣстенъ во многихъ труппахъ, какъ хорошій актеръ на амплуа резонеровъ и дѣльный, грамотный режиссеръ.

Пятымъ и послѣднимъ обитателемъ убѣжища былъ комическій актеръ Михаленко, — раздутый водянкой, задыхающійся отъ астмы циникъ. Хрипя, еле переводя дыханіе, съ трудомъ выжимая изъ своей оплывшей груди слова, онъ, едва проснувшись, принимался браниться съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей и прекращалъ это занятіе, только ложась вечеромъ въ постель. Языкъ у него былъ острый, злой и безпощадно, по-актерски, грубый. Въ немъ вѣчно кипѣла завистливая, истерическая злоба, заставлявшая его интриговать, сплетничать и писать на своихъ товарищей нелѣпые анонимные доносы попечителямъ убѣжища. Въ сквернословіи Михаленко состязался съ Лидинымъ-Байдаровымъ, уступая

опереточному тенору въ изумительной способности изобрѣтать и сплетать между собою самыя невѣроятныя гнусности, но превосходя его злой и мѣткой язвительностью. Живая память сохранила ему неизсякаемый запасъ мерзостей закулисной жизни: любовныхъ связей, скандаловъ, дракъ, неудачъ и преступленій. Ссорясь съ сосѣдями онъ умѣлъ извлекать изъ ихъ театральнаго прошлаго наиболѣе постыдныя, наиболѣе чувствительныя страницы и такъ разрисовывалъ ихъ своимъ беззастѣнчивымъ юморомъ, что за нимъ всегда оставалось послѣднее слово. Одинъ глазъ у него былъ вставной, — тусклый, маленькій и слезливый, зато здоровый огромный голубымъ шаромъ вылѣзалъ изъ своей орбиты и всегда носилъ разгнѣванное выраженіе.

Жизнь въ убѣжищѣ текла однообразно и скучно. Просыпались актеры очень рано, зимою задолго до свѣта, и тотчасъ же, въ ожиданіи чая, еще не умывшись, принимались курить. Со сна всѣ чувствовали себя злыми и обезсилѣвшими и кашляли утреннимъ старческимъ, давящимся кашлемъ. И такъ какъ въ этой убогой жизни неизмѣнно повторялись не только дни, но и слова и жесты, то всякій заранѣе ждалъ, что Михаленко, задыхаясь и откашливаясь, непремѣнно скажетъ старую остроту:

— Вотъ это настоящій акцизный кашель!..

А дѣдушка, знавшій когда-то иностранные языки и до сихъ поръ не упускавшій случая хвастнуть этимъ, прибавлялъ своимъ стонущимъ фальцетомъ:

— Bierhusten. Это у нѣмцевъ называется Bierhusten. Пивной кашель...

Потомъ служившій при убѣжищѣ отставной николаевскій солдатъ Тихонъ приносилъ кипятокъ и неизмѣнныя сайки. Актеры заваривали чайники и уносили ихъ къ своимъ столикамъ. Пили чай очень долго и по многу, пили съ кряхтѣньемъ и вздохами, но молча.

Послѣ чая разсказывали сны и толковали ихъ: видѣть рѣку означало близкую дорогу, вши и грязь предвѣщали неожиданныя деньги, мертвецъ — дурную погоду. Сновидѣнья Лидина-Байдарова всегда заключали въ себѣ какую-нибудь сладострастную пакость. Затѣмъ шло на цѣлый день лежанье на грязныхъ, всклоченныхъ постеляхъ съ неприбранными, засаленными одѣялами. Отъ скуки и бездѣлья курили страшно много. Иногда посылали Тихона за газетой, но читали ее только двое: Михаленко, ревниво слѣдившій до сихъ поръ за именами бывшихъ товарищей по сценѣ, и Стаканычъ, котораго больше всего интересовали описанія грабежей, столкновеній поѣздовъ и военныхъ парадовъ. Дѣдушка плохо видѣлъ и потому просилъ изрѣдка почитать себѣ вслухъ. Но изъ этого мало выходило толку: беззубый суфлеръ шепелявилъ, брызгалъ слюной, и у него нельзя было разобрать ни слова, а Михаленко, читая, придѣлывалъ къ каждой фразѣ такія непристойныя окончанія, что дѣдушка въ концѣ концовъ махалъ рукою и говорилъ сердито:

— Ну, пошелъ врать, дуракъ. Эка мелетъ мелево!.. Уходи, не хочу слушать.

Разговаривали рѣдко, но подолгу, и всегда кончали ссорой и уличали другъ друга въ лганьѣ. Въ большомъ ходу были анекдоты, при чемъ у каждаго обозначалась своя область... Стаканычъ, который происходилъ изъ духовнаго званія, умѣлъ разсказывать про семинаристовъ, поповъ и архіереевъ; Михаленко былъ неистощимъ въ закулисныхъ исторіяхъ и помнилъ наизусть безчисленное множество неприличныхъ стихотворныхъ эпиграммъ, приписываемыхъ Ленскому, Милославскому, Каратыгину и другимъ актерамъ; Байдаровъ говорилъ противоестественныя и совершенно нелѣпыя гадости о женщинахъ. Впрочемъ, на послѣднюю тему всѣ они, не исключая набожнаго Стаканыча и не встававшаго

съ постели дѣдушки, любили поговорить, и ихъ собственное безсиліе, ихъ физическая и душевная немощь придавали этимъ разговорамъ уродливый и страшный характеръ. Ни разу, хотя бы случайно, ни одинъ изъ нихъ не помянулъ приличнымъ словомъ женщину, какъ мать, жену или сестру; женщина была въ ихъ представленіи исключительно самкой, — красивымъ, лукавымъ и безобразно-похотливымъ животнымъ.

Иногда актеры вспоминали и свои собственныя театральныя приключенія. Михаленко называлъ это «кислыми разсказами изъ прежней жизни». И, сами не замѣчая, они передавали одинъ и тотъ же эпизодъ по нѣскольку разъ, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, съ одинаковыми жестами и интонаціями; даже цѣплялись у нихъ анекдоты и кислые разсказы одинъ за другой все въ томъ же порядкѣ, по однѣмъ и тѣмъ же ассоціаціямъ мыслей. Отъ этого часто случалось, что проговоривъ часъ или два подъ рядъ, актеры вдругъ ощущали вмѣстѣ съ усталостью и скукой чувство нестерпимаго отвращенія къ самимъ себѣ и къ своимъ сожителямъ.

Для нихъ не было ничего святого. Всѣ они, не переставая, богохульствовали, и даже полумертвый дѣдушка любилъ разсказывать очень длинный и запутанный анекдотъ, гдѣ Авраамъ и три странника у дуба Мамврійскаго играли въ карты и совершали разныя неприличныя вещи. Но по ночамъ, во время тоскливой старческой безсонницы, когда такъ назойливо лѣзли въ голову мысли о безтолково прожженной жизни, о собственномъ немощномъ одиночествѣ, о близкой смерти, — актеры горячо и трусливо вѣровали въ Бога, и въ ангеловъ-хранителей, и въ святыхъ чудотворцевъ, и крестились тайкомъ подъ одѣяломъ и шептали дикія, импровизированныя молитвы. Утромъ вмѣстѣ съ ночными страхами проходила и вѣра. Одинъ только Ста-

канычъ былъ сдержаннѣе и послѣдовательнѣе другихъ. Онъ даже пробовалъ кое-когда, вставши съ постели, торопливо, украдкой, креститься на образъ, но каждый разъ ему мѣшалъ Михаленко, который, стоя за нимъ, шутовски кланялся, размахивалъ правой рукой, какъ будто въ ней было кадило, и хриплымъ дьячковскимъ басомъ вытягивалъ:

— Паки и паки, съѣли попа собаки, если бы не дьячки, разорвали бы въ клочки...

Въ два часа актеры обѣдали и за обѣдомъ неизмѣнно ругали непечатной бранью основателя убѣжища, купца I-й гильдіи Овсянникова. Прислуживалъ имъ все тотъ же солдатъ Тихонъ; его огорчало, что господа говорятъ за столомъ гадости, и иногда онъ пробовалъ остановить Михаленку, который былъ на языкъ невоздержаннѣе прочихъ:

— Не выражались бы вы, господинъ Михаленко. Кажется, образованный человѣкъ, а такія послѣднія слова за хлѣбомъ-солью... Совсѣмъ даже некрасиво.

Послѣ обѣда актеры спали тяжелымъ, нездоровымъ сномъ, съ храпѣньемъ и стонами, спали очень долго, часа по четыре, и просыпались только къ вечернему чаю, съ налитыми кровью глазами, со сквернымъ вкусомъ во рту, съ шумомъ въ ушахъ и съ вялымъ тѣломъ. Во время сна они отлеживали себѣ руки, ноги и даже головы и, вставши съ кроватей, шатались, какъ пьяные, и долго не могли сообразить, утро теперь или вечеръ. Послѣ чая опять лежали, курили и разсказывали анекдоты. Часто играли въ карты, — въ пикетъ и въ шестьдесятъ шесть, — и непремѣнно на деньги, а проигрышъ приписывали къ старымъ карточнымъ долгамъ, которые иногда достигали десятковъ тысячъ рублей. Удивительнѣе всего было то, что всѣ они не переставали вѣрить въ свое будущее: пройдетъ сама собою болѣзнь, подвернется ангажементъ, най-

дутся старые товарищи, и опять начнется веселая, пряная актерская жизнь. Поэтому-то они и хранили, какъ святыню, въ глубинѣ своихъ спальныхъ шкапчиковъ старыя афиши и газетныя вырѣзки, на которыхъ стояли ихъ имена.

Въ 8 часовъ подавали ужинъ, состоявшій изъ разогрѣтыхъ остатковъ отъ обѣда. Тотчасъ же послѣ ужина актеры раздѣвались и укладывались спать. Но засыпали не скоро. Долго всѣ пятеро ворочались на своихъ кроватяхъ, и это было самое мучительное время сутокъ. Сильнѣе давали о себѣ знать старыя, запущенныя болѣзни, нельзя было отогнать печальныхъ и ядовитыхъ мыслей о прошломъ, оскорбительнѣе чувствовалось убожество настоящей жизни. Но страшнѣе всего было думать о томъ, что, быть-можетъ, одинъ изъ сосѣдей тихо, незамѣтно ни для кого, уже умеръ среди этой ночи и будетъ лежать до самаго утра молчаливый, таинственный, ужасный. И актеры по нѣскольку разъ въ ночь окликали другъ друга, спрашивая дрожащими и кроткими голосами, который часъ, или прося одолжить спичку. И долго, долго, до ранняго свѣта, слышались въ большой комнатѣ, вмѣстѣ съ трескомъ разсыхающагося паркета, старческіе вздохи, невнятный бредъ, глухое покашливаніе и торопливый шопотъ...

И такъ тянулось изо дня въ день сѣрое, мелочное существованіе этихъ людей, когда-то жадно объѣдавшихся жизнью. Пріятно разнообразилось оно хожденіемъ въ городъ, но это удовольствіе было сравнительно очень рѣдкимъ, потому что деньги почти никогда не водились въ убѣжищѣ, а безъ денегъ не стоило и выходить за ворота. Безъ денегъ нельзя было ни купить табаку, ни прокатиться на извозчикѣ, ни зайти къ дешевой раскрашенной проституткѣ, ни посидѣть часокъ-другой въ излюбленномъ ресторанѣ, который

болѣе всего притягиваетъ къ себѣ бродяжническіе вкусы старыхъ актеровъ.

II.

14 сентября, въ праздникъ Воздвиженія, въ убѣжищѣ остались только двое жильцовъ: суфлеръ Стаканычъ и дѣдушка. Остальные ушли съ утра въ городъ. Михаленко принималъ участіе въ какомъ-то утреннемъ спектаклѣ (онъ время отъ времени добивался для себя такихъ приглашеній отъ бывшихъ товарищей по сценѣ). Поэтому онъ еще за два дня началъ низко и безъ всякой мѣры льстить Лидину-Байдарову, превознося его замѣчательный голосъ и поразительные успѣхи у женщинъ, и въ концѣ концовъ выпросилъ у опереточнаго премьера бумажный воротничокъ и манжеты, бывшіе всего разъ въ употребленіи, а также красный, заношенный до лоска галстукъ. Самъ Байдаровъ по большимъ праздникамъ ходилъ обѣдать въ знакомое купеческое семейство, гдѣ его снабжали кое-какимъ застиранным и перештопаннымъ бѣльишкомъ, папиросами, мелкими деньгами и кирпичнымъ чаемъ. Впрочемъ, эти унизительныя подробности своихъ праздничныхъ визитовъ онъ скрывалъ отъ товарищей, отчасти изъ боязни насмѣшекъ, а отчасти изъ скупости, такъ какъ онъ очень не любилъ, если у него просили взаймы. Что касается Славянова-Райскаго, то онъ наканунѣ получилъ субсидію изъ театральнаго фонда и теперь отправился въ городъ съ единственной цѣлью — провести весь день въ излюбленномъ трактирчикѣ, носившемъ библейское названіе «Капернаумъ», и вернуться въ убѣжище совершенно пьянымъ.

Дѣдушка лежалъ, сложивъ на животѣ и сцѣпивъ одну съ другой большія исхудалыя руки съ коричневой кожей и рѣзко выступающими наружу костяжками. Весь бѣлый, съ бѣлыми волосами, неподвижный и благообразный, онъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо походилъ на святого старца, готовящагося къ праведной кончинѣ. Его блѣдно-сѣрые, выцвѣтшіе глаза были упорно устремлены въ широкое венеціанское окно, гдѣ на густой осенней синевѣ неба медленно раскачивалась, вся озаренная солнцемъ, золотая круглая верхушка липы. Даже здѣсь, въ душной, пропитанной тяжелымъ запахомъ, комнатѣ, чувствовалось, что тамъ, за окномъ, стоитъ бодрый и холодный осенній день, сіяетъ яркое, но не грѣющее солнце и тянетъ крѣпкимъ ароматомъ увядающаго листа.

Стаканычъ, сидя на кровати по-турецки, раскладывалъ на одѣялѣ старыми, почернѣвшими и распухшими отъ времени картами одинъ изъ самыхъ длинныхъ своихъ пасьянсовъ, — «двѣнадцать спящихъ дѣвъ», который онъ, изъ уваженія къ его сложности и числовому наименованію, раскладывалъ только по двунадесятымъ праздникамъ. Видъ у Стаканыча былъ сосредоточенный. Онъ то подымалъ вверхъ брови, морща дряблую кожу на лбу въ длинныя, волнообразныя складки, то опускалъ ихъ внизъ и сдвигалъ вмѣстѣ, отчего надъ переносьемъ появлялась короткая, прямая, озабоченная морщинка. Когда же онъ муслилъ во рту палецъ, чтобы взять съ колоды карту, отъ которой пахло стекольной замазкой, и въ то же время задумчиво пробѣгалъ прищуренными глазами пасьянсъ, то его губы круглились, какъ будто онъ собирался свистать.

— Иванъ Степанычъ, поди-ка, братецъ, ко мнѣ, — позвалъ вдругъ дѣдушка своимъ тонкимъ старческимъ голосомъ.

— А? Ты меня, что ли, дѣдушка? — обернулся суфлеръ.

— Поди, говорю, на минуточку. Поговорить хочу.

— Сейчасъ, сейчасъ, дѣдушка, дай только рядъ докончу. Ну вотъ, и вся недолгà.

Стаканычъ перешелъ на кровать дѣдушки и усѣлся у него въ ногахъ. Старикъ опять посмотрѣлъ въ окно на густое, синее, спокойное небо, потомъ пошевелилъ сложенными на животѣ пальцами и длинно вздохнулъ.

— Ну, чтò, дѣдушка, скажешь? — осторожно спросилъ Стаканычъ, слегка похлопывая старика по большой ступнѣ, которая горбомъ выпячивалась подъ одѣяломъ.

— Вотъ чтò, Стаканычъ... — Дѣдушка перевелъ глаза на суфлера, но глядѣлъ на него такъ равнодушно, какъ будто бы разглядывалъ что-то сквозь него. — Вотъ какую я тебѣ исторiю скажу. Видѣлъ я сегодня во снѣ Машутку, свою внучку... Есть, братъ, у меня такая внучка въ Ростовѣ-на-Дону, Марьей ее зовутъ. Она портниха...

— Портниха? — озабоченно спросилъ Стаканычъ. — Портнихъ видѣть — не знаю, чтò значитъ. А вотъ иголку съ ниткой или вообще шить что-нибудь, — это непремѣнно къ дорогѣ...

— Къ дорогѣ, такъ къ дорогѣ. Оно такъ, пожалуй, и выходитъ, что къ дальней дорогѣ... Но очень бы мнѣ хотѣлось ее еще разъ повидать передъ тѣмъ, какъ закончу земныя гастроли.

— Чтò кончу? — переспросилъ Стаканычъ, приставивъ ладонь рупоромъ къ уху.

— Аберъ глупости... ничего. — У дѣдушки было любимое словцо «аберъ», которое онъ безъ нужды совалъ въ свою рѣчь. — Потомъ глядѣлъ я все на небо. Осень теперь, Стаканычъ, и воздухъ на дворѣ, какъ вино... Прежде, бывало, въ такiе ядреные дни все куда-то тянуло... на мѣстѣ не усидишь... Бывало,

нюхаешь-нюхаешь воздухъ, да ни съ того ни съ сего и закатишь изъ Ярославля въ Одессу.

— Изъ Вологды въ Керчь, — подсказалъ Стаканычъ, вспомнивъ, по суфлерской привычкѣ, слова изъ старой пьесы.

— Чушь! — съ усиліемъ поморщился дѣдушка. — Аберъ... я думалъ, что прошло ужъ это у меня. Но, какъ сегодня съ утра поглядѣлъ туда, — дѣдушка медленно перевелъ глаза на окно: — такъ и сталъ собираться. Выражаясь высокимъ штилемъ, вижу, что мое земное турне окончено. Но... все равно.

— Что̀ за мысли, дѣдушка! — разсудительнымъ баскомъ перебилъ Стаканычъ и развелъ руки съ растопыренными пальцами. — Просто напустилъ ты на себя мехлюзію. Еще на наши могилки пескомъ посыплешь.

— Нѣ-ѣтъ, братъ... Вижу, что довольно. Поигралъ пятакомъ, да и за щеку, какъ говорили у насъ въ Орлѣ уличные мальчишки. Аберъ ты постой, Стаканычъ, не егози, — остановилъ онъ рукой суфлера. — Мнѣ, братъ, это все равно...

— И не боишься, дѣдушка? — спросилъ вдругъ неожиданно для самого себя съ жаднымъ любопытствомъ Стаканычъ.

— Ни чуточки. Наплевать! .. Гнусно мы съ тобой, братецъ, нашу жизнь прошлепали! Это вотъ плохо... А бояться — чего же? «Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ — умирать». Ты не думай, Стаканычъ, и тебѣ не долго ждать своей очереди.

Дѣдушка говорилъ эти страшныя слова со своими обычными передышками, такимъ слабымъ и безучастнымъ голосомъ, съ такимъ равнодушнымъ выраженіемъ усталыхъ, запавшихъ глазъ, что казалось, будто внутри его говорила старая, испорченная машина.

— Такъ-то вотъ, Стаканычъ. Рожденіе человѣка — случайность, а смерть — законъ. Но ты былъ все-таки

добрый малый и самый замѣчательный изъ суфлеровъ, какихъ я только встрѣчалъ въ своей большой и дурацкой жизни. Знакомы мы съ тобой безъ малаго лѣтъ сто, и никогда ты не былъ противъ меня жуликомъ. Поэтому я хочу тебѣ сдѣлать презентъ. Возьми, братъ, себѣ на память портсигаръ... вотъ онъ на столикѣ... бери, бери, не стѣсняйся... Портсигаръ хорошій, черепаховый... теперь такихъ больше не дѣлаютъ. Антикъ. Была на немъ даже золотая монограмма, аберъ украли гдѣ-то, а то, можетъ-быть, я и самъ ее потерялъ, или того... какъ его... продалъ. Возьми, Стаканычъ.

— Спасибо, дѣдушка... Только напрасно ты все это...

— Ну, ну, ну, чего тамъ!.. Въ немъ еще лежитъ мундштукъ пѣнковый. И мундштукъ возьми. Хорошій мундштукъ, обкуренный...

Стаканычъ вынулъ мундштукъ, повертѣлъ его и вздохнулъ.

— Спасибо, дѣдушка. Штучка великолѣпная. А у меня вотъ былъ тесть-брандмейстеръ, знаешь, стараго закала человѣкъ, изъ кантонистовъ. Такъ онъ давалъ пѣнки обкуривать своимъ пожарнымъ. Совсѣмъ черныя дѣлались.

— Очень просто, — равнодушно согласился дѣдушка. — Такъ бери, Стаканычъ, и мундштукъ. Все-таки когда-никогда вспомнишь товарища. А вотъ только о чемъ я тебя попрошу. Тутъ останется послѣ меня разная хурда-мурда... одѣялишко, подушки и изъ платья кое-что... Конечно, рухлядь, аберъ на худой конецъ все рублей пятнадцать дадутъ.

— Да? — выжидательно произнесъ суфлеръ.

— Жду я, видишь, не пріѣдетъ ли внучка. Писала она мнѣ письмо. Такъ отдашь ей. Путь не близкій, большихъ денегъ стоитъ.

Оба помолчали. Дѣдушка поигралъ пальцами по одѣялу и протянулъ суфлеру руку.

— Ну, а теперь того... прощай, Стаканычъ. Полежу, подумаю...

— Священника бы? — нерѣшительно предложилъ Стаканычъ.

— Аберъ... оставь. Былъ у насъ въ Крыжополѣ парикмахеръ Теофиль... изъ хохловъ. Такъ онъ все говорилъ: обойдется цыганское веселье безъ марцыпановъ. Чудакъ былъ человѣкъ. Смѣшно мнѣ всегда это бывало, Стаканычъ, что какъ ни парикмахеръ, такъ самый строгій театральный критикъ... Эхъ, Стаканычъ, помнишь Тамбовъ? Конскія ярмарки? Смольскую? Гусаровъ? Много, братъ, мы съ тобой пережили, аберъ все впустую, и все это мнѣ теперь кажется, точно старая-престарая повѣсть... Ну, иди, иди, братъ...

Стаканычъ пожалъ его холодную, негнущуюся большую руку и, вернувшись на свою кровать, сѣлъ за прерванный пасьянсъ. И до самаго обѣда оба старика не произнесли больше ни слова, и въ комнатѣ стояла такая, по-осеннему, ясная, задумчивая и грустная тишина, что обманутыя ею мыши, которыхъ пропасть водилось въ старомъ домѣ, много разъ пугливо и нагло выбѣгали изъ своего подполья на середину комнаты и, блестя черными глазенками, суетливо подбирали разсыпанныя вокругъ стола хлѣбныя крошки.

III.

Передъ обѣдомъ пришли столкнувшіеся на подъѣздѣ Михаленко и Лидинъ-Байдаровъ. У опереточнаго премьера торчалъ подъ мышкой красный платочекъ, въ который были завязаны какіе-то припасы. Михаленко же вернулся въ убѣжище злой и усталый. Ему не за-

платили обѣщанной за спектакль платы, а такъ какъ свои деньги онъ оставилъ въ театральномъ буфетѣ, то ему и пришлось возвращаться черезъ весь городъ пѣшкомъ. Войдя въ залу, онъ съ силою швырнулъ свою шляпу-котелокъ о полъ, цинично и длинно выругался и повалился на кровать. Онъ задыхался; его жирное лицо было блѣдно, единственный глазъ выкатился наружу съ выраженіемъ ненависти, а отвисшія щеки блестѣли отъ пота. Безпредметная злоба, сдавливавшая ему горло и разливавшаяся горечью во рту, искала какого-нибудь выхода. Онъ увидѣлъ на шкапчикѣ у Лидина-Байдарова свою мѣдную машинку для папиросъ и тотчасъ же придрался къ этому.

— Послушай ты, старый павіанъ, надо раньше спрашиваться, когда берешь чужую собственность. Подай сюда машинку, — сказалъ Михаленко.

— Какую тамъ еще машинку? — надменно и въ носъ спросилъ Лидинъ-Байдаровъ. — Вотъ тебѣ твоя машинка, подавись!

— Прошу не швыряться чужими вещами, которыя вы украли! — закричалъ Михаленко страшнымъ голосомъ и быстро сѣлъ на кровати. Глазъ его еще больше вылѣзъ изъ орбиты, а дряблыя щеки запрыгали. — Вы мерзавецъ! Я знаю васъ, вамъ не въ первый разъ присваивать чужое. Вы въ Перми свели изъ гостинницы чужую собаку и сидѣли за это въ тюрьмѣ. Арестантъ вы!

Отъ злости, болѣзни и усталости у него не хватало въ груди воздуха, и концы фразъ онъ выдавливалъ изъ груди хрипящимъ и кашляющимъ шопотомъ.

Байдаровъ обидѣлся. Обычная спѣсивая манера покинула его, и онъ визгливо закричалъ, брызгая отъ торопливости слюнями:

— А я васъ попрошу, господинъ Михаленко, немедленно возвратить мнѣ взятые у меня манжеты и гал-

стукъ. И десять штукъ папиросъ, которыя вы мнѣ должны. Х-ха! Нечего сказать, хорошъ драматическій актеръ: никогда своего табаку не имѣетъ. Потерянная личность!..

— Молчите, старый дуракъ. Я вамъ размозжу голову первымъ попавшимся предметомъ! — захрипѣлъ Михаленко, хватаясь за спинку стула и тряся имъ. — Я могу быть страшенъ, чортъ возьми!..

— Ак-теръ! — язвилъ тономъ театральнаго презрѣнія Лидинъ-Байдаровъ. — Вы на ярмаркахъ карликовъ представляли.

— А вы — воръ! Вы въ Иркутскѣ свистнули изъ уборной у Вилламова серебряный вѣнокъ и потомъ поднесли его сами себѣ въ бенефисъ. Низкій, слюнявый субъектъ!

Они ругались долго и ожесточенно, ругались до тѣхъ поръ, пока самыя безобразныя слова не потеряли своего смысла и перестали быть обидными. И самое нелѣпое въ этой руготнѣ было то, что они съ обычнаго актерскаго «ты» перешли для большей язвительности на «вы», и это вѣжливое мѣстоимѣніе смѣшно и дико звучало рядомъ съ бранными выраженіями кабаковъ и базаровъ. Потомъ, уставши, они стали браниться лѣнивѣе, съ большими перерывами, подобно тому, какъ ворчатъ, постепенно затихая, но все-таки огрызаясь время отъ времени, окончившія драку собаки. Но изъ Михаленки не успѣло еще выкипѣть безсильное, старческое раздраженіе. Когда принесли обѣдъ, онъ сначала привязался къ Стаканычу за то, что тотъ взялъ стулъ, который Михаленко считалъ почему-то принадлежащимъ ему, а затѣмъ напалъ на Тихона, разставлявшаго посуду.

— Ты, гарнизонная крыса, не мажь пальцами по тарелкѣ. Ты думаешь, пріятно ѣсть послѣ твоихъ поганыхъ рукъ!

— Да развѣ я... Ахъ, Господи! — обидѣлся Тихонъ. — Откуда же у меня руки будутъ поганыя, когда я мылъ ихъ передъ обѣдомъ съ мыломъ?

— Знаю я тебя, кислая шерсть, — продолжалъ ворчать Михаленко. — Тоже подумаешь — севастополецъ. Герой съ дырой... Севастополь-то вы свой за картошку продали... герои...

Тихонъ всегда довольно терпѣливо сносилъ крупную соль актерскихъ остротъ, но онъ никогда не прощалъ Михаленкѣ Севастополя и легендарной картошки. И теперь, побагровѣвъ отъ негодованія, съ дрожащими руками, онъ закричалъ плачущимъ и угрожающимъ голосомъ:

— А вы вотъ что̀, господинъ Михаленко! Если вы про Севастополь еще одно слово, я завтра же пойду къ смотрителю. Такъ и скажу, что житья мнѣ отъ васъ нѣтъ. Только пьянствуете и ругаетесь. Небось, какъ изъ богадѣльни васъ попросятъ, куда вы сунетесь? Одно останется: руку горсточкой протягивать.

Передъ обѣдомъ Стаканычъ готовилъ себѣ салатъ изъ свеклы, огурцовъ и прованскаго масла. Всѣ эти припасы принесъ ему Тихонъ, дружившій со старымъ суфлеромъ. Лидинъ-Байдаровъ жадно слѣдилъ за стряпней Стаканыча и разговаривалъ о томъ, какой онъ замѣчательный салатъ изобрѣлъ въ Екатеринбургѣ.

— Стоялъ я тогда въ Европейской, — говорилъ онъ, не отрывая глазъ отъ рукъ суфлера. — Поваръ, понимаешь, французъ, шесть тысячъ жалованья въ годъ. Тамъ вѣдь на Уралѣ, когда наѣдутъ золотопромышленники, такіе кутежи идутъ... милліонами пахнетъ!..

— Все вы врете, актеръ Байдаровъ, — вставилъ, прожевывая говядину, Михаленко.

— Убирайтесь къ чорту! Можете спросить кого угодно въ Екатеринбургѣ, вамъ всякій подтвердитъ... Вотъ я этого француза и научилъ. Потомъ весь городъ

нарочно ѣздилъ въ гостиницу пробовать. Такъ и въ меню стояло: салатъ а ла Лидинъ-Байдаровъ. Понимаешь: положить груздочковъ солененькихъ, нарѣзать тоненько крымское яблоко и одинъ помидорчикъ и накрошить туда головку лука, картофеля варенаго, свеклы и огурчиковъ. Потомъ все это, понимаешь, смѣшать, посолить, поперчить и полить уксусомъ съ прованскимъ масломъ, а сверху чуть-чуть посыпать мелкимъ сахаромъ. И къ этому еще подается въ соусникѣ растопленное малороссійское сало; знаешь, чтобы въ немъ шкварки плавали и шипѣли... Уд-дивительная вещь! — прошепталъ Байдаровъ, даже зажмурясь отъ удовольствія. — А ну-ка, Стаканычъ, дай-ка попробовать, что̀ ты тамъ накулинарилъ?..

Дѣдушка отказался отъ обѣда. Садясь за столъ, Михаленко и его задѣлъ ядовитымъ словомъ:

— Что̀, дѣдушка, помирать собрался? Пора бы ужъ, старикъ, пора; землей пахнешь. Тебѣ, чай, на томъ свѣтѣ давно провіантъ отпускаютъ.

Дѣдушка спокойно, безъ всякаго выраженія скользнулъ взглядомъ по Михаленкѣ, точно поглядѣлъ мимоходомъ на неодушевленный предметъ.

— Противный ты человѣкъ, Михаленко, — сказалъ онъ равнодушно.

Когда актеры кончили обѣдъ и Тихонъ принялся убирать со стола, дѣдушка поманилъ его къ себѣ рукой и спросилъ:

— А что̀, Тихонъ, обо мнѣ никто тамъ не справлялся?

— Гдѣ-съ, Николай Николаевичъ? — изумился Тихонъ.

— Говорю, не приходили ли ко мнѣ?.. Дама одна...

— Никакъ нѣтъ, никто не приходилъ.

Тихонъ отъ удивленія даже развелъ руками, нагруженными посудой.

— Аберъ. . . ты вотъ что̀, Тихонъ. . . Если я засну, или что̀, а тамъ придутъ ко мнѣ, такъ ты меня того. . . разбуди. Барыня одна придетъ. . . внучка моя. . . Такъ ты разбуди. . .

Дѣдушка слабо махнулъ рукой и отвернулся отъ Тихона. И до глубокой ночи онъ лежалъ молча, еле замѣтно двигая пальцами по одѣялу и пристально, со строгой важностью глядя то въ противоположную стѣну, то въ широкое венеціанское окно, за которымъ тихо и ярко горѣла вечерняя заря.

А Михаленко съ Лидинымъ-Байдаровымъ послѣ обѣда, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣли играть въ шестьдесятъ шесть. Но Михаленкѣ не везло и въ картахъ. Онъ проигралъ два съ полтиной, что̀ вмѣстѣ со старымъ долгомъ составило круглую сумму въ двѣ тысячи рублей. Это разсердило Михаленку. Онъ сталъ провѣрять записи партнера и кончилъ тѣмъ, что уличилъ его въ нечестной игрѣ. Актеры опять сцѣпились и въ продолженіе двухъ часовъ выдумывали другъ о другѣ самыя грязныя и неправдоподобныя исторіи.

IV.

Славяновъ-Райскій съ утра не покидалъ Капернаума. Стоя у прилавка, онъ держалъ рюмку двумя пальцами, оттопыривъ мизинецъ, и жирнымъ актерскимъ баритономъ благосклонно и вѣско бесѣдовалъ съ хозяиномъ о томъ, какъ идутъ дѣла ресторана, и о старыхъ актерахъ, посѣщавшихъ въ былыя времена изъ года въ годъ Капернаумъ. Ресторанный воздухъ точно воскресилъ въ немъ ту наигранную, преувеличенную и манерную любезность, которой отличаются актеры внѣ кулисъ, на глазахъ публики. Случалось, что кто-нибудь тянулся черезъ него къ стойкѣ. Тогда

онъ учтиво и предупредительно отодвигался вбокъ, дѣлалъ свободной отъ рюмки рукой плавный, приглашающій жестъ и произносилъ великолѣпнымъ тономъ театральнаго стараго барина:

— Тысячу извиненій... Пра-ашу васъ.

Уставъ стоять, онъ сѣлъ за ближайшій къ прилавку столикъ, облюбованный, по старой привычкѣ, завсегдатаями Капернаума, и спросилъ газету. Ресторанъ быстро наполнялся. Сюда обыкновенно ходили, привлекаемые дешевизной и уютностью, студенты, мелкіе чиновники и приказчики. Скоро не осталось ни одного свободнаго мѣста. Два запоздавшіе посѣтителя — одинъ, постарше, хохластый, съ крючковатымъ носомъ, похожій на степеннаго попугая, а другой маленькій, подвижный, съ длинными маслеными волосами и въ пенснэ — не находили гдѣ присѣсть и, смѣясь, озирались по сторонамъ. Райскій перехватилъ взглядъ длинноволосаго. Слегка приподнявшись, онъ произнесъ съ напыщенной вѣжливостью:

— Если васъ только не стѣснитъ... э-э... я позволю себѣ предложить вамъ мѣсто за своимъ столомъ...

Посѣтители разсыпались въ благодарностяхъ и пошли къ буфету пить водку. Оба они считались въ ресторанѣ почетными гостями, «дававшими хорошо торговать». Они поздоровались съ хозяиномъ за руку и заговорили съ нимъ вполголоса. Славяновъ-Райскій понялъ, что рѣчь шла о немъ. Притворяясь углубленнымъ въ «Новое Время», онъ ловилъ привычнымъ ухомъ отрывки фразъ, которыя шопотомъ говорилъ хозяинъ, наклоняясь черезъ стойку.

— Ну да, тотъ самый... Помилуйте, пятьсотъ за выходъ. Это въ тѣ-то времена! Талантище зам-мѣчательный... Только двое: онъ да Ивановъ-Козельскій... Что̀?.. Ну, конечно, если бы не пилъ...

Гости, дававшіе торговать, были польщены. Прежде, чѣмъ сѣсть, тотъ, что̀ былъ похожъ на попугая, сморщилъ лицо въ заискивающую улыбку и, кланяясь и потирая руки, сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ... хе-хе-хе... нельзя ли ужъ намъ всѣмъ познакомиться... Знаете ли, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... Позвольте представиться...

Онъ оказался оцѣнщикомъ земельнаго банка, а его товарищъ — воскреснымъ фельетонистомъ мѣстнаго листка. Фельетонистъ встряхиваетъ маслеными волосами и бормоталъ:

— Мы оба съ вами представители искусства... Ваше громкое имя... Печать и сцена, какъ два полюса, всегда должны итти рука объ руку.

Славяновъ-Райскій, падкій на ресторанныя знакомства, пожималъ имъ руки, привѣтливо кивалъ головой и улыбался широкой, дѣланной актерской улыбкой, обнаруживавшей беззубый ротъ.

— Очень пріятно встрѣтиться... Въ теперешнее время забываютъ насъ, старыхъ артистовъ, и тѣмъ болѣе отрадно... Нѣтъ, нѣтъ, благодарствуйте, отъ завтрака я откажусь... Но если вы уже такъ настаиваете, то развѣ одну только м-маленькую рюмочку водки... за компанію. Только уговоръ: расчетъ по-американски, каждый за себя... Merçi. Ваше здоровье!.. Пожалуйста, не безпокойтесь, мнѣ отлично сидѣть. Благодарю васъ, коллега, благодарю, — говорилъ онъ покровительственнымъ баскомъ, пожимая съ фамильярной лаской руку фельетониста выше локтя.

Славяновъ и вправду не хотѣлъ ѣсть, потому что, какъ застарѣлый алкоголикъ, давно страдалъ отсутствіемъ аппетита. Водку же и пиво онъ пилъ благосклонно, но опьянѣлъ отъ четырехъ рюмокъ и сталъ врать. Поклонники ѣли порціонный завтракъ, а онъ критиковалъ кушанья и объяснялъ подробно, какъ вы-

кармливаютъ въ Тамбовѣ поросятъ, какъ отпаиваютъ телятъ въ Суздалѣ, и какую уху онъ ѣлъ у рыбаковъ на Волгѣ. Потомъ онъ разсказывалъ о баснословныхъ кутежахъ, которые въ его честь задавалъ въ какомъ-то губернскомъ городѣ директоръ банка, угодившій впослѣдствіи подъ судъ, и о торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ ему въ Москвѣ печатью. При этомъ онъ безъ затрудненія сыпалъ фамиліями, выхватывая ихъ изъ старыхъ пьесъ или просто сочиняя, и всѣхъ называлъ уменьшительными именами: — «Сашка Путята... сверхъестественный мужчина... двадцать четыре тысячи въ годъ, не считая суточныхъ!.. И съ нимъ вмѣстѣ Измаилка Александровскій... Измаилушка! Вотъ это были люди! Измаилъ на вытянутой рукѣ подымалъ восемнадцать пудовъ... Пойми ты, огарокъ, восем-надцать пудовъ! — Онъ уже обращался къ своимъ новымъ знакомымъ на ты и, забывъ американскій расчетъ, безцеремонно распоряжался за столомъ.

Затѣмъ онъ началъ читать монологи пьянымъ, хриплымъ голосомъ, съ воплями, завываніями и неожиданной икотой въ драматическихъ мѣстахъ. Иногда онъ забывалъ слова и, съ трудомъ вспоминая ихъ, дѣлалъ видъ, что длинной паузой усиливаетъ смыслъ фразы; тогда онъ молча и безсильно раскачивался на стулѣ съ рукой, застывшей въ трагическомъ жестѣ, и со страшными, вращающимися глазами. Но такъ какъ оба его сосѣда начинали чувствовать себя неловко, а многіе посѣтители, оставивъ свои мѣста, собирались вокругъ почетнаго столика, то самъ хозяинъ подошелъ къ пьяному актеру и сталъ его уговаривать:

— Меркурій Иванычъ, не разоряйтесь, пожалуйста. Знаете ли, безобразно... и другіе гости обижаются. Ну развѣ нельзя честь-честью? Тихо, мирно, благородно...

— Уйди отъ меня, буржуй! — закричалъ Славяновъ, отмахиваясь отъ хозяина локтемъ и мѣряя его грознымъ взглядомъ. — Съ кѣмъ говоришь!..

И онъ принялся скандалить, какъ скандалилъ послѣ выпивки всю свою жизнь, во всѣхъ городахъ и во всѣхъ ресторанахъ. Сначала онъ обозвалъ скверными словами хозяина, потомъ своихъ собесѣдниковъ, пытавшихся его образумить, и наконецъ обрушился на всю глазѣвшую на него публику.

— Всѣ вы свиньи, ненавидимыя мной! — кричалъ онъ, качаясь взадъ и впередъ на стулѣ и стуча кулаками по столу. — Ненавижу васъ и презираю!.. Публика! Есть ли на свѣтѣ слово, низменнѣе этого? А-а! Вы сбѣжались посмотрѣть на скандалъ? Ну, такъ вотъ вамъ, глядите! — Славяновъ съ размаху хлопнулъ себя ладонью по груди. — Вотъ передъ вами первый въ Россіи трагическій актеръ, который влачитъ нищенское существованіе. Любопытно? И все-таки я презираю васъ, хамы, всѣми фибрами своей души! Вы, кажется, смѣетесь, молодой идіотъ въ розовомъ галстукѣ? — обратился онъ вдругъ къ кому-то за сосѣднимъ столикомъ. — Кто вы такой? Вы приказчикъ? Камердинеръ? Бильярдный шулеръ? Парикмахеръ? Ага! Улыбка уже исчезла съ вашего лошадинаго лица. Вы — букашка, вы въ жизни жалкій статистъ, и ваши полосатыя панталоны переживутъ ваше ничтожное имя. Да, да, смотрите на меня, жвачныя животныя! Я былъ гордостью русской сцены, я оставилъ слѣдъ въ исторіи русскаго театра, и если я палъ, то въ этомъ трагедія, болваны! А вы, — Славяновъ обвелъ широкимъ пьянымъ жестомъ всѣхъ глазѣвшихъ на него встревоженныхъ людей: — вы мелочь, соръ, инфузоріи!..

— Позвольте!.. Это скандалъ!.. Мы этого не потерпимъ! — раздались негодующія восклицанія. — Гдѣ

хозяинъ? Выкинуть этого субъекта! Послать за полиціей!..

Трактирный слуга бережно взялъ Славянова подъ мышки и повлекъ къ выходу. Славяновъ не сопротивлялся, но и не переставалъ браниться. Когда же его просовывали въ двери, онъ разбилъ кулакомъ оконное стекло и окровянилъ себѣ руку. Оцѣнщикъ банка и фельетонистъ рѣшили вдругъ, что съ ихъ стороны будетъ постыдно бросить на произволъ судьбы пьянаго, больного старика. Съ большимъ трудомъ узнали они у перваго трагическаго актера его адресъ и при помощи дворника усадили его на пролетку. Но, отъѣхавъ два шага, Славяновъ вдругъ остановилъ извозчика.

— Послушайте, какъ васъ? — пьянымъ движеніемъ руки подозвалъ онъ къ себѣ оцѣнщика. — Это я съ вами, кажется, сидѣлъ? Дайте рубль.

— Ахъ, пожалуйста, — любезно заторопился бухгалтеръ, вынимая изъ кармана портмоне.

— Давайте сюда... Отлично. Запишите этотъ день красными чернилами въ своемъ гроссбухѣ. Сегодня вы подали милостыню артисту Славянову-Райскому. Чортъ васъ побери!..

И всю дорогу, до самаго убѣжища, онъ бранился скверными словами, раскачиваясь въ разныя стороны на пролеткѣ.

V.

Въ убѣжище онъ явился совершенно пьяный. Глаза у него остеклянѣли, нижняя челюсть отвисла, изъ-подъ сидѣвшей на затылкѣ шляпы спускались на лобъ мокрыми сосульками волосы. Войдя въ общую комнату, онъ скрестилъ руки, свѣсилъ низко на грудь голову и, глядя впередъ изъ-подъ грозно нахмуренныхъ бровей,

такъ что вмѣсто глазъ виднѣлись одни только бѣлки, началъ неистовымъ голосомъ гамлетовскій монологъ:

Для чего
Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!

— Н-да-а, хоро-ошъ! — сказалъ Стаканычъ, качая головой.

— Тихонъ, — взвизгнулъ фистулой Михаленко: — уберите немедленно этого пьянаго господина!

Но Славяновъ продолжалъ декламировать, не обращая на него вниманія. И, несмотря на сильное опьяненіе, несмотря на хрипоту и блеяніе въ голосѣ, онъ все-таки по безсознательной привычкѣ, читалъ очень хорошо, въ старинной благородной и утрированной манерѣ:

И если бы Всесильный намъ не запретилъ
Самоубійства... Боже мой, великій Боже!
Какъ гнусны, безполезны, какъ ничтожны
Дѣянья человѣка на землѣ!

— Эй, суфлеръ, чтò же ты не подаешь? Заснулъ! — крикнулъ Славяновъ на Стаканыча, который смотрѣлъ на него, сидя на кровати и кривя ротъ въ довольную усмѣшку.

— Меркурь Иванычъ, вы же знаете, что я по Полевому не могу. Я по Кронебергу.

— Подавай, какъ тебѣ велятъ...

Жизнь! Чтò ты? Садъ, заглохшій
Подъ дикими безплодными травами!..
Едва лишь шесть недѣль прошло...

— Прошу васъ, пьяный актеръ Райскій, прекратить вашу дурацкую декламацію! — опять закричалъ Михаленко. — Вы не въ кабакѣ, гдѣ вы привыкли кривляться за рюмку водки и бутербродъ съ килькой.

— Молчи, червякъ! — бросилъ ему съ трагическимъ жестомъ Славяновъ. — Съ кѣмъ говоришь?.. Подумай, съ кѣмъ ты говоришь... Ты, считавшій за честь подать калоши артисту Славянову-Райскому, когда онъ уходилъ съ репетиціи, ты, актеръ, игравшій толпу и голоса̀ за сценой! Рабъ! Неодушевленная вещь!..

— У! Дуракъ пьяный! — выдавилъ изъ себя вмѣстѣ съ припадкомъ кашля Михаленко.

— А-а! Ты забылъ разницу между нами? Негодный! Это цѣлая бездна. Во мнѣ каждый вершокъ — великій артистъ, вы же всѣ — гниль и паразиты сцены.

— Однако вы потише, господинъ Райскій, — гордымъ тономъ вмѣшался Лидинъ-Байдаровъ. — Если вы будете продолжать ваши пьяныя оскорбленія людей, которые васъ не трогаютъ, то вы можете сильно за это поплатиться, чортъ возьми!..

— Ты... ты... ты!.. — захлебнулся Славяновъ отъ негодованія. — Какъ у тебя повернулся языкъ? Этотъ вотъ, — онъ величественно указалъ на Михаленку: — этотъ хоть ходилъ по сценѣ, подавая стаканы, но онъ все-таки актеръ...

— Эѳіопъ вы! — болѣе спокойнымъ тономъ огрызнулся Михаленко.

— А ты, кан-налья, ты вылѣзъ на сцену, не имѣя на это никакихъ правъ, кромѣ толстыхъ ляжекъ въ розовомъ трико. Ты пѣлъ козломъ и дѣлалъ гнусныя тѣлодвиженія. — «О, сновидѣнье, о, наслажденье!», — передразнилъ Славяновъ, сдѣлавъ непристойный жестъ. — Ты попалъ въ храмъ искусства по недоразумѣнію, случайно, какъ могъ бы попасть въ распорядители кафе-шантана или открыть публичный домъ. Ты — мѣдная голова, ты — безстыдникъ! Вотъ, именно, без-стыдникъ! У тебя, какъ у мелкаго, гаденькаго и похотливаго звѣрюшки, никогда не было стыда за свой жестъ, за

свою мимику, не было стыда лица и тѣла. Тебѣ, съ твоей развязностью продажнаго мужчины, ничего не стоило бы голымъ выскочить предъ публику, если бы только на это далъ позволеніе околоточный надзиратель, котораго одного ты боялся и уважалъ во всю свою презрѣнную жизнь.

— Я не понимаю, что̀ меня удерживаетъ отъ удовольствія вышвырнуть васъ въ окно! — воскликнулъ напыщенно Лидинъ-Байдаровъ.

— У-у, кретинъ! Вѣдь въ каждомъ звукѣ твоего голоса слышна глупость, въ каждомъ твоемъ движеніи видно разжиженіе мозга. Но у тебя никогда нельзя было разобрать, гдѣ у тебя кончается глупость и гдѣ начинается подлость. Даже отъ твоего театральнаго имени вѣетъ пошлостью и нахальствомъ. «Лидинъ-Байдаровъ»! Скажите, пожалуйста!.. А ты просто шкловскій мѣщанинъ Мовша Розентулъ, сынъ старьевщика и самъ въ душѣ ростовщикъ.

— Пропойца, скандалистъ, дутая знаменитость!

— Пропойца! — презрительнымъ басомъ и выпятивъ нижнюю губу, протянулъ Славяновъ. — Соглашаюсь, былъ Славяно̀въ-Райскій пропойцей. Пилъ чрезмѣрно и много безобразничалъ, билъ портныхъ и реквизиторовъ, билъ антрепренеровъ и рецензятъ, іудино племя̀. Но спроси, кто помнитъ зло на Славяновѣ-Райскомъ? Черезъ мои руки прошли сотни тысячъ денегъ, но спроси, гдѣ онѣ? Отъ меня ни одинъ бѣднякъ, ни одинъ маленькій актеришка не вышелъ безъ помощи. Шарманщики, уличные акробаты, слѣпые музыканты были моими друзьями. А сколько піявокъ питалось около меня!.. И такъ я жилъ!.. Широко жилъ, съ размахомъ. Вонъ Стаканычъ знаетъ меня пятнадцать лѣтъ, онъ скажетъ. Правду я говорю, Стаканычъ?

— Вы мнѣ, что ли, Меркурь Иванычъ? — спросилъ суфлеръ, отрываясь отъ своихъ коробочекъ и дѣлая руку надъ глазами щиткомъ.

— Всегда первый номеръ въ самой дорогой гостинницѣ. Прислугѣ швырялъ золото, какъ индійскій принцъ. Лучшій экипажъ, лошади — львы, кучеръ — страшилище, идоломъ сидитъ на козлахъ. Свой собственный лакей былъ — Мишка. Кто не знаетъ моего Мишку? Антрепренеры въ немъ заискивали, чтобы узнать, въ какомъ духѣ я проснулся сегодня... за руку съ нимъ здоровались. А какъ я одѣвался! Всегда фракъ и англійское бѣлье. Каждый день Мишка покупалъ для меня новую сорочку: стиранаго не носилъ, гнушался. Портные за честь считали шить для меня въ долгъ. Городскіе франты нарочно ходили въ театръ поучиться у меня, какъ надо носить платье.

— Вотъ, братъ, и проносился, — ехидно вставилъ Лидинъ-Байдаровъ.

— О, тварь, ненавидимая мною! — завопилъ Славяновъ. — Да, я проносился, пропился и палъ до того, что живу въ одной грязной клѣткѣ съ такой мерзкой обезьяной, какъ ты. Но я прожилъ огромную жизнь, я испыталъ сладость вдохновенія, и за мною шла сказочная, царственная слава. Я заставлялъ людей плакать и радоваться. О, что̀ я дѣлалъ съ толпой! Когда въ «Макбетѣ» въ сценѣ съ кинжаломъ я показывалъ рукой въ пространство, то полторы тысячи зрителей вставали со своихъ мѣстъ, какъ одинъ человѣкъ. А какимъ я былъ Коррадо! Въ Харьковѣ полиція не дала мнѣ доиграть послѣдняго акта, потому что тогда разрыдались всѣ, — и мужчины и женщины, и даже на глазахъ у актеровъ, игравшихъ со мною, я видѣлъ слезы. Пойми же, орангутангъ, слезы!.. Ты, балаганный Петрушка, безчестилъ швеекъ, обѣщая сдѣлать изъ нихъ опереточныхъ примадоннъ, въ тебя стрѣляли, какъ въ бѣ-

шеную собаку, когда ты убѣгалъ изъ опозоренныхъ тобою спаленъ, ты дрожалъ надъ каждой копейкой и отдавалъ тайкомъ деньги въ незаконный ростъ, и только потому не сдѣлался подъ старость содержателемъ ссудной кассы, что тебя, когда ты сталъ скорбенъ главою, обобрала первая попавшаяся судомойка. Ты въ каждомъ городѣ оставлялъ грязные хвосты, и есть тысячи людей, которымъ ты, при всей своей наглости, не посмѣешь поглядѣть въ глаза. А я по всей Россіи, отъ Архангельска до Ялты и отъ Варшавы до Томска, прошелъ съ гордо поднятой головой, не чувствуя ни стыда ни страха. Со мною губернаторы считались! Когда на Волгѣ описали за долги мой театръ и ко всѣмъ дверямъ приложили печати, что̀ я сдѣлалъ? Я не тронулъ печатей, но снялъ съ петель всѣ двери и все-таки далъ спектакль. Кто бы могъ это сдѣлать, кромѣ Славянова-Райскаго?.. Стой, Тихонъ! — остановилъ онъ солдата, который въ это время бережно несъ къ образу зажженную лампадку. — Дай закурить...

Славяновъ потянулся къ огню, но Тихонъ сурово посмотрѣлъ на актера и отвелъ руку съ лампадкой въ сторону.

— Стыдитесь, господинъ Райскій, — сказалъ онъ внушительно. — Пора бы ужъ и о смертномъ часѣ подумать, а вы святотатствуете. Гдѣ же это видно, чтобы отъ лампадки закуривали? Да еще въ такой праздникъ?

— Ну, ну, гарниза-пуза, пошелъ разговаривать! — крикнулъ со своей кровати Михаленко. — Вотъ, постой, я перебью всѣ твои лампадки. Только вонь разводишь. Идолопоклонникъ!..

— Эхъ, ужъ вы-ы! — безнадежно махнулъ рукой Тихонъ. — Одно слово, безбожники вы, господинъ Михаленко. Вотъ господинъ Райскій... они хоть и вы-

питши, а я на нихъ никакъ не надѣюсь, чтобы они такое слово сказали.

Обличительная рѣчь Тихона дала вдругъ новое направленіе пьянымъ мыслямъ Славянова. Онъ умилился и со слезами полѣзъ цѣловать солдата.

— Тихонъ, душа моя! . . Добрый, старый, вѣрный Тихонъ! Понимаешь ты Славянова-Райскаго? Жалѣешь? Дай, я поцѣлую твою честную, сѣдую голову.

— Господи, да какъ же намъ не понимать! — расчувствовался въ свою очередь Тихонъ. Онъ утерся рукавомъ и съ готовностью подставилъ губы Славянову. Потомъ, съ кряхтѣньемъ установивъ лампадку и слѣзая съ табурета, онъ сказалъ, добродушно и укоризненно покачивая головой:

— А нѣтъ того, чтобы отставному севастопольцу пожертвовать на построеніе полдиковинки. Сами кушаете водочку, а свою вѣрную слугу забываете.

— Тихонъ! Радость моя! Голубка! Все я растранжирилъ, старый крокодилъ. . . Впрочемъ, постой. . . Тамъ у меня, кажется, еще что-то осталось. — Онъ пошарилъ въ карманѣ и вытащилъ оттуда вмѣстѣ съ грязной ватой, обломками спичекъ, крошками табаку и другимъ соромъ, нѣсколько мѣдныхъ монетъ. — На, получай, старый воинъ. И знай, Тихонъ, — вдругъ съ паѳосомъ воскликнулъ Славяновъ, ударивъ себя въ грудь кулакомъ: — знай, что тебя одного даритъ своей дружбой жалкая развалина того, что̀ раньше называлось великимъ артистомъ Славяновымъ-Райскимъ!

И онъ расплакался обильными, пьяными, истерическими слезами. Оплакивалъ онъ свою погибшую шумную жизнь, и свою сиротливую старость, и то, что его никто не понимаетъ, и то, что его давеча такъ оскорбительно вывели изъ ресторана. Его сожители давно уже лежали подъ одѣялами, а онъ все говорилъ и говорилъ, изрѣдка обращаясь къ своему сосѣду Стаканычу, ко-

торый отвѣчалъ соннымъ, невнятнымъ мычаніемъ. И въ этомъ неясномъ бредѣ безобразно сплетались экипажи, фраки, губернаторы, серебряные сервизы, отрывки ролей и грязная ругань. И когда онъ наконецъ заснулъ, то все еще продолжалъ бормотать въ тяжеломъ, полномъ призраковъ, пьяномъ снѣ.

VI.

Къ часу ночи на дворѣ поднялся упорный осенній вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ. Липа подъ окномъ раскачивалась широко и шумно, а горѣвшій на улицѣ фонарь бросалъ сквозь ея вѣтви слабый, причудливый свѣтъ, который узорчатыми пятнами ходилъ взадъ и впередъ по потолку. Лампадка передъ образомъ теплилась розовымъ, кротко мерцающимъ сіяніемъ, и каждый разъ, когда длинный язычокъ огня съ легкимъ трескомъ вспыхивалъ сильнѣе, то изъ угла вырисовывалось въ золоченой ризѣ темное лицо Спасителя и Его благословляющая рука.

Всѣ актеры, кромѣ Славянова, бредившаго во снѣ, проснулись среди ночи и лежали молча, со страхомъ и тоскою въ душѣ. Лидинъ-Байдаровъ, у котораго отъ прежнихъ привычекъ осталась только жадная любовь къ сладкому, ѣлъ принесенную имъ днемъ ватрушку съ вареньемъ и старался дѣлать это какъ можно тише, чтобы не услыхали сосѣди. Михаленко, покрывшись съ головой одѣяломъ, пугливо прислушивался къ глухому и тревожному біенію своего сердца. Каждый разъ, когда вѣтеръ, напирая на стекла и потрясая ими, бросалъ въ нихъ съ яростной силой брызги дождя, Михаленко глубже прятался головой въ подушку и наивно, какъ это дѣлаютъ въ темнотѣ боязливыя дѣти, закрещивалъ мелкими быстрыми крестами всѣ щелочки между

своимъ тѣломъ и одѣяломъ. Стаканычъ слѣзъ съ кровати и стоялъ на колѣняхъ. Въ темнотѣ слышались его глубокіе вздохи, однообразный, непрерывный и торопливый шопотъ и глухой стукъ его лба о полъ. Напротивъ его, все такъ же прямо и неподвижно вытянувшись, лежалъ дѣдушка. Глаза его медленно переходили съ чернаго окна на нѣжно-розовый мерцающій свѣтъ лампадки и на тѣни, качавшіяся по потолку. Лицо у него было важное, спокойное и задумчивое.

Позднѣе другихъ проснулся Славяновъ-Райскій. Онъ былъ въ тяжеломъ, грузномъ похмельѣ, съ оцѣпенѣвшими руками и ногами, съ отвратительнымъ вкусомъ во рту. Сознаніе возвращалось къ нему очень медленно, и каждое движеніе причиняло боль въ головѣ и тошноту. Ему съ трудомъ удалось вспомнить, гдѣ онъ былъ днемъ, какъ напился пьянымъ и какъ попалъ изъ ресторана въ убѣжище.

Онъ вспомнилъ также, что у него въ карманѣ пальто лежитъ полбутылка водки, которую онъ всегда, даже въ самомъ пьяномъ состояніи, запасалъ себѣ на утро. Это у него была своеобразная, пріобрѣтенная долгимъ пьянымъ опытомъ и обратившаяся въ инстинктъ привычка стараго алкоголика. Онъ всталъ и прошелъ босикомъ къ шкапу, гдѣ висѣло верхнее платье. Черезъ минуту оттуда послышалось, какъ задребезжало въ его дрожащихъ рукахъ, стуча о зубы, горлышко бутылки, какъ забулькала въ ней жидкость, и какъ самъ Славяновъ закряхтѣлъ и зафыркалъ губами отъ отвращенія.

— Райскій, душечка, одолжи и мнѣ, — молящимъ шопотомъ попросилъ Михаленко: — такая тоска... такая тоска....

Славяновъ поднялъ бутылку и нерѣшительно посмотрѣлъ сквозь нее на свѣтъ лампадки. Ему было

жаль водки, но онъ никогда не умѣлъ отказать, если его о чемъ-нибудь просили.

— Эхъ, ну ужъ ладно, давай стаканъ, — сказалъ онъ, сморщившись.

Въ темнотѣ опять заплескала жидкость и зазвенѣло стекло о стаканъ.

— Ну, вотъ, спасибо, братикъ, спасибо, — говорилъ Михаленко. — Ффа-а-а, ожгло!.. Славный ты товарищъ, Меркурій Иванычъ...

— Ну ладно ужъ... чего ужъ тамъ... Давече я наговорилъ тебѣ непріятностей, такъ ты ужъ того... не очень сердись.

— Вотъ глупости. Чай, мы съ тобой не чужіе. Свой братъ, Исакій. Ты мнѣ, я тебѣ, безъ этого не обойдешься.

— Вѣрно, вѣрно, милый... именно не обойдешься, — со вздохомъ зашепталъ Славяновъ, усаживаясь на кровати Михаленки. — Трудно безъ этого. Живемъ мы кучей, тѣсно и все другъ о друга тремся. Видалъ ты, въ нѣкоторыхъ домахъ ставятъ такія стеклянныя мухоловки съ пивомъ? Наберется туда мухъ видимо-невидимо, и всѣ онѣ въ собственномъ соку киснутъ да киснутъ, пока не подохнутъ. Такъ и мы, братъ Саша, въ своей мухоловкѣ закисли и обозлились... А кромѣ того, я и особо сердитъ на этого идіота, Байдарова. Ну, скажи на милость, какой онъ намъ товарищъ? Какой онъ артистъ? Все равно, что изъ грязи пуля. Другое дѣло, взять хоть бы насъ съ тобой, Сашуха... все-таки мы какъ-никакъ, а послужили театру.

— Что ужъ вы, Меркурій Иванычъ, ровняете меня съ собой. Вы, можно сказать — китъ сцены, а я такъ... пескаришка маленькій...

— Оставь, Саша. Оставь это, братецъ мой. У тебя тоже талантище былъ: теплота, юморъ, свѣжести сколько. У теперешнихъ механиковъ этого нѣтъ. Дру-

гой шерсти люди. Натура имъ вовсе не дадено отъ природы. А ты нутромъ игралъ.

— Гдѣ ужъ намъ, Меркурій Иванычъ! Наше дѣло маленькое. За васъ вотъ обидно.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не грѣши, Саша, ты этого не говори. Я вѣдь тебя хорошо помню въ «Женитьбѣ Бѣлугина». Весь театръ ты тогда морилъ со смѣху. Я стою за кулисами и злюсь: сейчасъ мой выходъ, сильное мѣсто, а ты публику въ лоскъ уложилъ хохотомъ. «Эка, думаю, переигрываетъ, прохвостъ! Весь мой выходъ обгадилъ». А самъ, понимаешь, не могу отъ смѣха удержаться, трясусь, прыскаю, и шабашъ. Вотъ ты какъ игралъ, Сашецъ! У нынѣшнихъ этого не сыщешь. Шалишь!.. Но не везло тебѣ, Михаленко, судьбы не было.

— Что жъ, Меркурій Иванычъ, — согласился польщенный Михаленко: — это вѣрно, что и меня публика хорошо принимала. Только голосу у меня нѣтъ настоящаго, вотъ что скверно. Астма эта проклятая.

— Вотъ, вотъ, вотъ... я это самое и говорю. Астма, или тамъ, скажемъ, судьба, — это все равно. Мнѣ вотъ повезло, и я покатилъ въ гору, а ты хоть и талантливъ, и знаешь сцену, какъ никто, а тебѣ не поперло. Но это и не суть важно. Главное, что упали-то мы съ тобой все равно въ одно мѣсто, въ одну и ту же отравленную мухоловку, и тутъ намъ пришлось и сундукъ и крышка.

— Не пили бы, такъ и не падали бы, Меркурій Иванычъ, — съ горькой насмѣшкой вставилъ Михаленко.

— Молчи, молчи, Саша, — испуганно и умоляюще зашепталъ Славяновъ: — не смѣйся надъ этимъ... Развѣ легко падать-то? Погляди на меня. Я ли не былъ вознесенъ, а теперь что? Живу на иждивеніи купчишки, хожу по трактирамъ, норовлю выпить на чужой счетъ, кривляюсь... Бываетъ вѣдь и мнѣ стыдно, Саша...

охъ, какъ стыдно!.. Вѣдь мнѣ, Саша, голубушка ты моя, шестьдесятъ пять лѣтъ въ декабрѣ стукнетъ. Шестьдесятъ пя-ать... Цифра!.. Въ дѣтствѣ, я помню, начну, бывало, считать свои года и все радуюсь, какой я большой, сколько времени на одинъ счетъ уходитъ. А ну-ка, посчитай теперь-то! — неудержимо зарыдалъ вдругъ Славяновъ. — Дѣдушка вѣдь я, маститый старецъ, патріархъ, а гдѣ мои внуки, гдѣ мои дѣти? Чортъ!

Темнота ночи все сильнѣе взвинчивала нервы Славянова, разбитые тяжелымъ похмельемъ. Онъ билъ себя въ грудь кулаками, плакалъ, сморкался въ рубашку и, качаясь, точно отъ зубной боли, взадъ и впередъ на кровати Михаленки, говорилъ всхлипывающимъ, тоскливымъ шопотомъ:

— Мира я хочу, тишины, простого мѣщанскаго счастья!.. Иду я иной разъ вечеромъ по улицѣ и — привычка у меня такая — все въ чужія окна гляжу. И вотъ, бывало, видишь: комната этакая мирная, лампа, круглый столъ, самоварчикъ... тепло, должно-быть, тамъ... пахнетъ жильемъ, домовитостью, геранью. А кругомъ народъ, молодой, бодрый, веселый, любящій... И старикашка тутъ же гдѣ-нибудь пристроился, — сѣденькій, опрятненькій, благодушный. Сидитъ себѣ съ черешневымъ чубукомъ, и всѣ къ нему такъ ласково, съ почтеніемъ... А я, старый шутъ, стою на улицѣ и мерзну, и плачу, и все смотрю... Слыхалъ я и по пьесамъ знаю, что бываютъ милыя, вѣрныя на всю жизнь женщины, сидѣлки въ болѣзни, добрые друзья въ старости. Гдѣ онѣ, эти женщины, Михаленко? Любили, братъ, и меня, — но какая это была любовь? Послѣ бенефиса поѣхали за городъ, тройки, галдежъ, пьяное вранье, закулисныя прибаутки, и тутъ же затрепанныя, загаженныя слова: «Люблю тебя свободною любовью! Возьми меня, я вся твоя!» Отдѣльный кабинетъ, грязь, пьяная, угарная любовь, скитаніе вмѣстѣ по труппамъ, и вѣчно — ста-

рый, гнусный водевиль: «Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ». И вотъ жизнь прошла, и нѣтъ у меня во всемъ мірѣ ни души. Н-ни души! Тоска, мерзость... Знаешь, Саша, — Славяновъ наклонился къ самому уху Михаленки, и въ его шопотѣ послышался ужасъ: — знаешь, вижу я теперь часто во снѣ, будто меня кто-то все догоняетъ. Бѣгу я будто по комнатѣ, и много-много этихъ комнатъ впереди, и всѣ онѣ заперты... И знаю я, что надо мнѣ успѣть открыть двери, вытащить ключъ и запереться съ другой стороны. И тороплюсь я, тороплюсь, и страшно мнѣ до тошноты, до боли... Но ключи заржавѣли, не слушаются, и руки у меня, какъ деревянныя. А «онъ» все ближе, все ближе... Едва успѣю я запереться, а онъ ужъ тутъ, рядомъ, напираетъ на двери и гремитъ ключомъ въ замкѣ... И знаю я, чувствую я, что не спастись мнѣ отъ него, но бѣгу изъ комнаты въ комнату, бѣгу, бѣгу, бѣгу...

— Эхъ, не скулилъ бы ты, Меркурій Ивановичъ, — съ безнадежнымъ уныніемъ перебилъ Михаленко.

— Но хуже всего, что гадокъ я себѣ самому, гадокъ! — страстнымъ шопотомъ восклицалъ Славяновъ. — Отвратителенъ!.. Милостыней вѣдь живу, Христа ради... И всѣ, всѣ мы такіе. Мертвецы ходячіе, рухлядь! Старая бутафорская рухлядь! О-о-о, гнусно, гнусно мнѣ!..

Онъ схватился обѣими руками за воротъ рубашки и разодралъ ее съ верху до низу. Въ груди у него что-то клокотало и взвизгивало, а плечи тряслись.

— Уйди ты, уйди, ради Бога, Меркурій Ивановичъ! — умолялъ Михаленко. — Не надо, родной... боюсь я... страшно мнѣ...

Шлепая по полу босыми ногами, съ мокрымъ лицомъ, шатаясь на ходу отъ рыданій, Славяновъ тяжело перевалился на свою кроватъ. Но онъ еще долго метался головой по подушкѣ и всхлипывалъ, и горячо

шепталъ что-то, сморкаясь въ простыню. Не спалъ и Лидинъ-Байдаровъ. Крошки отъ ватрушки набились ему подъ одѣяло, прилипали къ тѣлу и царапались, а въ голову лѣзли все такія скучныя, ненужныя и позорныя мысли о прошломъ. Стаканычъ, намазавшій на ночь грудь и поясницу бобковой мазью, кряхтѣлъ и ворочался съ боку на бокъ. Его грызъ застарѣлый ревматизмъ, который всегда съ особенной силой разыгрывался въ непогоду. И вмѣстѣ со словами молитвъ и привычными мыслями о сынѣ въ его памяти назойливо вставали отрывки изъ старыхъ, забытыхъ всѣмъ міромъ пьесъ.

Одинъ дѣдушка лежалъ неподвижно. Его руки были сложены на груди, поверхъ одѣяла, и не шевелились больше, а глаза были устремлены впередъ съ такимъ строгимъ и глубокимъ выраженіемъ, какъ будто дѣдушка думалъ о чемъ-то громадномъ и неизмѣримо превышающемъ всѣ человѣческіе помыслы. И въ этихъ немигающихъ, полузакрытыхъ глазахъ, не проникая въ нихъ, отражался стекляннымъ блескомъ розовый свѣтъ лампадки.

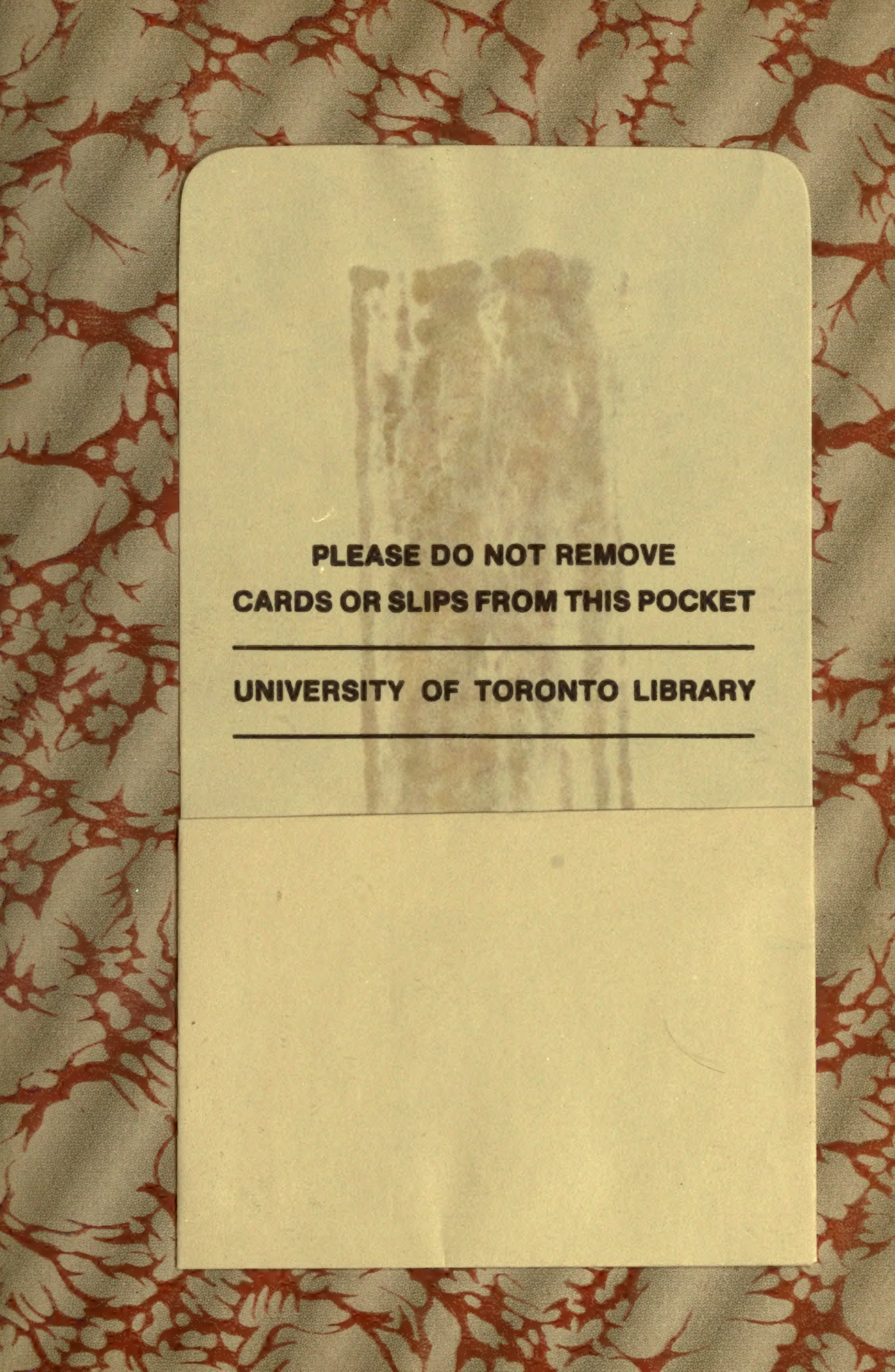
А ночь тянулась нестерпимо долго и тоскливо. Было еще темно, когда Михаленко, охваченный внезапнымъ страхомъ, вдругъ сѣлъ на кровати и спросилъ громкимъ, дрожащимъ шопотомъ:

— Дѣдушка, ты спишь?

Но дѣдушка не отвѣтилъ. Въ комнатѣ была грозная, точно стерегущая кого-то тишина, а за чернымъ окномъ бушевалъ вѣтеръ и бросалъ въ стекла брызги дождя.

JUL
UNIVERSITY

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

